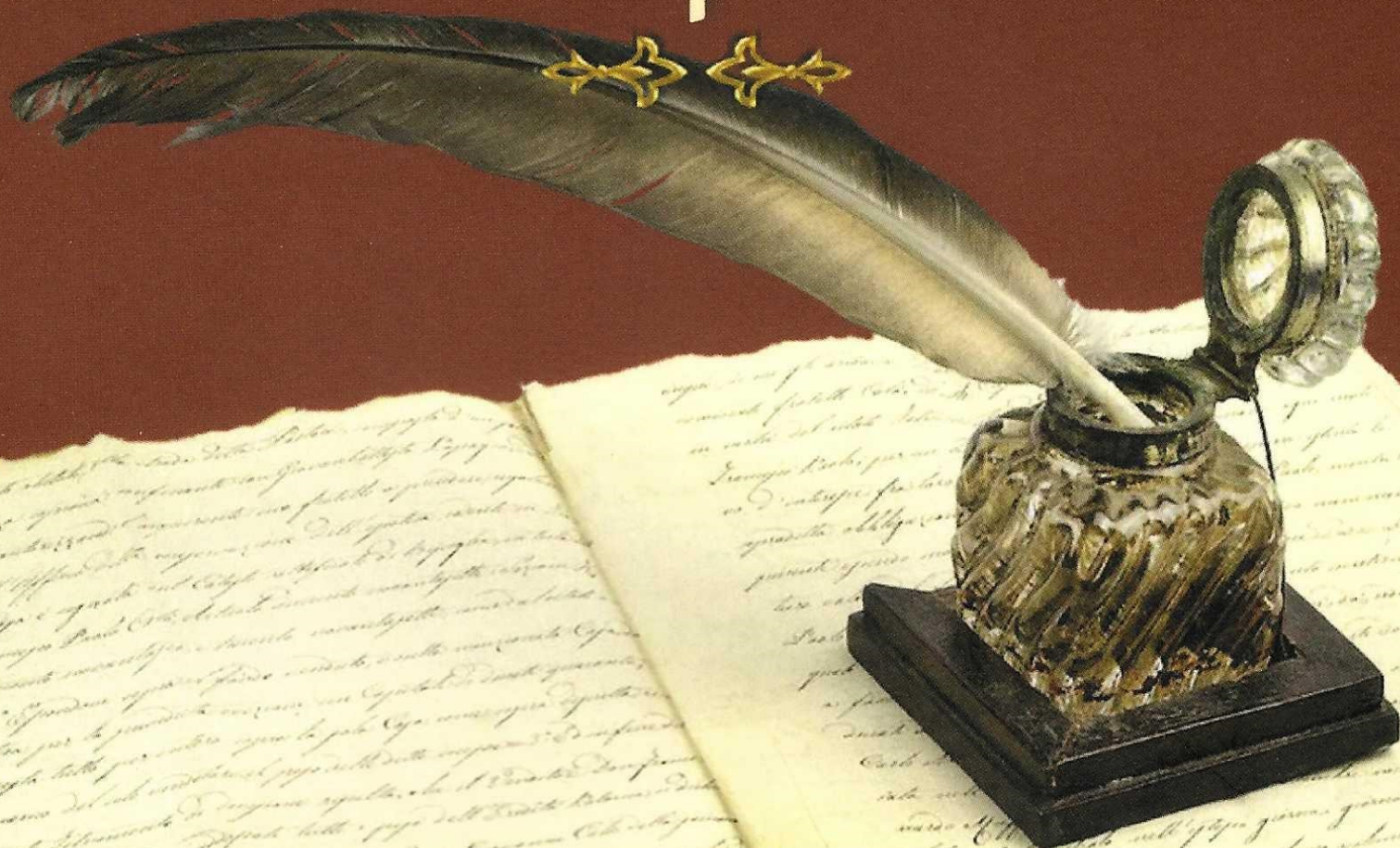

*Российский государственный
исторический архив*

*Карамзинские
чтения*

4

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

4

Санкт-Петербург

РГИА

2022

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)
К21

Председатель редакционного совета
С. В. Штукова (канд. социол. наук)

Составители:

А. Б. Богомолов (отв. ред.), Н. В. Колосенкова

Рецензенты:

Г. Ю. Афанасьев (канд. ист. наук), Н. Г. Зарембо (канд. ист. наук)

К 21 **Карамзинские чтения** / [под науч. ред. С. В. Чернявского] ;
РГИА. — Вып. 4. — СПб. : РГИА, 2022. — 170 с., [16] с. цв. ил.
ISBN 978-5-905317-09-5

В сборнике представлены материалы четвертых Карамзинских чтений, приуроченных к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского — выдающегося деятеля российской истории, реформатора и законодателя. Предметом обсуждения стало развитие российской государственности в XIX — начале XX вв.

В предлагаемых статьях участников чтений отражен достаточно широкий круг вопросов, имеющих отношение к заявленной теме, от установления крепостного права, до реформ М. М. Сперанского и других государственных и общественных деятелей России на протяжении двух столетий. Подавляющее большинство докладов подготовлено с использованием большого числа документов из фондов РГИА.

Издание представляет интерес для профессиональных историков и архивистов, может быть использовано преподавателями различных учебных заведений, а также адресовано тем, кто проявляет интерес к отечественной истории.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-905317-09-5

© Российский государственный
исторический архив, 2022

Предисловие научного редактора

В мае 2022 г. в стенах Российского государственного исторического архива прошли очередные, четвёртые Карамзинские чтения. На этот раз они были приурочены к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского — выдающегося российского реформатора и законодателя.

Родился будущий государственный деятель 1 (12) января 1773 г. в селе Черкутино Владимирской губернии в семье священнослужителя. Отличавшийся с раннего детства незаурядными способностями юноша поступил во Владимирскую семинарию, где и получил фамилию Сперанский, которую можно перевести с латыни как «подающий надежды».

На протяжении всего курса обучения юный Сперанский оставался первым учеником. Среди товарищей по учёбе он пользовался авторитетом за свои обширные знания, трудолюбие и неизменную готовность прийти на помощь. В семинарии давали вполне приличное образование. Здесь преподавали помимо богословия иностранные языки, включая латынь и древнегреческий, физику, математику, философию.

По окончании курса Сперанский перевёлся в столичную Александро-Невскую семинарию. Здесь способный семинарист обратил на себя внимание митрополита Гавриила, по ходатайству которого молодой человек был оставлен в семинарии преподавателем. Через некоторое время Сперанский, по рекомендации митрополита, стал секретарём князя А. Б. Куракина, занявшего в царствование Павла Петровича должность генерал-прокурора.

На этом поприще Сперанский трудился и при трёх преемниках князя. Молодого чиновника хорошо знал государь, ценивший его ум и трудолюбие. Это помогло Михаилу Михайловичу сделать головокружительную карьеру, став в возрасте 27 лет статским советником и, как следствие, потомственным дворянином.

В марте 1801 г. на Российский престол вступил Александр I. Сперанский получил звание статс-секретаря и в 1802 г. поступил на службу в министерство внутренних дел, заняв весьма высокую и влиятельную должность правителя канцелярии министерства. По поручению государя Михаил Михайлович подготовил план устройства судебных и правительственных мест в России и стал причастен к появлению в империи некоторых указов и распоряжений, положенных в основу реформаторской деятельности молодого государя. В их числе указ о свободных хлебопашцах, разрешение вольного соляного промысла, дозволения о ввозе из-за границы книг и открытии частных типографий, преобразования в медицинских, почтовых делах и проч.

Государь очень скоро оценил выдающиеся способности статс-секретаря и приблизил его к себе. В 1808 г. Сперанский становится инициатором учреждения Царскосельского лицея, разработав для этого специальный проект. В том же году он назначен с сохранением прежних должностей товарищем (заместителем) министра юстиции, получает чин тайного советника и подготавливает план реформ — «Введение к уложению государственных законов». В январе 1810 г. учреждается Государственный совет, а М. М. Сперанский становится государственным секретарём — одним из самых влиятельных сановников империи.

Однако трезвый государственный ум Сперанского не смог постичь всех хитросплетений дворцовых интриг. Помимо прочего, он стал инициатором введения экзаменов для чиновников на гражданские чины, а также фактической отмены придворной службы, что вызвало острое недовольствие чиновничества и аристократии. Предложения Сперанского по преобразованию государственного устройства империи, пусть и не всегда радикальные, вызвали резкую критику со стороны консерваторов, в частности Н. М. Карамзина и Ф. В. Ростопчина.

Недоброжелатели Михаила Михайловича, возводя на него напраслину, доводили все эти слухи до императора, вызывая у того раздражение и формируя негативное отношение к фавориту. Всё это интриганство закончилось закономерной опалой высокопоставленного чиновника, завершившейся лишь в 1816 г. назначением Сперанского пензенским гражданским губернатором. По свидетельству современников, эта деятельность принесла Михаилу Михайловичу вполне заслуженную признательность и уважение населения.

Весной 1819 г. Сперанский был назначен сибирским генерал-губернатором. Михаил Михайлович понимал, что лично для него это не только

возможность очиститься от наветов, но и шанс вернуться в большую политику, и потому энергично взялся за дело. Он лично объехал большую часть Сибири, побывав в самых отдалённых её уголках, встретился с сотнями людей разных сословий, выслушал и прочитал огромное число жалоб и челобитных.

В марте 1821 г. Сперанский вернулся в Петербург. Это был уже не прежний пылкий реформатор, фонтанирующий новыми идеями, а осторожный и мудрый государственный деятель и царедворец. По итогам его работы летом того же года был сформирован 1 Сибирский комитет, занявшийся вплотную проведением предложенных Михаилом Михайловичем реформ и установлением в Сибири особой системы управления делами. Сам Сперанский был отмечен по заслугам и стал членом Государственного совета.

Во время царствования Николая I М. М. Сперанскому была поручена кодификация, т. е. упорядочение законодательства империи. Эта грандиозная задача решилась всего за четыре года и уже в 1830 г. были составлены «Полное собрание законов Российской империи» и «Свод законов Российской империи». Позже эта колоссальная работа воплотилась в издание 45 томов «Собрания» и 15 томов «Свода». Воистину — эпохальный труд! Свидетельством этого стало публичное возложение государем снятой с собственного мундира звезды ордена Андрея Первозванного на грудь М. М. Сперанского.

В январе 1839 г. действительный тайный советник М. М. Сперанский, председатель департамента законов Государственного совета, кавалер российских и иностранных орденов, был возведён в графское достоинство. К глубокому сожалению, вскоре, в феврале того же года, Михаил Михайлович скончался от простуды. Упокоился один из самых известных сановников Российской империи на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

По мнению подавляющего большинства исследователей, этот незаурядный человек стал живым воплощением реформаторских идей своего времени, направленных на совершенствование государственного управления России и улучшение жизни людей её населяющих. Причиной необыкновенного возвышения, а затем неизменно высокого положения в государственной иерархии стали его недюжинные способности и талант, помноженные на необыкновенное трудолюбие, а затем уже благоприятное для карьерного роста стечение обстоятельств.

Тема четвёртых Карамзинских чтений была сформулирована следующим образом: «М. М. Сперанский и развитие российской государственности в XIX – начале XX вв.» Это научное мероприятие, впрочем, как и все предыдущие, вызвало большой интерес у исследователей. Подавляющее большинство докладов участников чтений было подготовлено с использованием документов РГИА, тем более что в архивных фондах отложилось очень большое количество соответствующих документальных свидетельств.

Проведение следующих, пятых чтений запланировано на 2024 г., и их тематика будет заблаговременно объявлена. Организаторы уверены, что и грядущее мероприятие соберёт большое количество участников, традиционно пройдёт на высоком уровне и получит высокую оценку научной общественности.

*Кандидат исторических наук, доцент
С. В. Чернявский*

А. В. АШИХМИН

**О корнях «просвещённого охранительства»:
источники и историография
идеологической модели С. С. Уварова¹**

Аннотация: В статье на основе русской и зарубежной историографии XIX–XXI вв., опубликованных источников и архивных материалов, хранящихся в фонде Департамента народного просвещения Российского государственного исторического архива, исследуется происхождение и эволюция историографических представлений о деятельности С. С. Уварова на посту министра народного просвещения (1833–1849). В частности, рассматриваются наиболее известные источники, по которым возможно отследить процесс формирования идеологической модели («православие, самодержавие, народность»), сформулированной министром и весьма длительное время бытовавшей в административном измерении как основная опорная имперская идеологема.

Ключевые слова: источники, историография, архивные документы, Министерство народного просвещения, государственная идеология, николаевская эпоха, С. С. Уваров.

Историография вопроса

Общественно-политические дискуссии, некоторым образом легитимизированные в эпоху Великих реформ, затронули в том числе и вопрос об идеологической системе, формально существовавшей в административном, образовательном и интеллектуальном пространствах Российской империи предшествующего времени. В 1872–1873 гг. историк и литературовед А. Н. Пыпин в своём труде «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов» впервые в историографии совершил попытку систематизации фактов и явлений, характеризовавших идеологическую программу министра народного просвещения С. С. Уварова, которая осуществлялась с 1832 г. вплоть до начала правления императора Александра II. Пытаясь дать пространные историко-литературоведческие характеристики творчеству таких фигур, как В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, он посвятил теории С. С. Уварова две главы своей книги: одну под названием «Народность официальная», другую —

¹ Термин «просвещённое охранительство» по отношению к управленческой деятельности С. С. Уварова использует московский исследователь А. А. Левандовский в своей статье. См.: Левандовский А. А. Просвещённый охранитель (С. С. Уваров) // Знание – сила. 2014. № 7. С. 60–67.

«Развитие научных исследований “народности”»². Оценки А. Н. Пыпина, хотя и не были детально проработаны, на долгое время стали господствующими сначала в либеральной имперской историографии, а затем и в советской — ввиду их универсальности и удобства для обоих историко-политических мировоззрений.

А. Н. Пыпин описывал уваровскую систему, и это описание соответствовало его представлениям о государственном консерватизме. По его мнению, она базировалась на следующих принципах: борьба «с поверхностным воспитанием и вольнодумством, заимствованном из иностранных учений», «истинно русские начала» в воспитании юношества, а также подчинение государственной и общественной жизни этим началам³.

Именно перу Пыпина принадлежит привычный большинству знакомых с историей России XIX в. термин «теория официальной народности». Также именно академик Пыпин впервые предложил два взгляда на теорию «официальной народности» — взгляд школы славянофилов и школы их интеллектуальных оппонентов — западников, причём первых он фактически идейно отождествил со сторонниками системы «официальной народности»⁴, с чем сегодня не согласится ни один исследователь рассматриваемого периода. Надо сказать, что система историографической типологии, предложенная Пыпиным, окончательно не пересмотрена и на сегодняшний день. Теоретические построения самого Пыпина обозначили сложность и противоречивость явления уваровской триады, поскольку даже на страницах его книги мы не видим чёткой разницы между словесными конструкциями, употребляемыми академиком: он синонимично «систему» уподобляет «теории», что говорит о не оформленных до конца представлениях об «официальной народности».

Однако нельзя не заметить другой лагерь историографии в лице историков второй половины XIX — начала XX вв. М. И. Сухомлинов в сочинении, выпущенном ещё раньше труда А. Н. Пыпина в 1865–1866 гг., одним из первых обращается к исследованию деятельности С. С. Уварова «либерального» (предромантического) периода, когда последний управлял Санкт-Петербургским учебным округом и фактически создал столичный

² Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1906. С. 93, 196.

³ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений... С. 94.

⁴ Там же. С. 196–198.

университет в том виде, в котором он существует до сих пор⁵. Впервые обстоятельно был описан процесс формирования антипатической позиции ведомства народного просвещения по отношению к университетской системе протестантской Германии на рубеже 1810–1820-х гг. Уваров же пройдёт долгий путь от апологета немецкой либеральной академической системы до сторонника национальной романтики, выраженной в триаде «православие, самодержавие, народность». В этой же работе впервые было опубликовано письмо С. С. Уварова императору Александру I и его мнение по поводу «дела о профессорах» Петербургского университета, обвинённых в 1821 г. в вольнодумстве и безбожничестве⁶.

Весомый вклад в переосмысление фигуры С. С. Уварова как руководителя внёс академик С. В. Рождественский. В «Историческом обзоре деятельности министерства народного просвещения», вышедшем в юбилейный для министерств 1902 г. он не причислил министра Уварова к «клеветам», а обстоятельно рассмотрел систему реформ в области просвещения и идеологическую модель «православие, самодержавие, народность». С. В. Рождественский считал, что события 1848 г. стали окончательными для размежевания идей Уварова с классицистическим представлением Николая I об образовании и идеологии⁷. Пожалуй, в столь противоречивое время интеллектуал-министр не имел возможности сохранить свой пост с учётом его административной компромиссности, романтичности и искренней любви к европейской университетской системе.

Советскую методологическую предвзятость по отношению к фигуре Уварова не пошатнула даже его формальная близость к А. С. Пушкину через кружок «Арзамас». В оценках советских историков разных периодов преобладает излишняя гипертрофированность значения уваровской системы как одного из главных проявлений «апогея самодержавия». В зависимости от политической обстановки советского общества в трактовках триады радикальное осуждение сменялось просто негативными оценками в сравнении с «передовыми» революционно-демократическими идеями от декабристского республиканизма до кружка петрашевцев.

⁵ Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. В 2 т. СПб., 1866. Т. II. С. 28–29.

⁶ Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России... С. 195–202.

⁷ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 226.

Историк А. Е. Пресняков в середине 1920-х гг. положил начало историографической дискуссии о том, какая из частей уваровской триады является главенствующей. Перед марксистской историографией под влиянием школы М. Н. Покровского стояла задача тотального подчинения дискурса интересам революционного государства. Это сопровождалось порой одиозными и ничем не подкрепленными утверждениями. От такого рода влияния не был избавлен и представитель платоновской школы А. Е. Пресняков. В своей монографии о времени правления Николая I он писал: «По официальной доктрине, эффектно сформулированной министром народного просвещения С. С. Уваровым, в основе самобытной русской жизни лежат три принципа: самодержавие, православие и народность. Первым лицом этой троицы, безусловно преобладающим, являлось, конечно, самодержавие, которому всё должно подчиняться, не внешне только, но и внутренне, не за страх только, а за совесть»⁸. Подобных оценок придерживались многие представители советской исторической науки.

Ленинградский историк С. Б. Окунь, труды которого ввиду обширности тем претендовали на передовое концептуальное значение, причислял Уварова к представителям «охранительства» и отмечал, что министр народного просвещения, наряду с Бенкендорфом, ценился Николаем не за личные услуги, а как «государственный муж». Однако невозможно согласиться со следующей характеристикой С. Б. Окуня: «Мракобес по убеждению, ханжа по натуре, он всё же, сколь это ни парадоксально, шокировал николаевских приближённых. Для их общества Уваров, прежде всего, был излишне образован⁹. Безусловно, С. С. Уваров был образованнее многих высших чиновников николаевской эпохи, но в данном случае нужно говорить, прежде всего, об ином типе образованности. Как и М. М. Сперанскому, отличавшемуся широчайшей эрудицией и подвижным интеллектом, С. С. Уварову больше подходит характеристика «просвещённый бюрократ»¹⁰. Что касается оценок собственно теории, то здесь С. Б. Окунь выражает общее для советской исторической

⁸ Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925. С. 57–58.

⁹ Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX века. Л., 1957. С. 171.

¹⁰ Термин «просвещённая бюрократия» подробно описан в статье И. В. Ружицкой. См.: Ружицкая И. В. «Просвещённые бюрократы» — новый тип российских чиновников: опыт характеристики // Вестник РУДН. История России. 2008. № 1(11). С. 36–43.

науки мнение о реакционности, деспотичности и искусственной насаждаемости «теории официальной народности» в имперском обществе¹¹.

Зарубежная историографическая картина была иной. Самое масштабное западное исследование, посвящённое биографии и деятельности С. С. Уварова, принадлежит перу американской исследовательницы Цинтии Х. Виттекер. Автору удалось обозначить многочисленные противоречия, сопровождаемые просвещенческую и административную деятельность графа, в отличие от представителей марксистской школы. Цинтия Х. Виттекер склонна считать уваровскую триаду последствием масштабной организации одного из самых значимых министерств государства, которому ещё только предстояло преодолевать громадную отсталость от европейских держав. В представлении С. С. Уварова, как подчеркивает американский историк, России ещё предстояло превращение из «молодой» страны в страну «зрелую»¹².

Нельзя не отметить оригинальное исследование американского историка Ричарда Вортмана, который интерпретировал «уваровскую триаду» следующим образом: отказывая терминам «православие, самодержавие и народность» в сакральной составляющей, он подчёркивал их сугубо утилитарное назначение для поддержания существования имперского пространства во всех его измерениях. Также он подчёркивал синкретический характер сочетания процессов интеллектуального заимствования европейских идей и собственно «национального» в триаде графа Уварова: «Николаевская «официальная народность» была попыткой такого объединения национальных концептов и западных форм, которое позволило бы сохранить миф об императоре-европейце»¹³.

В рамках русскоязычной постсоветской историографии заслуживают внимания труды историка А. И. Миллера и филолога А. Л. Зорина. В обобщающей предыдущие концептуальные наработки книге «Нация, или Могущество мифа» А. И. Миллер описывает процесс вытеснения министром С. С. Уваровым термина «нация» из речевой культуры вследствие опасений имперской администрации очередной попытки революционного переворота, поскольку этот термин после 1789 г. становится атрибутом борьбы за политические права и социальное

¹¹ Окунь С. Б. Очерки истории СССР... С. 187.

¹² Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 102–103.

¹³ Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М., 1999. С. 233.

равенство¹⁴. А. Л. Зорин провел оригинальное исследование связей литературы и государственной идеологии со времен Екатерины II до 1830-х гг., в котором отдельную главу посвятил идеологической программе С. С. Уварова¹⁵. Филолог, опираясь на ключевые тексты эпохи, заключает, что системный поворот во внутренней и внешней политике имел потребность в системе взглядов, подчиняющейся определенной логике. Отказ от александровской утопии, «приручение» европейского политического романтизма и встраивание его в российский имперский контекст, попытка «идти в ногу с Европой» и всё же «не удалиться от собственного места» — вот основные черты, которые А. Л. Зорин рассмотрел в своей работе. Также он точно подчеркнул, что «историческая значимость этой идеологической системы находится в характерном противоречии с крайне ограниченным кругом источников, на основании которых можно пытаться реконструировать её исходный облик»¹⁶.

Общая историографическая ситуация за более чем полтора столетия кардинальным образом изменилась лишь единожды — повальная и зачастую неоправданная критика советских историков, продолжившая критическую традицию либеральной имперской историографии, переломилась в 1990-е гг., когда общественно-политическая обстановка буквально благоволила проведению интеллектуальной ревизии в оценках деятельности графа С. С. Уварова. Таким образом, появилась современное «увароведение», главная особенность которого заключается в невозможности свести сложнейшую фигуру к однозначным и порой одиозным интерпретациям. Всё отчётливее прослеживается стремление исследователей проследить интертекстуальное влияние европейских мыслителей-романтиков на мировоззрение С. С. Уварова, рассмотреть влияние политики министра на формирование различных концепций русского национализма в последующее время.

¹⁴ Миллер А. И. *Нация, или Могущество мифа*. СПб., 2016. С. 27–31, 57–62.

¹⁵ Зорин А. Л. *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века*. М., 2001. С. 337–374.

¹⁶ Там же. С. 341.

Источники

Источники по истории формирования уваровской идеологической программы немногочисленны, поэтому хорошо известны исследователям. Как многие отмечают, наиболее развёрнуто министр изложил свои взгляды в нескольких документах: в письме-меморандуме Николаю I за март 1832 г., во всеподданейшем докладе «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении министерством народного просвещения» от 19 ноября 1833 г. и в юбилейных отчетах о деятельности вверенного ему министерства за 5 и 10 лет соответственно.

Высочайшим указом императора Николая I С. С. Уваров был назначен товарищем министра народного просвещения 23 апреля 1832 г.¹⁷ Одной из его первых должностных инициатив стала поездка в Москву с инспекцией Московского университета и некоторых училищ Московского учебного округа. 1 марта 1833 г. министр народного просвещения К. А. Ливен подал в отставку по болезни, а 21 марта 1833 г. освободившуюся должность занял С. С. Уваров¹⁸. Таким образом, амбициозный и голодный до активной деятельности С. С. Уваров спустя год после возвращения в «большую игру» получает возможность политической реализации в весьма аморфном и ждущем соответствующих реформ ведомстве.

В делопроизводстве 1832–1833 гг. мы не находим повсеместного логичного подчинения «православию, самодержавию, народности» всех нарративов. Если оно и имеет место, то только на уровне высоких отчётов. Например, в отчёте об осмотре Императорского Московского университета от 4 декабря 1832 г. он пишет: «Образование правильное, основательное, необходимо в нашем веке с глубокими убеждениями и теплою верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия, народности, составляющие последний якорь нашего спасения и важнейший залог силы и величия нашего отечества»¹⁹. Здесь же, что любопытно, следует критика профессора археологии Надеждина, издающего журналы «Телескоп» и «Молва», «не заслуживающих одобрения ни по содержанию, ни по духу», но «впрочем не лишенным некоторый способности быть со временем хорошим преподающим»²⁰. А в документах, не предназначенных для ознакомления с ними императора

¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 40. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 17.

¹⁹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855. СПб., 1875. Стб. 511.

²⁰ Сборник постановлений по министерству народного просвещения... Стб. 508.

(например, об осмотре московских училищ) триада и все, что с ней связано, не имеет никакого словесного упоминания²¹.

18 ноября 1833 г. новоиспечённый министр подаёт всеподданнейшее прошение с просьбой устного доклада, в котором среди прочих рабочих вопросов (о переменах в Московском университете, об образовании университета Св. Владимира в Киеве, о цензуре иностранных книг и т. д.) он собирается сделать отчёт «в некоторых главных началах, коими я руководствовался со вступления в управление Министерством народного просвещения»²². Император оставил карандашную резолюцию «Дам знать».

Все исследователи ссылаются на опубликованный в 1990-е гг. московским историком М. М. Шевченко всеподданнейший доклад С. С. Уварова, изданный по копии, хранящейся в фонде Уваровых в Отделе письменных источников Государственного исторического музея²³. Оригинал всеподданнейшего доклада не удалось обнаружить ни в соответствующем деле в коллекции Высочайших указов, рескриптов и всеподданнейших докладов по МНП (РГИА. Ф. 744), ни в фонде Канцелярии министра (РГИА. Ф. 735). Руководствуясь записями в камер-фурьерском журнале от 19 ноября 1833 г., в течение дня в этот день Николай I принимал военного министра А. И. Чернышева, министра Императорского двора П. М. Волконского, А. Х. Бенкендорфа, военного генерал-губернатора П. К. Эссена, коменданта П. Я. Башуцкого и обер-полицмейстера С. А. Кокошкина, но в записях имя Уварова не фигурирует²⁴. Не фигурирует его имя как днём ранее, так и днём позднее.

Письмо-меморандум в его черновом варианте опубликовано А. Л. Зориным²⁵. На сегодняшний день это самое раннее упоминание уваровской триады. Любопытно, что в нём С. С. Уваров осторожничает, обозначая православие словосочетанием «национальная религия». Это подтверждает подчинение системы общей концепции и вместе с тем её условность и подвижность как с точки зрения терминов, так с точки зрения

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 63.

²² Там же. Оп. 2. Д. 40. Л. 24.

²³ Шевченко М. М. Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I // Река времен. Книга истории и культуры: альманах. Кн. 1. М., 1995. С. 68–78.

²⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 89. Л. 46–47 об.

²⁵ Зорин А. Л. Идеология «православия – самодержавия – народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 96–100.

её последующей реализации. При этом «национальная религия» и «народная религия» употребляются как синонимичные сочетания.

В общем отчёте Министерства народного просвещения (МНП) за 1833 г. имеется высочайшая резолюция «Читал с удовольствием»²⁶. На первой же странице отчёта Уваров передаёт содержание своего знаменитого циркуляра: «При самом вступлении моём в управление Министерством..., я циркулярно изъяснил попечителям учебных округов, что народное образование, согласно с высоким намерением вашего императорского величества, должно совершаться в соединённом духе православия, самодержавия и народности»²⁷.

Первый большой отчет о деятельности МНП был опубликован в 1839 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» — официальном издании, главной задачей которого было формирование научного пространства в интересах и под контролем имперской администрации²⁸. Данный отчет пестрит красотами литературного языка, метафорами и дифирамбами в сторону императора: «Дух русский, здравый, высокий в простоте своей, смиренный в доблести, непоколебимый в покорности закону, обожатель царей, готовые всё положить за любезное отечество, искони возвышал нравственные силы его»²⁹. В этом документе Уваров встраивает себя и свой проект в многовековой процесс постепенного складывания русского образования: «Россия уже восемь веков имела свои первые народные училища и книжный язык, обогащенный всеми красотами Библии в превосходном славянском переводе»³⁰.

Ещё более расширенный отчёт о деятельности МНП за десятилетие 1833–1843 гг. в формате записки государю был опубликован в 1864 г. Целая глава данной книги была посвящена теории «главных начал», выработанных С. С. Уваровым³¹. Здесь же во введении мы находим наиболее пространную «расшифровку» самим министром используемых им терминов: «Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего *православия*, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова. *Самодержавие* составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 2. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 4.

²⁸ Действия правительства. Обзорение истекшего пятилетия // Журнал министерства народного просвещения. 1839. Отд. I. С. 1–38.

²⁹ Там же. С. 7.

³⁰ Действия правительства. Обзорение истекшего пятилетия... С. 2

³¹ Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. СПб., 1864. С. 5–34.

на нём, как на краеугольном камне своего величия... Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: *народность*. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства»³². Этот доклад актуализировался в год публикации, о чем свидетельствуют документы³³. В эпоху великих реформ вместе с последующим ослаблением либеральности этот текст имел большое идеологическое значение.

Подводя итог, стоит отметить, что тренд на подчеркивание неоднозначности административной деятельности С. С. Уварова задал ещё А. И. Герцен, написав в дневнике 11 января 1844 г.: «Может, [Уваров] слетит, лучше ли это, хуже ли? Как сказать? Он человек дрянной, мелкий и ячный, а пользы наделал бездну. Строганов благороден, рыцарь и тоже очень полезен округу, а сделают министром — не знаю, что будет, и трудно сказать, вперед это или назад. Вот истинно вавилонское столпотворение!»³⁴.

Деятельность С. С. Уварова в области конструирования идеологии, формирующей имперскую идентичность, полностью совпадала со взглядами Николая I на этот вопрос. Будучи монархом европейским и просвещённым, он не просто считал себя органичной частью европейского политического социума, но даже ставил себя выше этого. В 1840-е гг. С. С. Уваров неоднократно поощрялся императором в знак уважения и согласия. В 1844 г. он был награждён орденом Св. Александра Невского с формулировкой: «Обращая постоянно внимание на действия вверенного вам министерства, мы неоднократно имели убеждение, что неутомимыми трудами вашими образование во всех отраслях развивается согласно видам нашим»³⁵. В октябре 1849 г. С. С. Уваров подал прошение об отставке по состоянию здоровья³⁶. Понятно, что на самом деле министр «обжёгся» об идеологию, которую сам же сформулировал и продвигал.

Подчеркивая наличие историографических и источниковедческих лакун в области исследования жизни и деятельности министра народного просвещения С. С. Уварова, стоит отметить, что как отечественная, так и

³² Десятилетие Министерства народного просвещения... С. 3.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 123.

³⁴ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 326.

³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 40. Л. 46 об.

³⁶ Там же. Л. 64.

зарубежная историческая наука на сегодняшний день успешно преодолела одиозное однобокое восприятие этой фигуры в контексте русской истории николаевской эпохи. Однако немногочисленность выявленных источников, позволяющих рассмотреть генеалогию, процесс трансляции и собственно административное проявление идей С. С. Уварова, ещё не говорит об окончательном решении исследовательского вопроса об «уваровской триаде».

Т. В. БАЙКОВ

К вопросу о роли М. М. Сперанского в подготовке манифеста о вступлении на престол императора Николая I

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые архивные документы из собрания Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива древних актов, связанные с участием М. М. Сперанского в составлении высочайших манифестов, регулирующих порядок передачи престола в Российской империи. Представленные документы отражают законотворческую деятельность М. М. Сперанского и дополняют представление о его роли в событиях междуцарствия 1825 года.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Николай I, высочайшие манифесты, междуцарствие, престолонаследие, записные книжки.

При выявлении документов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) для выставки «"Во благо России". К 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского»¹ мы обратили внимание на некоторые интересные сюжеты, связанные с деятельностью Михаила Михайловича по составлению важнейших для монархического государства актов о наследии престола. Эта деятельность до сих пор остается в тени других несомненных его заслуг на службе Отечеству. В настоящем сообщении мы не ставим цель всеобъемлюще рассмотреть законотворческую деятельность Сперанского, но ограничимся освещением некоторых небезынттересных архивных документов.

Прежде всего, обратимся к рассмотрению манифеста о вступлении на престол императора Николая I². Значимость этого юридического акта трудно переоценить. Документ, представляя всей империи нового государя, не только был важен для монархической преемственности, но и прямо влиял на политические события 14 декабря 1825 года в Санкт-Петербурге. Примечателен сюжет, описанный личным историографом государя Модестом Андреевичем Корфом: «*Чтобы дать время войскам*

¹ Выставка проходила с 23 марта по 23 июня 2022 года в Выставочном зале федеральных архивов в г. Санкт-Петербурге. Организатором выставки является Российский государственный исторический архив (РГИА), среди участников — ГА РФ и Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 1. № 1.

собраться, надобно было отвлечь внимание чем-нибудь необыкновенным. “Читали ли вы мой манифест?”, – начал спрашивать государь у окружавших. Большая часть отвечала отрицательно. Тогда он взял печатный экземпляр у кого-то в толпе и сам стал его читать, протяжно и с расстановкою, толкуя каждое слово. Слушатели с радостными криками бросали вверх шапки. Для многих из них дело представлялось совсем новым. <...> Но почему же надобно и должно присягнуть другому, этого никто не объяснил народу, ни изустными вразумлениями, ни прочтением хотя бы манифеста...»³.

В сложных условиях междоусобицы Николай Павлович придавал особое значение юридическому оформлению вступления на престол. Само участие Сперанского в составлении манифеста широко известно, однако изучение особенностей подготовки документа позволяет составить более целостное представление о роли указанного акта и самого Сперанского в данном вопросе.

Обратим внимание на записную книжку Николая Павловича за 1825 год⁴, которая позволяет буквально по дням восстановить хронологию политических событий вокруг нового государя в первой половине декабря. Анализ записей позволяет представить многотрудную коллективную работу по составлению манифеста. Отметим, насколько подробно зафиксированы все происходившие обсуждения проектов манифеста и круг лиц, посвященный в тайну его существования. Составление этого документа было на протяжении нескольких дней одной из важнейших задач и для вступавшего на престол великого князя, и для его доверенных лиц.

Вечером 7 декабря сам Николай Павлович написал проект манифеста⁵ и 8 декабря обсуждал его с Александром Николаевичем Голицыным, который параллельно подготовил свой проект. 9 декабря к составлению манифеста подключился Николай Михайлович Карамзин, на следующий день — Сперанский. 11–12 декабря продолжалось активное обсуждение проектов манифеста с Карамзиным и Сперанским, последнему была поручена окончательная редакция.

³ Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857. С. 131.

⁴ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М., 2013. См. также: ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 48.

⁵ Записные книжки великого князя Николая Павловича... С. 682.

Привлечение Сперанского к подготовке манифеста показательно в оценке той роли, которую отводил ему новый император. После возвращения в 1821 году из Сибири в Санкт-Петербург Сперанский не смог вновь получить прежнее влияние на государственные дела. Тем не менее, он был востребован на государственной службе как чиновник самого высокого ранга: был членом Государственного совета, вернулся к делам в Комиссии составления законов, фактически руководил деятельностью Сибирского комитета. Ко времени смерти императора Александра I 19 ноября 1825 года в Таганроге и последовавшего вслед за этим междуцарствия Сперанский и по должности, и по авторитету был среди российской бюрократической элиты. Несмотря на предубеждение против бывшего «вольнодумного» реформатора, Николай Павлович чрезвычайно нуждался в способностях «светила российской бюрократии». Это особенно отразилось в дальнейшем, в процессе по делу декабристов.

Отметим, что в записной книжке Николая Павловича сообщается о работе над двумя манифестами: *«Сперанский, изложил ему все, читаю ему все, берет за два манифеста, говорил, уходит»*⁶. В комментариях к публикации записной книжки составители подразумевают под ними проекты Николая Павловича и Голицына, переданные на доработку Сперанскому⁷. Смеем не согласиться с составителями. Мы склонны предположить, что Николай Павлович в действительности говорил о двух разных манифестах. Одним из них, конечно, был упомянутый манифест о вступлении на престол Николая I. Другой, подготовленный и представленный на подпись государю все тем же Сперанским вечером 12 декабря, остался в проекте и был обнародован с небольшими правками только спустя полгода. О нем мы и будем говорить ниже.

Этот документ хранится в фондах РГАДА⁸. Безымянный проект манифеста представляет собой автограф Сперанского, датированный 1825 годом. На полях имеются две незначительные по содержанию текста правки рукой Николая Павловича. С первых строк документа угадывается манифест «О порядке наследия Всероссийского престола, и об опеке и правительстве на случай кончины Государя Императора до законного

⁶ Записные книжки великого князя Николая Павловича... С. 683.

⁷ Там же. С. 743.

⁸ РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–6 об. Ранее документ находился в Государственном архиве Российской империи, в секретном пакете № 5.

совершеннолетия Наследника»⁹, обнародованный в день коронации Николая I 22 августа 1826 года.

Есть целый ряд косвенных свидетельств в подтверждение того, что это и был тот самый «второй» манифест, о котором идет речь в записной книжке великого князя. Во-первых, после того как Голицын представил свой проект, Николай Павлович в своем дневнике не дал ему никакой оценки и больше проект Голицына не упоминал. С Карамзиным 9 декабря Николай Павлович обсуждал только один (свой) проект, который после редакции Карамзиным и Сперанским оставался единственным рабочим проектом манифеста о вступлении на престол. Во-вторых, и 10 декабря, и 12 декабря будущий государь писал о «двух манифестах», а не проектах, хотя продолжал использовать слово «проект», когда говорил о документе в единственном числе. Такое повторяющееся сочетание слов подсказывает, что готовились и обсуждались два разных манифеста. В-третьих, 11 декабря Сперанский представил некий проект манифеста, получивший оценку *«очень хорошо за исключением мелких правок»*¹⁰. Логично предположить, что это был не отредактированный проект самого Николая Павловича, а новый проект Сперанского — проект манифеста «О порядке наследия...». Тем самым мы можем определить точную дату написания документа: 11–12 декабря 1825 года. В-четвертых, 12 декабря Сперанский представил сразу два «окончательных» манифеста, которые обсуждались с Карамзиным и, возможно, Голицыным, но нет упоминаний о том, что был выбран лишь один проект. Сложно поверить и в то, что после всех многочисленных предшествующих обсуждений оба проекта оставались рабочими вплоть до самой подписи государя. В-пятых, рассматриваемый нами проект Сперанского как раз подходит под описание тех событий, которые изложены Николаем Павловичем в своей записной книжке, так как в проекте, хотя и нет определенной даты, указан 1825 год. Принимая во внимание исключительную секретность, сопровождавшую подготовку Николая I к объявлению манифеста и принесению новой присяги, Сперанский записал документ своей рукой, в то время как другие более поздние проекты из этого дела переписаны каллиграфическим писарским почерком. Характер «мелких правок» соответствует тем замечкам, что оставил Николай Павлович на полях проекта манифеста. В конце концов, само содержание манифеста больше соответствует декабрьским

⁹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 1. № 537.

¹⁰ Записные книжки великого князя Николая Павловича... С. 684.

событиям, чем дню коронации Николая I в Успенском соборе Московского Кремля: упоминается время «*при самом вступлении на престол*», а слова про «*дни жизни нашей суть в руке Божией*» подходят к тревожному состоянию Николая Павловича накануне готовившегося вот-вот открыться заговора.

Позднее манифесты о порядке наследия, опеке и правительстве были составлены Александром II¹¹ и Александром III¹². Хотя стилистически они несколько отличаются от акта, составленного Сперанским, в структурном и содержательном отношении они являются его «наследниками».

Известный резкими суждениями публицист Петр Владимирович Долгоруков в «Петербургских очерках» привел интересное высказывание Николая I о Сперанском, данное императором в разговоре с Карамзиным в 1826 году: «*Представьте себе, Николай Михайлович, мое положение: Вы принуждены здоровьем своим ехать в чужие края, а около меня, царя русского, нет ни одного человека, за исключением Сперанского, который бы умел писать по-русски, то есть был бы в состоянии написать, например, манифест. А Сперанского, не сегодня, так завтра, может быть, придется отправить в Петропавловскую крепость*»¹³. Угроза отправки в Петропавловскую крепость связывалась, конечно, с предполагаемым участием самого Сперанского в делах тайных обществ. Воздержимся от оценки достоверности такой характеристики, адресованной Карамзину, считавшего себя непримиримым идеологическим противником Сперанского. Отметим лишь, как точно в высказывании отражена исключительная значимость Сперанского, как выдающегося и незаменимого чиновника. Даже такое отношение Николая I к благонадежности Сперанского в начале своего правления не смогло заставить его отказаться от способностей последнего.

Позднее своей многолетней преданной службой Сперанский сумел получить доверие Николая I. Подтверждением этого стали и пожалованный за кодификацию российского законодательства орден Св. Андрея Первозванного (1833), и графский титул (1839), и участие Сперанского в обучении цесаревича Александра Николаевича. Сперанский прочитал ему курс лекций по юридическим и политическим наукам. В дневниках

¹¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 30. № 29341.

¹² Там же. Собр. 3-е. Т. 1. № 14.

¹³ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта, 1860–1867. М., 1934. С. 246.

Александра Николаевича¹⁴ фиксируются регулярные занятия с октября 1835 года до апреля 1837 года.

Отправляясь в 1835 году в путешествие по России, Николай I оставляет своему старшему сыну письмо-завещание с инструкцией по управлению государством¹⁵. В третьем пункте читаем: *«М. М. Сперанскому велеть сей час изготовить манифест о восшествии твоем на престол, с повелением принесения тебе должной присяги как императору Александру II»*. Содержание документа было бережно переписано цесаревичем в свой дневник.

Такое доверие, проявленное императором в вопросе наследования российского престола, можем проиллюстрировать его же словами-эпитафией о Сперанском в разговоре с Корфом: *«Сперанского, – говорил государь, – не все понимали и не все довольно умели ценить; сперва и я сам, может быть больше всех, был виноват против него в этом отношении. Мне столько было наговорено о его либеральных идеях; клевета коснулась его даже и по случаю истории 14 декабря! Но потом все эти обвинения рассыпались как пыль. Я нашел в нем самого верного, преданного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромною опытностью. Теперь все знают, чем я, чем Россия ему обязаны, – и клеветники умолкли»*¹⁶.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 285, 286.

¹⁵ Там же. Д. 818.

¹⁶ Корф М. А. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина. Т. 99. Кн. 7–9, июль-сентябрь. СПб, 1899. С. 5.

В. В. БЕРСЕНЕВ

Сперанский — либерал. Сперанский — крепостник. Опыт подавления крестьянского восстания в Пензенской губернии

Аннотация: Статья посвящена деятельности либерального реформатора и законоведа М. М. Сперанского на посту пензенского гражданского губернатора. Рассматриваются реакция последнего на крупное крестьянское волнение, происходившее в селе Кутли Мокшанского уезда Пензенской губернии, и предпринятые жесткие меры к его подавлению. Автор показывает иллюзорность представлений о прогрессивности и свободолюбии М. М. Сперанского, когда дело касалось существенных ценностей самодержавной России и ее правящего класса.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Пензенская губерния, подавление восстания, село Кутли.

Период царствования императора Александра I как никакой другой насыщен личностями, чья деятельность осветила небосвод отечественной истории своей феерической энергией и талантами. Одной из таких выдающихся личностей является М. М. Сперанский. Среди гражданских чиновников он один из немногих, кто удостоился места у трона двух императоров и чьи заслуги были оценены высшим орденом Андрея Первозванного, а образ увековечен на монументе императора Николая I и памятнике Тысячелетия России. Энциклопедист и систематизатор русского права, искусный царедворец, снискавший расположение царя, при пристальном рассмотрении его конкретных практических дел представляется весьма неоднозначной личностью.

Это не попытка найти пятна на солнце, а первейшая задача описания М. М. Сперанского как сложной, подчас противоречивой личности, чьи так любимые рассуждения о благе и Боге, человеческом предназначении, праведности — как в узком кругу его друзей, так и в переписке с чиновниками разного ранга — подчас весьма отдаленно стыкуются с практическими действиями. Особенно эта двойственность проявилась в деятельности М. М. Сперанского на посту Пензенского губернатора.

Оказавшись первый раз в жизни по протекции А. А. Аракчеева на административном посту, требующем не программ и проектов, а ответственных управленческих решений, Михаил Михайлович в окружении крайне настороженно относящегося к нему местного чиновничества, помнившего его опалу и ссылку, вынужден был приспособливаться

к неблагоприятной для него обстановке. Если обычно вступление в должность нового губернатора сопровождалось представлением ему в губернаторском доме членов местных пензенских дворянских и купеческих элит, то на этот раз сам губернатор был вынужден ездить по домам влиятельных семейств, презентуя себя как нового хозяина губернии.

Стремление избегать конфликтов пронизывало все время пребывания М. М. Сперанского в Пензе. О каких-либо реформах в губернии не могло быть и речи. Никакой чистки аппарата губернского управления даже не планировалось. Анализ формулярных списков чиновников Пензенской губернии за 1814 и 1818 гг. показывает, что его кадровая политика была крайне осторожна и взвешена. За исключением смены вице-губернатора П. С. Бурнашева, умершего накануне приезда в Пензу нового губернатора, на И. А. Войцеховича, подчинявшегося Министерству финансов, перестановка чиновников осуществлялась рутинным порядком.

Однако далеко не все в губернаторстве М. М. Сперанского было так благостно. Серьезным беспокойством, омрачившим его пребывание, стало совершенно неосвещенное ранее в литературе крестьянское восстание в селе Кутли Мокшанского уезда.

Надо сказать, что в этом богатом торговом селе (с населением в 715 душ), лежащем на Большой Московской дороге, народное возмущение возникло за несколько лет до приезда Михаила Михайловича. Еще в отчете прежнего губернатора князя Г. С. Голицына за 1815 г. в разделе, посвященном гражданскому порядку, говорилось, что наблюдается «ослушание новым своим помещикам крестьян покойной действительной тайной советницы М. А. Мясоедовой Мокшанской округи села Кутли, которые действием употребленных мер со стороны земской полиции и губернского начальства обращены в прежнее повиновение»¹.

Пламя народного гнева на какое-то время было потушено, но угли продолжали тлеть. Очередное обострение конфликта между крестьянами и помещиками совпало со вступлением в должность нового губернатора. В донесении министру полиции и Петербургскому военному генерал-губернатору С. К. Вязмитинову от 19 декабря 1816 г. М. М. Сперанский подробно описывает причины возникновения бунта и его развитие, а именно: после смерти в 1812 г. бездетной жены генерал-прокурора Н. Е. Мясоедова Марии Алексеевны (урожденной Измайловой) осталось

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 11. Д. 98. Л. 41.

имение, перешедшее по наследству сенатору Сергею Ивановичу Гагарину, камергеру Николаю Сергеевичу Гагарину и майору Андрею Павловичу Гагарину с родственниками и подлежащее разделу на 9 частей².

Гагарины продали имение 4 покупателям: гвардии подпоручику П. Жукову, губернскому прокурору И. А. Чарыкову, титулярной советнице М. В. Кожиной и штабс-ротмистру Ф. Левину. Имение Гагариных было заложено. Одна его часть, заложенная по займу в Московском опекунском совете, была куплена П. Жуковым. Впоследствии долг был заплачен, и в июне 1814 г. при вводе во владение этого участка крестьяне отказались подчиниться новому хозяину. Земской исправник приказал взять под стражу сопротивлявшихся крестьян. Губернское правление предписало сделать им внушение. На время крестьяне успокоились.

Когда в 1815 г. покупатели оставшихся частей приступили к введению в права собственности своей земли, крестьяне восстали вновь, заявив помещикам, что они теперь не помещичьи, поскольку имение было ранее взято в управление Опекунским советом. Для разрешения конфликта и вразумления крестьян на место был командирован член земского суда, которому было высказано «много предеззостей». Не получив разрешения спора, администрация вторично направила в Кутли советника Пензенской уголовной палаты, который взял зачинщиков под стражу и предал их суду.

Крестьяне, выказав видимость раскаяния, продолжали роптать. Пребывая в неведении о несчастьях, обрушившихся на их головы, сельчане тайно отправили своего поверенного — крестьянина Ивана Жарова, называвшего себя Артемьевым — в Санкт-Петербург для принесения просьбы на высочайшее имя, что им и было сделано. Однако, как беспаспортный, Жаров был арестован и выслан из Санкт-Петербурга через Пензу в Мокшан для разбирательства его поступка в Мокшанском уездном суде. Дорога из Пензы в Мокшан пролегла через село Кутли. Завидя своего поверенного И. Жарова арестованным, крестьяне опять восстали. Для их успокоения были посланы члены земского суда и уездный предводитель дворянства. Как пишет М. М. Сперанский, главнейшей причиной недовольства стали уверения Жарова, что в Санкт-Петербурге он получил согласие на обращение крестьян в казну.

Упорство и убежденность крестьян в правоте своего дела были настолько сильны, что на каком-то этапе противостояния власти и народа

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1817 г. Д. 56. Л. 1–7.

губернское правление дрогнуло и стало рассматривать возможности передачи крестьян под юрисдикцию Опекунского совета. Однако этого не случилось. По представлению, поданному пензенским казенных дел стряпчим, принято решение, что подобное совершенно противно закону и порядку, и такой исход конфликта неприемлем.

В ноябре 1816 г. поверенные от крестьян в количестве 7 человек подали М. М. Сперанскому прошение, в котором они убеждали губернатора защитить их от неправильного присвоения помещиками, ибо они, будучи взяты за долги умершей помещицы в казну, состоят ныне в ведомстве Опекунского совета³. Губернатор призвал поверенных в губернское правление, где их пытались вразумить и объяснить, что они никогда казне не принадлежали и что самим Опекунским советом они исключены из описи и возвращены помещикам. Также крестьянам предоставили для обозрения документы, подтверждающие это.

Вскоре (после возвращения поверенных в село) из Мокшанского земского суда в Кутли был послан земской исправник для оглашения на мирском сходе высочайшего указа, разъяснения на доходчивом языке содержания дела и оставления в селе печатного указа для подробного изучения. Однако, прежде чем указ был зачитан, 8 декабря 1816 г. крестьяне, руководимые священником того села Василием Ивановым, собрались в церкви и были приведены им к присяге с целью неповиновения помещикам и невыдачи подсудимого Ивана Жарова. 10 декабря М. М. Сперанскому было доставлено прошение за подписью земского Степана Алексеева, который от имени селян просил о заступничестве. Когда земской исправник прибыл в село для оглашения указа, на мирской сход никто не явился. Предчувствуя недоброе, некоторые крестьяне бежали из села к помещикам с повинной⁴.

В создавшейся ситуации Сперанский через губернское правление предпринял ряд мер, направленных на прекращение беспорядков. Прежде всего, губернатор обратился к командиру Пензенского внутреннего гарнизонного батальона подполковнику Подстригину за помощью в усмирении крестьян, о чем последний донес 19 декабря командиру Отдельного корпуса внутренней стражи графу Е. Ф. Комаровскому. Военная команда под началом майора Лепунова 21 декабря выступила

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1817 г. Д. 56. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 9–9 об.

из Пензы в составе 21 офицера, 3 барабанщиков, 150 рядовых и 3 цирюльников⁵.

Также было решено предать суду священника В. Иванова за приведение крестьян к присяге в неповиновении⁶. То же самое было предпринято по отношению к земскому С. Алексееву. Мокшанскому уездному суду предписывалось (под страхом привлечения к ответственности) скорейшим образом (в течение недели) отдать под суд 8 зачинщиков неповиновения. Пензенской уголовной палате указывалось, чтобы дело о преданном суду поверенном И. Жарове также решалось как можно быстрее. Мокшанскому земскому исправнику было приказано до окончания приведения крестьян села Кутли в повиновение доносить еженедельно, являясь в Пензу для нужных по данному делу объяснений.

Все эти распоряжения губернатора вступали в силу с 20 декабря 1816 г. А уже 24 декабря мокшанский земской исправник Ф. И. Дмитриев доносил губернатору, что 23 декабря в село Кутли вошла команда гарнизонного батальона под началом майора Лепунова. Был созван сход, на котором объявили о размещении в селе на квартиры солдат с питанием за счет крестьян. Вместе с командой в село прибыли члены Пензенской духовной консистории и протоиерей Петр Иванов (представитель от города Мокшан), которые арестовали священника Василия Иванова. Во время прощания с женой Авдотьей Леонтьевной батюшка просил ее призвать крестьян на мировом сходе умирать за крест, веру и мир. После чего майор Лепунов приказал посадить жену священника под караул в ее доме и никого к ней не допускать⁷.

Получив отчет земского начальника Ф. И. Дмитриева, М. М. Сперанский сделал 26 декабря 1816 г. подробное донесение о случившемся министру полиции С. К. Вязмитинову. В свою очередь последний 11 января 1817 г. составил подробный доклад в Комитет министров, который 16 января дело рассмотрел. При этом министры первоначально выслушали внесенный по высочайшему повелению А. А. Аракчеевым всеподданнейший рапорт командира Отдельного корпуса внутренней стражи генерал-адъютанта графа Е. Ф. Комаровского. 23 января 1817 г. состоялось повторное заседание, на котором уже была заслушана записка С. К. Вязмитинова о введении воинской команды в село Кутли. Особое внимание министров привлекли,

⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 131. Л. 3–3 об.

⁶ Там же. Ф. 796. Оп. 98. Д. 1222. Л. 1–2.

⁷ Там же. Ф. 1286. Оп. 2. 1817 г. Д. 56. Л. 18 об.

по словам статс-секретаря В. Р. Марченко, слова священника В. Иванова, обращенные к крестьянам.⁸

Надо заметить, что помимо официальной точки зрения на крестьянский протест, министры ознакомились с прошением крестьянина Ивана Жарова, который скрылся во время занятия села воинской командой. Это прошение подробно освещало причины выступления крестьян и было написано в декабре 1816 г. министру юстиции Д. П. Троцинскому. По словам Жарова, наследники М. А. Мясоедовой князя Гагарины продали заложенное ею в Опекунском совете село Кутли четверем помещикам с нарушением законов.

Если в 1812 г. М. А. Мясоедова собирала со своей вотчины 8000 руб. за год, то один из новых помещиков, П. Жуков, в 1813 г. поднял сумму взыскания до 9000 руб. Опекун же А. Ф. Ренов (от Опекунского совета) за 1814 г. собрал с крестьян 10000 руб. А уже в марте 1815 г. требовал 5000 руб. Другой хозяин, Ф. Левин, вместе с егерями организовал псовую охоту, во время которой было исполосовано нагайками трое крестьян и одна беременная крестьянка. Кроме того, от залетевших искр из соседнего с Кутли селения случился пожар, от которого погорело 170 крестьян. Любопытно, что в своем прошении И. Жаров, будучи неграмотным, ссылается на нарушение 22 статьи Высочайшего о губерниях учреждения⁹.

Дальнейшее разбирательство дела о возмущении крестьян в Пензенской палате гражданского суда фиксирует нарушение законодательства, но ни о каком пересмотре дела не шло и речи. В итоге весной 1817 г. состоялся суд над арестованными. Иван Жаров был бит кнутом и сослан в Сибирь. Туда же сослали и Василия Иванова, лишённого священства.

М. М. Сперанский был рад — крестьяне усмирены. По его представлению были награждены мокшанский исправник Ф. И. Дмитриев, стряпчий уголовных дел И. А. Залесский и советник уголовной палаты С. А. Ларионов. Последний жалован орденом св. Анны 2-й степени. Однако покой в душе губернатора царил недолго. 3 марта 1818 г. Сперанскому донесли, что в селе Кутли опять бунт. Опять — донесения министру, два заседания Комитета министров от 23 марта и 6 апреля 1818 г. В ходе следствия выяснилось, что в конце 1817 г. из села в Москву были направлены два ходока, Здобнев и Лосев, которые должны были передать царю прошение о возвращении сельчан в казенные выморочные крестьяне. Прошение через статс-секретаря Марченко поступило

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1817 г. Д. 56. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 24–25 об.

Сперанскому. Рапортом начальника штаба Отдельного корпуса внутренней стражи генерала С. А. Мухина сообщал о направлении в село воинской команды в 50 штыков под началом поручика Панова. По распоряжению губернатора была назначена новая комиссия для усмирения бунтовщиков во главе с казенных дел стряпчим Поповым. Помимо светских властей привлекались и духовные лица. Пензенским архиереем Афанасием для увещевания крестьян направлялись местные священники, однако они были прогнаны. Бунтовщики угрожали лишить священников жизни и разорить их дома¹⁰. Тем не менее к лету 1818 г. восстание прекратилось.

Жестокое подавление крестьянского восстания в селе Кутли иллюстрирует полное отсутствие у М. М. Сперанского прагматизма в решении земельных споров. Как губернатор он поднял градус противостояния между крестьянами и помещиком до разлада между крестьянами и государством, причем даже Церковь в лице священника решительно выступила на стороне закона.

Крестьянское выступление в Пензенской губернии самым неблагоприятным образом совпало для М. М. Сперанского с невероятным событием в Варшаве, ударившим в самое сердце российскому крепостничеству. Государь в марте 1818 г. в своей программной речи при открытии польского сейма пообещал «распространить спасительное влияние законно-свободных учреждений» на всю Империю, а своему сподвижнику Н. Н. Новосильцеву поручил подготовить проект Конституции.

Страна замерла. В атмосфере тревоги перед народной стихией Сперанский пишет 2 мая 1818 г. своему другу А. А. Столыпину. В его письме обнаруживается страх перед реформами, которые порождают «...общее в черном народе мнение, что правительство не только не хочет даровать свободу, но что оно уже ее даровало и что одни только помещики не допускают или таят ее провозглашение. Что за сим следует, вообразить ужасно...»¹¹.

«Ужасно» — таким словом-образом охарактеризовал либерал М. М. Сперанский один лишь намек на крестьянскую реформу. Либерализм как модное течение, пришедшее из Европы, застрял где-то в мозгу правящей элиты, не находя выхода в конкретных делах, поэтому не мог облегчить участь российского крестьянства.

¹⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 144. Л. 822 об. – 824; Д. 145. Л. 128–129.

¹¹ Письма Сперанского к А. А. Столыпину // Русский Архив. 1869. № 10. С. 1697.

С. В. БОГДАНОВ

Законодательство эпохи правления Александра I и формирование нового облика Императорского двора

Аннотация: В статье рассматривается эволюция русского княжеского (царского, императорского) двора. Особое внимание уделяется законодательству первой четверти XIX века. По мнению автора, с начала XVIII столетия Императорский двор становится копией европейских феодальных дворов. Указы императора Александра I, не меняя внешней формы двора, меняли его суть, возвращая к историческим истокам, традиционным для Российского государства и русского дворянства.

Ключевые слова: Императорский двор, Александр I, высшая бюрократия, правящая элита, придворное сообщество.

Княжеский двор — так называемые «дворовые люди» — появляется в истории России как институт государственной власти на заре государственности, сложившись из княжеской дружины. Приобретая свои основные черты уже в период феодальной раздробленности, двор русских монархов достигает наивысшего развития и расцвета в первой половине XVII века. В состав царского двора «государя, царя и великого князя московского и всея Руси» Алексея Михайловича входили бояре, окольничие, дворецкие, дворяне думные, стольники, чашники, стряпчие, сытники, ключники, конюшии, кравчии, оружничии, казначеи, спальники, постельничии, ясельничии, ловчии, сокольничии, его размер достигал нескольких тысяч человек¹. Особенности развития русской государственности, на которую повлияли слабое развитие и ранняя смерть феодализма на Руси, вкуче с сильным культурным и политическим влиянием Азии, привели к двум важным отличиям русского двора от его зарубежных аналогов. Во-первых, дворовых (придворных) людей нельзя смешивать со слугами «под дворьскими», которые настоящими придворными не являлись. Во-вторых, при отсутствии строгих разграничений в государственном строе допетровской Руси дворовые люди не были исключительно придворными или управляющими частными делами великого князя и московского царя, они исполняли разного рода административные, судебные или военные обязанности². Старшие статьи (разделы) чинов «Московского списка» —

¹ Светова Е. А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти. М., 2013. С. 71.

² Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 74.

номенклатуры чинов государственного аппарата Московской Руси — являлись одновременно придворными.

Провозглашение Московского царства Российской империей и выраженное стремление к Европе потребовали новых символов власти, в числе которых был Императорский двор с новой номенклатурой чинов и должностей³. Точно датировать время появления нового двора сложно, однако его законодательную основу заложила Табель о рангах, принятая Петром I 24 января 1722 года⁴. Для придворной службы Табель о рангах вводила 47 чинов, начиная с обер-маршала, состоявшего во II классе, и заканчивая надворным барбиром в XIV классе⁵. Обилие придворных чинов объясняется тем, что чины, перечисленные в первой редакции Табели о рангах, на самом деле представляли собой должности, и ее можно расценить как первое расписание Придворного штата⁶. По характеру их можно разделить на почетные — придворных кавалеров, которые рекрутировались из числа высшей аристократии, и придворнослужительские, выполнявшие утилитарные функции, однако и первых, и вторых объединяло то обстоятельство, что их членство в Придворном штате было связано с непосредственными обязанностями. Новшеством являлось то обстоятельство, что впервые в российской истории придворная служба была отделена от военной и гражданской. Новый двор был скопирован со своих европейских аналогов не только германской номенклатурой чинов, но и тем, что в его составе появляются лица, являющиеся только придворными и не занимающие каких-либо постов в аппарате власти. Структуры двора оставались достаточно зыбкими и неясными, старшинство между чинами не соблюдалось,

³ Агеева О. Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М., 2008. С. 230.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ-I). СПб., 1830. Т. VI. № 3890. С. 486–493.

⁵ II класс: обер-маршал. III класс: обер-шталмейстер. IV класс: обер-гофмейстер, обер-камергер. V класс: гофмейстер, обер-гоф-шталмейстер, тайный кабинет-секретарь, обер-гофмейстер при императрице, обер-шенк. VI класс: шталмейстер, действительные камергеры, гофмаршал, обер-егермейстер, первый лейб-медикус. VII класс: гофмейстер при императрице, лейб-медикус при императрице. VIII класс: титулярные камергеры, гоф-шталмейстер, надворный интендант. IX класс: надворный егермейстер, надворный церемониймейстер, обер-кухенмейстер, камер-юнкеры. XII класс: гоф-юнкеры, надворный лекарь. XIV класс: надворный уставщик, гофмейстер пажей, гоф-секретарь, надворный библиотекарь, антиквариус, надворный камерир, надворный аудитор, надворный квартирмейстер, надворный аптекарь, шлоссфогт, надворный цейгмейстер, кабинет-курьеры, мундшенки, кухенмейстер, келлер-мейстер, экзерцициймейстер, надворный барбир.

⁶ Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России. От начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 14–15; Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1878. С. 341.

несмотря на присвоенные им определенные классы. В 1765 году действительных камергеров, не имевших других придворных должностей, насчитывалось 24 человека, камер-юнкеров — 18. Среди камергеров мы видим полномочного министра в Вене, генерал-поручика, князя Д. М. Голицына и капитанов лейб-гвардии Измайловского полка А. И. Рославлева и князя П. А. Голицына. В списке камер-юнкеров поручик лейб-гвардии Семеновского полка А. А. Талызин предшествовал полномочному министру во Франции, князю Д. А. Голицыну.

Стремление приблизить Императорский двор к его исторической сути было предпринято буквально сразу после смерти императрицы Екатерины II. Ее преемник Павел I именным указом 30 декабря 1796 года учредил новый Придворный штат, основывавшийся на главных чинах, ведению которых были подчинены все прочие чины и учреждения Двора⁷. Таковыми главными придворными чинами названы обер-камергер, обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-шенк, обер-шталмейстер, обер-егермейстер и обер-гофмейстерина. Кроме того, к общему Дворцовому разряду причислены были директор спектаклей и обер-церемониймейстер. Реформы двора были продолжены его сыном. Вскоре после восшествия на престол именным указом Придворной конторе 18 декабря 1801 года император Александр учредил ее новый штат⁸. Им было положено первым чинам Двора (обер-камергеру, обер-гофмейстеру, обер-шенку, обер-гофмаршалу, обер-егермейстеру и обер-шталмейстеру) состоять во втором классе Табели о рангах (исключая обер-гофмейстерину, званию которой класс не присваивался), вторым чинам Двора (гофмейстеру, гофмаршалу, шталмейстеру и егермейстеру) — в третьем классе (также исключая гофмейстерину). В 1805 году в Адрес-календаре, впервые после смерти Екатерины II и со дня воцарения Александра I, публикуется список Придворного штата. В его состав входят придворные чины и кавалеры, генерал-адъютанты и флигель-адъютанты, чиновники, состоящие при особо порученных от императора делах, придворные медики и хирурги, придворное духовенство и прислуга при комнатах императора и императрицы. Придворные чины по-прежнему непосредственно исполняют конкретные придворные обязанности, камергеры и камер-юнкеры являются просто носителями придворных званий, не привязанных к определенному чину, и разделяются на 37 действительных камергеров,

⁷ ПСЗ—I. Т. XXIV. № 17700. С. 269; Т. XLIV. Ч. 2. Книга штатов. Царствование императора Павла I. С. 272—282.

⁸ Там же. Т. XXVI. № 20079. С. 864; Т. XLIV. Ч. 2. Книга штатов. Царствование императора Александра I. С. 110.

«кои по своему званию должности исправляют» (среди них мы видим тайного советника, князя В. С. Трубецкого и поручика лейб-гвардии Преображенского полка Л. А. Нарышкина); 28 действительных камергеров, находящихся при других должностях (в числе которых состояли три тайных советника и поручик лейб-гвардии Преображенского полка граф М. С. Воронцов); двоих почетных камергеров и 37 камер-юнкеров. Примечателен факт, что некоторые камер-юнкеры указаны без отчеств, а некоторые и без имен⁹.

Сохранявшаяся неопределенность в положении придворных кавалеров относительно Табели о рангах и государственной службы вызывает к жизни императорский указ 3 апреля 1809 года, имевший революционное значение для структуры Двора¹⁰. Указ гласил, что лица, носящие звания камергеров и камер-юнкеров, большей частью происходят из «знатнейших домов Российского дворянства и своим происхождением, воспитанием и владеемым имуществом обязаны служить надеждой Отечеству и делами на общественную пользу предшествовать всем другим состояниям». Согласно данному указу, все камергеры и камер-юнкеры должны в срок до 2 месяцев избрать род действительной службы (военной или гражданской). С момента издания указа сами по себе эти придворные звания стали почетными отличиями, не присваиваемыми никакого, ни военного, ни гражданского чина, и их носителей обязали проходить службу установленным для других чиновников порядком, совмещая придворные и служебные обязанности. Придворные кавалеры, не избравшие род службы в установленный срок, числились в отставке. Данный указ впервые объяснял понятие придворного и определял первичность государственной службы для российского дворянина, эталоном которого, по смыслу указа, являлся придворный. Указ, не меняя внешней формы Императорского двора, менял его суть, скопированную в начале XVIII века с европейских феодальных дворов, и возвращал его к историческим истокам, традиционным для русской государственности и русского дворянства, когда придворное отличие означало признание заслуг на государственной службе и соответствие образу русского дворянина, а не просто заверяло знатное происхождение. Хотя в составе придворного штата сохранялись чины, чья деятельность была связана только с выполнением придворных обязанностей, основная масса придворных состояла теперь в нем номинально. В неформальном обиходе

⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1805. СПб., 1805. С. 22–23.

¹⁰ ПСЗ–I. Т. XXX. № 23559. С. 899.

сохранилось использование чина камергера или камер-юнкера, но официально придворные кавалеры теперь именуются «в звании камергера» действительный статский советник и «в звании камер-юнкера» титулярный советник, как бы подчеркивая примат служебного чина над придворным званием. В более глубоком смысле эти изменения распространялись на все российское дворянство, символизируя перемену в его восприятии: от сословия, свободного по рождению и независимого от государства, — к классу, монополизировавшему военно-политическое управление государством.

Дальнейшую бюрократизацию придворного штата дополнил указ 12 декабря 1817 года, который гласил, что в силу того, что камергеры и камер-юнкеры должны состоять на службе в различных присутственных местах, эти места должны сообщать сведения о службе и формулярные списки в Придворную контору¹¹. Данный указ, неоднократно подтверждавшийся впоследствии, вводил постоянный контроль над служебной деятельностью придворного со стороны Придворной конторы и затем Министерства двора. Согласно ему, ведомства отсылали в Придворную контору послужные списки чиновников, состоящих в придворных чинах и званиях, а также сообщали о переменах по службе, таких как пожалование новых чинов, назначение на новую должность, награждение орденами и даже отбытии в отпуск. На основании полученных данных руководство Придворной конторы давало заключение о сохранении за чиновником придворного чина и звания или представления на Высочайшее рассмотрение проекта указа об исключении его из состава Придворного штата.

В 1843 году создается Императорская Главная квартира, в состав которой перечисляются чины Свиты Его императорского величества — генералы и офицеры, носящие свитские звания. С этой поры офицеры и генералы могли состоять в Придворном штате, занимая посты по ведомству Министерства двора или находясь в отставке. В последующие годы были урегулированы вопросы неясного положения придворных чинов и кавалеров, упорядочено их старшинство (причем приоритет в нем был отдан имеющемуся статскому чину и только потом — времени пожалования) и в дальнейшем Придворный штат все более зависел от гражданского чиновничества. По высочайше утвержденному 21 апреля 1876 г. докладу главноуправляющего II отделением Собственной Его императорского величества канцелярии было постановлено необходимость в случае служебных перемен камергеров и камер-юнкеров испрашивать разрешение

¹¹ Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России... С. 600. См. также: ПСЗ–I. Т. XXXIV. № 27178. С. 906–907.

министра императорского двора на предмет сохранения придворного звания¹². Этот же указ определил порядок пожалования придворных чинов и званий или назначении в должность придворного чина¹³.

Более того, к началу XX века формализация процессов комплектования и управления достигла и женской части двора. Придворные звания в позднейшие годы могли быть пожалованы девицам, ранее представлявшимся государыням императрицам, что ограничивало круг претенденток отпрысками особ генеральских рангов. Кроме того, так же как на придворных мужского пола, на девиц-кандидаток начали собирать краткие биографические данные.

Хотя формирование придворного штата не было официально конституировано, так как отечественная юриспруденция, избегая этой темы, отводила данную прерогативу правящему монарху, дальнейшая законодательная деятельность продолжила, отталкиваясь от этих указов, формирование придворного штата как эталонной части правящей элиты. В развитие этого вопроса Министерством была создана «Инструкция о придворных пожалованиях», высочайше утвержденная 13 октября 1908 года. В инструкции описывался порядок представления на высочайшее благоволение кандидатских списков, определялась информация, вносимая в данные списки, порядок исполнения высочайшей воли при пожаловании в придворные чины и звания¹⁴. К инструкции прилагались также типовые формы высочайших указов о пожалованиях в придворные чины и звания, в придворные медицинские звания, в звания статс-дам, фрейлин и дам меньшего креста ордена Св. Екатерины¹⁵. Эту же цель преследовало высочайшее повеление 20 февраля 1910 года о переносе дня придворных пожалований со дня Св. Пасхи, традиционного дня пожалований наград за служебные отличия, на 6 мая — день тезоименинства Николая II¹⁶.

За годы правления императора Александра III состав Придворного штата подвергся значительной реструктуризации. Его покидают, перейдя в ведение Министерства императорского двора, служащие малых дворов и (в 1892 году) придворное духовенство. В 1914 году в Придворный штат входили: министр императорского двора, граф В. Б. Фредерикс, 1129 придворных чинов и кавалеров (75 %), 320 придворных дам (21 %),

¹² Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 3. Уставы о службе гражданской. Кн. 1. Гл. 3. Отд. 1. С. 90. Ст. 342.

¹³ Там же. Ст. 340.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 44 (503/2735). Д. 2. Л. 60–62.

¹⁵ Там же. Л. 63–65.

¹⁶ Там же. Л. 66–66 об.

53 придворных медика (3 %), 14 придворнослужителей, состоявших непосредственно при императоре и императрицах (1 %)¹⁷.

Рассматривая историю Придворного штата на протяжении двух с лишком столетий, мы видим, что его статус никогда не был постоянным. Изначально понятие Двора и Придворного штата было почти идентичным. В их составе находились лишь те, кто имел непосредственное отношение к окружению монарха. Деление на благородные и неблагородные должности присутствовало всегда, однако внутри страты разделения для благородных были условными. В результате реформ Александра I и Николая I придворные чины и звания жестко привязываются к определенным классам по Табели о рангах, придворная служба становится частью гражданской службы, вводятся придворные мундиры, одинаковые для подавляющего количества членов Придворного штата (отличались только мундиры шталмейстеров и егермейстеров). В эпоху правления Николая I появляется тенденция пожалования придворных чинов как почетного отличия. После создания Министерства императорского двора, принявшего на себя все хозяйственные вопросы, в его ведение из состава Придворного штата постепенно переходит подавляющее большинство членов Придворного штата, состоявших в нем ввиду выполнения служебных обязанностей. Придворный штат императора Николая II уже почти полностью состоит из придворных чинов, кавалеров и придворных дам. Подавляющее большинство их носит свои придворные звания как почетное отличие и в реальной придворной жизни не участвует.

¹⁷ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1914 год. СПб., 1914. Стб. 1–92.

Т. В. БОГДАНОВА

**Роль М. М. Сперанского
в объединении Старой и Новой Финляндий
(по документам РГИА)**

Аннотация: В статье будут рассмотрены документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, об объединении Старой и Новой Финляндий под одно наименование и один образ управления, определена роль, влияние и непосредственное участие Михаила Михайловича Сперанского в процессе объединения.

Ключевые слова: Старая и Новая Финляндии, Великое княжество Финляндское, Финляндская губерния, барон Г. М. Армфельт, М. М. Сперанский.

*«Финляндия есть государство, а не губерния;
следовательно, нельзя управлять ею мимоходом
и среди множества текущих дел»*

(М. М. Сперанский)

В XVIII в. в результате двух русско-шведских войн по Ништадтскому (1721 г.) и Абоскому (1743 г.) мирным договорам к России были присоединены территории, которые включали в себя города Выборг, Нейшлот, Вильманstrandт, Фридрихсгам и Кексгольм. В начале были созданы Выборгская и Кексгольмская провинции (1719–1744 гг.), впоследствии Выборгская губерния, которая попеременно носила названия — Выборгская губерния (1744–1783, 1796–1802 гг.), Выборгское наместничество (1783–1796 гг.) и Финляндская губерния (1802–1811 гг.). Местечко Сердоболь в 1783 г. по указу императрицы Екатерины II Правительствующему Сенату было преобразовано в город¹. Русско-шведская кампания 1788–1790 гг. территориальных изменений обеим сторонам не принесла. Таким образом, в Финляндскую губернию в начале XIX в. входило шесть городов с центром в г. Выборге.

По итогу последней русско-шведской войны 1808–1809 гг. к России была присоединена оставшаяся часть Финляндии, которая вошла в состав империи на правах Великого княжества Финляндского (далее — ВКФ). Финляндская губерния даже в официальных документах стала

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Д. 154. Л. 64.

именоваться — Старая Финляндия или Русская Финляндия, а территория ВКФ — Новая Финляндия или Шведская Финляндия.

Объединению Старой и Новой Финляндий многие русские и финские историки уделяют особое внимание. Одним из главных дореволюционных историков Финляндии является Михаил Михайлович Бородин. В своих многочисленных трудах² он не только описал и проанализировал события, происходившие во время и после русско-шведской войны 1808–1809 гг., но и ввел в научный оборот многие архивные документы, в том числе те документальные материалы, которые на сегодняшний день хранятся в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА). Из дореволюционной историографии следует особо отметить труды Кесаря Филипповича Ордина³, Петра Михайловича Майкова⁴, Марии Андреевны Лялиной⁵, Иоганна Рихарда Даниельсона⁶; среди современных русских и финских историков — Юрки Пааскоски⁷, Александра Юрьевича Краснолуцкого⁸, Зинаиды Анатольевны Новоселовой⁹, Осмо Юссила¹⁰.

Впервые мысль о соединении Русской и Шведской Финляндий зародилась еще во время правления шведского короля Густава III (1746–1792 гг.). Главным идейным вдохновителем отделения Финляндии от Швеции являлся Г. М. Спренгтпортен¹¹. Эта идея была горячо поддержана аньяльскими конфедератами еще в 1788 г. Они мечтали не только

² Бородин М. М. 1) История Финляндии: В 6 т. Т. IV: Время Александра I. СПб., 1909; 2) Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб., 1906 и др.

³ Ордин К. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам: В 2 т. СПб., 1889.

⁴ Майков П. М. Финляндия: история и культура, ее прошедшее и настоящее. СПб., 1911.

⁵ Лялина М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908.

⁶ Даниельсон И. Р. Соединение Финляндии с Российской державою: по поводу сочинения К. Ордина «Покорение Финляндии»: перевод. Гельсингфорс, 1890.

⁷ Пааскоски Ю. Жалованные земли на территории Старой Финляндии, 1710–1812 // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., 2015. С. 85–112.

⁸ Краснолуцкий А. Ю. Выборг: В 3 т. СПб., 2021.

⁹ Новоселова З. А. По страницам выборгской истории. Выборг, 2018.

¹⁰ Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009.

¹¹ Спренгтпортен Г. М. — шведский государственный деятель, впоследствии был назначен первым генерал-губернатором Великого княжества Финляндского и занимал этот пост в 1808–1809 гг.

о самостоятельности Финляндии, но и о присоединении к ней части Русской Финляндии¹².

После последней русско-шведской войны мысль об объединении всех финских земель, приобретенных Россией в результате военных кампаний, под одно наименование и один образ управления стала вновь обсуждаться в обществе. Пришлась она по душе и императору Александру I. Возвращение финнам земель, которые были завоеваны сто лет назад, обеспечило бы благосклонное расположение населения к русской власти. Лично докладывать обо всех финляндских делах еще в 1808 г. было поручено статс-секретарю М. М. Сперанскому. А сам император в начале 1809 г., еще до заключения мирного договора со Швецией, принял титул «Великий князь Финляндский», тем самым подчеркнув свою твердую решимость закрепить за Российской империей завоеванные территории. Осенью 1809 г. по указу Александра I была учреждена Особая комиссия финляндских дел. По сути, Особая комиссия занималась делами не только Новой, но и Старой Финляндии¹³.

В феврале 1811 г. М. М. Сперанский выступил с инициативой создать специальную Комиссию по финляндским делам, которая и была учреждена в Санкт-Петербурге и состояла только из финских уроженцев¹⁴. Впоследствии в ее ведение перешли все дела Особой комиссии финляндских дел¹⁵. Во главе Комиссии был назначен любимец императора Александра I барон Г. М. Армфельт¹⁶. По правам и обязанностям его должность ничем не отличалась от прав и обязанностей любого министра Российской империи.

Инициатива Михаила Михайловича по созданию Комиссии была вызвана, в первую очередь, стремлением снять с себя огромную нагрузку, ведь рассмотрение и ведение финляндских дел требовали большого количества времени и сил. Также этим М. М. Сперанский дал возможность барону Г. М. Армфельту непосредственно управлять Финляндией. С этого момента Комиссия рассматривала все дела, касающиеся Финляндии, которые поступали к императору. Обо всех финских делах Александру I лично докладывал уже не М. М. Сперанский, а его ближайший помощник статс-секретарь Комиссии Р. Х. Ребиндер¹⁷. Все

¹² Бородин М. М. История Финляндии... С. 353.

¹³ Юссилла О. Великое княжество Финляндское... С. 87.

¹⁴ Там же. С. 111.

¹⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 330. Л. 1.

¹⁶ Шведский подданный, перешел на русскую службу.

¹⁷ Юссилла О. Великое княжество Финляндское... С. 120.

бумаги в Комиссии составлялись на шведском языке, но доклады императору подавались на французском. В итоге Комиссия стала высшей руководящей структурой системы управления ВКФ.

Именно Комиссии император поручил составить план будущего объединения двух Финляндий. Процесс объединения продвигался чересчур медленно, пока в Петербург в мае 1811 г. не приехал барон Армфельт. Трижды — 5, 7 и 11 июня¹⁸ — он обедал с императором, и в неформальных разговорах они обсуждали преобразование управления ВКФ и идею о наделении Финляндской губернии такой же конституцией и теми же формами свободы, которые уже были дарованы ВКФ¹⁹.

Барон Армфельт в июне 1811 г. подготовил «Справку о Высочайших постановлениях, которыми представлены Финляндии особые права» и записку «Tres-humble aperçu sur la Finlande»²⁰. Через М. М. Сперанского он передал их императору²¹. В препроводительном письме барон писал: «...идеи, которые у меня сложились о сердце Вашего величества и о принципах Ваших как человека и как суверена в том, чтобы набросать на бумаге с солдатской простотой и свободой несколько фактов и истин, которые имеют цену лишь в силу того влияния, которые они произвели. Как Ваш подданный, Сир, я должен желать Вашего счастья и Вашей славы и всем жертвовать для этого, прирожденный финн, я лишь могу интересоваться моей родной страной и народом, благородным отеческим правительством и счастьем, которые Вы ему предназначали»²².

В самой записке, состоящей из восьми листов, описывались причины, по которым необходимо было осуществить объединение финских земель: «Разъединенная в продолжении целого века Финляндия, наконец, соединилась под одним скипетром <...> та же самая нация, с тем же языком, с теми же обычаями, с теми же основными добродетелями и недостатками»²³.

Горячо поддержал идею объединения и финляндский генерал-губернатор Ф. Ф. Штейнгель. 10 июля 1811 г. он писал М. М. Сперанскому следующее: «Запутанное и бедственное положение Старой Финляндии,

¹⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Внутр. оп. 129/1619. Д. 9. Л. 142, 144 об., 145.

¹⁹ Пааскоски Ю. Жалованные земли на территории Старой Финляндии... С. 109.

²⁰ В переводе с французского языка — «Очень скромный взгляд на Финляндию».

²¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 429. Л. 3–12.

²² Там же. Л. 3, 3 об., 4 (пер. с фр. яз. Н. С. Крылов).

²³ Записка была частично опубликована: Бородкин М. М. История Финляндии... С. 355.

от образа нынешнего правления оной происходящее, при проезде моем сюда вновь возбудило во мне искреннейшее желание видеть край сей, подобно Новой Финляндии, ошастливленным управлением, основанным на правилах определенных, и не столь частым переменам подверженных. Зная сколь сие соответствует высочайшей воле августейшего нашего Монарха, и в полной надежде на известную готовность Вашего превосходительства всякому добру, осмеливаюсь я утруждать Вас, милостивый государь, покорнейшею моею просьбою окончить милостивым вашим председательством у Государя императора несчастные распри между здешними помещиками и крестьянами их, от различных видов и самопроизвольных толков существующих здесь узаконений возникшие, и вместе с тем довершить благополучие сей губернии постоянным для оной постановлением»²⁴.

В РГИА, в фонде Особого комитета председателей департаментов Государственного совета, хранится дело «О соединении Старой и Новой Финляндий под одно именование и один образ управления»²⁵. В деле имеется записка на французском языке, без подписи. М. М. Бородкин предположил, что записка принадлежала перу барона Армфельта²⁶. В записке критически описывалось бедственное положение Старой Финляндии, небрежное управление территорией и отсталость во всех областях экономики и хозяйства. Наилучший выход из создавшегося положения, который был предложен автором записки, — объединение территорий Старой и Новой Финляндий²⁷.

В указанном деле большой интерес представляет и не имеющая датировки записка «О соединении обеих Финляндий»²⁸ на русском языке, авторство которой доподлинно не установлено²⁹. Именно аргументы, которые были приведены в этой записке, сыграли решающую роль в принятии высочайшего решения о соединении двух Финляндий. В ней автор указал на главную причину необходимости такого решения. На территории Старой Финляндии долгое время сохранялись шведские законы, но в начале XIX в. частично было введено русское законо-

²⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 429. Л. 156, 156 об., 157, 157 об.

²⁵ Там же. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15.

²⁶ Бородкин М. М. История Финляндии... С. 361.

²⁷ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об., 7, 7 об., 8, 8 об.

²⁸ Бородкин М. М. История Финляндии... С. 361–365.

²⁹ Финский историк М. Г. Шюбергсон полагал, что записка была составлена М. М. Сперанским (Бородкин М. М. История Финляндии... С. 365).

дательство. Противоречия между законодательствами были существенными, вследствие чего в Финляндской губернии в большом количестве стали происходить волнения. Беспорядки в основном касались взаимоотношений крестьян и помещиков, а также положения об имущественном праве. В конце записки указано, что «на сих основаниях составлен проект манифеста, при сем прилагаемый»³⁰.

Только поздней осенью 1811 г. в Государственный совет была представлена записка барона Армфельта об объединении Русской и Шведской Финляндий. Совет дважды рассматривал проект манифеста об объединении: первоначально — в Особом комитете председателей департаментов на заседании 28 ноября, а позже, 4 декабря — на Общем собрании³¹.

28 ноября Комитетом была вынесена резолюция: «Собрание председателей признали проект сей настоящему положению сих провинций сообразным»³². Некоторые подробности заседания Общего собрания Государственного совета 4 декабря 1811 г. сохранились в письме бывшего морского министра П. В. Чичагова к графу С. Р. Воронцову³³. Чичагов, который только 13 ноября 1811 г. именным высочайшим указом был назначен «присутствовать в Государственном совете»³⁴, выступил резко против объединения. По его утверждению, именно М. М. Сперанский «был зачинщиком этого проекта». На критику Чичагова вместо Сперанского ответил лично Александр I, который всех заверил, что из-за объединения не произойдет никаких перемен. Обе Финляндии будут управляться по тем же принципам, по которым они уже управляются. По сути, объединение должно произойти только «лишь по имени». Также в письме П. В. Чичагов подметил, что «все, чего желал Сперанский, неминуемо исполнялось, и всякая оппозиция была бы только потерянными трудом»³⁵. Общее собрание Государственного совета вынесло резолюцию: «Проект манифеста и заключение собрания председателей признал правильным»³⁶.

³⁰ Бородкин М. М. История Финляндии... С. 365. В деле к записке приложен проект манифеста об объединении Финляндий (РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 33–46).

³¹ В вышеуказанном деле фонда Особого комитета председателей департаментов Государственного совета сохранились переписанные рукой М. М. Сперанского черновые журналы этих заседаний (РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 47–48).

³² РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 10 об.

³³ Бородкин М. М. История Финляндии... С. 366.

³⁴ РГИА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 8. Л. 256.

³⁵ Бородкин М. М. История Финляндии... С. 366.

³⁶ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 10 об.

Манифест об объединении был подписан 11 декабря 1811 г. По манифесту Финляндская губерния присоединялась к ВКФ и наделялась всеми теми же правами, что и остальные губернии Финляндии. В проекте манифеста, сохранившемся в фонде Особого комитета председателей департаментов Государственного совета, имеется карандашная помета: «Высоч. Пост. 1811 г., кн. 3, акт 320) пункт 1-й изложен след. образ. «1, Старую и Новую Финляндию отныне совокупно именовать Финляндию». В остальном изложении сей проект с подлинным верен. Доброхотов»³⁷. Подлинник манифеста об объединении двух Финляндий хранится в Коллекции высочайших повелений Государственному совету³⁸.

В этот же день император Александр I подписал ряд дополнительных законодательных актов³⁹. Среди них — высочайший указ Святейшему Синоду, в котором говорилось, что все православные церкви и монастыри, находящиеся в Старой Финляндии остались «во всем на прежнем их основании под главным управлением Св. Синода и настоящего их Епархиального начальства»⁴⁰. Рукой М. М. Сперанского на проекте указа стоит помета: «Присоединив к оному ведомство и всех православных греко-российских церквей, в Финляндии состоящих»⁴¹. Подлинный высочайший указ хранится в фонде Канцелярии обер-прокурора Синода⁴².

Тогда же был подписан манифест, адресованный Императорскому финляндскому правительствующему совету⁴³. В манифесте было провозглашено, что Финляндская губерния присоединялась к ВКФ и должна была именоваться Выборгской губернией, а ее местное управление должно было остаться в г. Выборге. В состав Финляндского совета вошли два обывателя⁴⁴ Старой Финляндии, один обыватель вошел в состав

³⁷ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

³⁸ Там же. Д. 8. Л. 263, 263 об.

³⁹ Все проекты манифестов и указов, касающиеся объединения двух Финляндий, были отредактированы М. М. Сперанским. В некоторые из них рукой Михаила Михайловича внесены небольшие правки.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

⁴¹ Там же. Л. 52.

⁴² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 35. Л. 187, 187 об.

⁴³ С 1816 г. — Императорский финляндский сенат.

⁴⁴ Обыватель — житель какой-нибудь местности.

Абоского гофгерихта⁴⁵. Далее в манифесте указано, что, начиная с 1812 г., весь доход губернии должен был идти в общий доход ВКФ. Управление губернией ничем не должно было отличаться от управления других губерний ВКФ. Финляндскому совету также поручалось образовать Особенный комитет, который должен был обстоятельно «рассмотреть на месте настоящего сей губернии положения» и представить подробные сведения о том, как привести все учреждения Выборгской губернии «в единообразии с прочими» губерниями ВКФ. Во главе Комитета был назначен выборгский гражданский губернатор. Все судебные дела должны были поступать в Абоский гофгерихт, а управление духовными делами было поручено Боргоской епархии⁴⁶.

11 декабря 1811 г. был дан указ и министру полиции А. Д. Балашову⁴⁷. Ему было поручено определить границу между Санкт-Петербургской губернией и Финляндией, в особенности, что касалось территории Сестрорецкого завода. Также в срочном порядке было необходимо наладить взаимодействие министра полиции с генерал-губернатором ВКФ. Близость столицы Российской империи к границе с Финляндией и огромная разница в управлении территориями требовали безотлагательно устранить все препятствия к тесному взаимодействию.

Финляндскому генерал-губернатору Ф. Ф. Штейнгелю также был послан именной указ, к которому прилагался текст манифеста Финляндскому совету для его обнародования «в установленном порядке». В указе император повелел генерал-губернатору представить на высочайшее рассмотрение четырех кандидатов, которые были бы привлечены для работы в Финляндском совете. Необходимо было подобрать и кандидатов для работы в Особенном комитете в г. Выборге. Число кандидатов, которые были бы назначены членами Особенного комитета, генерал-губернатор должен был определить самостоятельно. В высочайшем указе Александр I предписал Ф. Ф. Штейнгелю, чтобы все распоряжения, касающиеся изменения положения Выборгской губернии, были отосланы выборгскому гражданскому губернатору И. И. Винтеру⁴⁸.

⁴⁵ Гофгерихт — Надворный суд. Первоначально в проекте манифеста о составе Абоского гофгерихта не упоминалось. Фраза «и одного в состав Абоского гофгерихта» дописана в проекте рукой М. М. Сперанского (РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 52 об.).

⁴⁶ Бородин М. М. История Финляндии... С. 367.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 11 об., 12.

⁴⁸ Бородин М. М. История Финляндии... С. 368.

В проекте указа генерал-губернатору ВКФ первоначально было написано: «Вы не оставите снабдить его подробными наставлениями, каким образом он должен поступать в Управлении сей губернии, доколе не будет она во всех частях образована на правилах с прочими единообразными». Фраза «сей губернии, доколе не будет она во всех частях образована на правилах с прочими единообразных» зачеркнута, и рукой М. М. Сперанского стоит помета: «чтобы ускорить устройство сей губернии на правилах, с прочими единообразных, и каким образом между тем он должен поступать в ея управлении»⁴⁹.

В именном указе Выборгскому гражданскому губернатору И. И. Винтеру, подписанному 11 декабря 1811 г., император уведомил, что генерал-губернатор ВКФ в ближайшее время снабдит гражданского губернатора подробной инструкцией, чем и как дальше руководствоваться в управлении Выборгской губернией⁵⁰. В проекте указа гражданскому губернатору записано: «он не оставит вас снабдить подробными наставлениями, каким образом вы имеете поступать до введения в сей Губернии предполагаемого образования». Фраза «до введения в сей Губернии предполагаемого образования» зачеркнута и рукой М. М. Сперанского написана та же исправленная фраза, которая встречается и в указе финляндскому генерал-губернатору: «чтоб ускорить устройство ее на правилах с прочими единообразных, и каким образом между тем вы имеете поступать в ея управлении»⁵¹.

Министр юстиции И. И. Дмитриев 20 декабря 1811 г. писал М. М. Сперанскому: «С высочайшим манифестом, сего декабря 11 состоявшимся, о соединении Старой и Новой Финляндий между прочим изъяснено, что прежняя Финляндская губерния отныне состоять будет в Главном управлении, для страны той учрежденном. По содержанию манифеста сего, производства дел до бывшей Финляндской губернии касающиеся, и поступившие в Правительствующий Сенат, должны из оного отойти; но поелику ни Сенату, ни мне, неизвестно упомянутое в Манифесте Главное управление, то я долгом поставляю покорнейше

⁴⁹ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 57.

⁵⁰ Богданова Т. В. "Последний гражданский губернатор старой Финляндии" (служебная деятельность Ивана Ивановича Винтера по документам Российского государственного исторического архива) // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 1(47). С. 15.

⁵¹ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 58 об.

просить Ваше превосходительство доставить мне об оном нужные сведения»⁵².

В Манифесте от 11 декабря 1811 г. ничего не было сказано о правах жителей Старой Финляндии. Возникла необходимость в издании еще ряда законодательных актов⁵³. 31 декабря 1811 г. император Александр I подписал манифест «Об устройстве Выборгской губернии», в котором имелись следующие статьи: 1. «О правах сословий»; 2. «О губернских чинах и Присутственных местах»; 3. «О правах владельцев и об отношениях между помещиками и крестьянами»; 4. «О мерах исполнительных»⁵⁴.

Но и этот манифест не понравился жителям ни Старой, ни Новой Финляндий. Тем не менее поддерживаемый императором Александром I и М. М. Сперанским барон Армфельт достиг своей главной цели — территории двух Финляндий были объединены⁵⁵.

Результатом объединения также стало смещение выборгского гражданского губернатора И. И. Винтера со своей должности, на его место был назначен ставленник барона Армфельта К. Шернваль⁵⁶.

М. М. Сперанский 16 января 1812 г. писал министру полиции А. Д. Балашову: «По соединении обеих Финляндий под одно управление, вместе с учреждением здесь Финляндской комиссии, считаю долгом известить Ваше превосходительство, что по уставу сей Комиссии все сношения по делам Финляндским отныне имеют быть производимы посредством председателя ея генерала барона Армфельта»⁵⁷.

28 марта 1812 г., уже после того, как М. М. Сперанский был отправлен в ссылку в Нижний Новгород, император Александр I подписал манифест «О предоставлении жителям Выборгской губернии пользоваться правами и преимуществами, принадлежащими им по Финляндским конституциям и узаконениям», который окончательно закрепил дарованную ВКФ конституцию на территории Старой Финляндии⁵⁸.

Таким образом, силами трех человек — императора Александра I, государственного секретаря Михаила Михайловича Сперанского и барона Густава Морица Армфельта — тысячи коренных жителей Выборгской губернии, в том числе и русскоязычное население, стали

⁵² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 429. Л. 71.

⁵³ Бородин М. М. История Финляндии... С. 619.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1361. Оп. 2. Д. 22. Л. 4–8.

⁵⁵ Бородин М. М. История Финляндии... С. 373.

⁵⁶ Богданова Т. В. "Последний гражданский губернатор старой Финляндии"... С. 16.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1811 г. Д. 75. Л. 17.

⁵⁸ Там же. Ф. 1361. Оп. 2. Д. 22. Л. 9, 9 об., 10.

проживать в автономном княжестве, подчиняясь шведским законам. Граница Великого княжества Финляндского пролегла в самой близости от столицы Российской империи.

Михаил Михайлович Сперанский сыграл ключевую роль в объединении двух Финляндий. Кроме поддержки самого проекта, при его непосредственном участии были составлены все законодательные акты, на основании которых Старая и Новая Финляндии были объединены. Весть о присоединении Финляндской губернии к ВКФ была воспринята в русском обществе совершенно спокойно⁵⁹.

История нам показала, что объединение двух Финляндий имело огромные последствия. Перед началом Первой Мировой войны император Николай II пытался на законном основании отделить Выборгскую губернию от Великого княжества Финляндского, но, боясь волнений, довести это до конца не решился⁶⁰. После 1917 г. город Выборг и остальные города губернии оказались частью независимой Финляндии. И, как мы знаем, в результате Зимней войны 1939–1940 гг. Выборг, Сердоболь (Сортавала) и Кексгольм (Приозерск) уже окончательно вошли в состав нашей страны. Финляндскими остались три города бывшей Выборгской губернии: Нейшлот (Савонлинна), Вильманstrandт (Лаппеэнранта) и Фридрихсгам (Хамина).

⁵⁹ Бородин М. М. История Финляндии... С. 366.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 512.

Л. Д. БОНДАРЬ, А. А. КАРСКИЙ

В атмосфере духовности — с ранних лет: семья академика Е. Ф. Карского (1861–1931)

Аннотация: В статье представлены архивные документы и другие материалы, дающие представление о ближайшем окружении академика-слависта Евфимия Федоровича Карского и позволяющие продемонстрировать, связь ученого и его супруги с духовным сословием как своим происхождением, так и постоянным контактом на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: академик Е. Ф. Карский, духовное сословие, семья, архивные документы.

Биография Евфимия Федоровича Карского (1861–1931), академика-слависта, основателя белорусоведения, в последние годы стала предметом исследований российско-белорусского коллектива ученых. Результатом этой работы является введение в научный оборот впечатляющего пласта документов по научной биографии академика из архивов Санкт-Петербурга, Москвы, Беларуси, Польши, Чехии, Болгарии и др.¹, а также написание биографической книги, в основу которой, помимо архивного, положен обширный материал из официальных периодических изданий конца XIX – начала XX в., а также эпистолярные из семейного архива².

Выявленные документы по биографии позволяют не только осветить основные этапы жизненного пути самого ученого, но и охарактеризовать его ближайшее окружение — семью. Сюжетом, заслуживающим отдельного внимания, является биография членов семьи академика, имевших отношение к духовным кругам, которые не могли не оказать влияние на формирование жизненных принципов и позиций ученого.

Самый ранний из выявленных документов семьи датирован 26 ноября 1862 г. и является свидетельством, выданным Гродненским Свято-

¹ Жизнь и деятельность академика Е. Ф. Карского. Сб. документов и материалов. Ч. 1. Проблемы истории и культуры Беларуси в документальном наследии Е. Ф. Карского. Материалы семьи / отв. ред. Л. Д. Бондарь, А. А. Карский, К. В. Сытько, А. В. Унучек. Минск, 2020.

² Карский А. А. Академик Е. Ф. Карский. Биография: В 2 т. Минск, 2019. Кроме этого, свет увидели многочисленные публикации, посвященные научной биографии академика, число которых заметно возросло в последнее десятилетие: Карский А. А. Библиография работ об академике Е. Ф. Карском // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации / гл. ред. Т. А. Пивоварчик. Гродно, 2020. Ч. 1. С. 137–191.

Софийским собором; документ сообщает о деде Е. Ф. Карского, что он — *«Сокольского уезда заштатного города Новодвора новопросвещенный житель из евреев Николай Новицкий православного исповедания»*³. Здесь же — сведения о его сыне, названном при рождении (в 1841 г.) Абрамом и получившем при крещении 31 марта 1848 г. имя Феодор. Таинство Святого Крещения совершил *«Гродненского Борисо-Глебского монастыря казначей иеромонах Стефан с послушниками и причетниками того же монастыря»*. Из следующего по времени документа, датированного 11 декабря 1862 г., можно заключить, что и сам Н. Новицкий принял крещение в том же месте и в тот же день⁴.

Документ от 26 ноября 1862 г. дает краткие сведения о пути Феодора Новицкого в христианстве. После принятия крещения он оставался на воспитании в Борисоглебском монастыре. В свидетельстве, содержащемся в рассматриваемом документе, протоиерей Гродненского Свято-Софийского собора и Гродненского губернского правления Антоний (Шеметилло) отмечает, что юноша *«всегда вел себя очень хорошо, учился прилежно»*. Будучи вместе с отцом приписанным *«в сказке к гродненскому мещанскому обществу»*, в 1857 г. Феодор подал прошение о принятии его в духовное звание и выдержал экзамен в Литовской духовной консистории. Его просьба была удовлетворена — он был *«определен штатным дьячком к Лашанской⁵ приходской церкви, каковую должность проходил исправно с надлежащим усердием»*.

9 мая 1862 г. Ф. Новицкий был уволен из духовного звания с выдачей ему десятимесячного билета *«для избрания рода жизни»*. Однако еще до истечения этого срока им было подано прошение *«об исходатайствовании принятия его обратно в духовное звание по Минской епархии»*. Фактически таким образом был осуществлён перевод в соседнюю епархию. 22-летний Ф. Н. Новицкий был вновь принят в духовное звание и назначен *«вольнораемным дьячком Борисовского Благочиния к Бытчанской церкви»*⁶; чуть более поздняя запись (28 января 1863 г.) содержит приказ *«определить к Бытчинской церкви дьячком, с производством ему штатом по сей должности жалования»*⁷.

³ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 30012. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 1–1 об.

⁵ Деревня Лаша Гродненского уезда.

⁶ Документ датирован 11 декабря 1862 г. (НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30012. Л. 1–1 об.).

⁷ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30012. Л. 9.

В это время в личной жизни Ф. Н. Новицкого произошли важные перемены: 1 июля 1862 г. он сочетался браком с дочерью дьячка Лашанской церкви Магдалиной Онуфриевной Карской (1841–1902) — матерью Е. Ф. Карского⁸. Поскольку на момент рождения М. О. Карская не состояла в браке, то ребенку была дана фамилия матери⁹. Известно, что семья М. О. Карской принадлежала к духовному сословию не в одном поколении: дьячками служили также дед (Викентий Карский) и два других его сына (Игнатий и Степан)¹⁰. Кроме того, есть основания полагать, что уже в середине XVII в. в Литовской епархии, на древних белорусских землях, фамилия «Карский» принадлежала представителям православного духовного сословия¹¹.

Таким образом, жизнь будущего академика началась в лоне духовного сословия. В служебном аттестате, выданном 12 января 1911 г., так и значится: «*Происходит из духовного звания*»¹². В советское время об этом, разумеется, приходилось умалчивать, и в анкете 1925 г. о родителях Е. Ф. Карский вынужден был написать кратко: «*Родители давно умерли. Отец был сельским учителем*»¹³.

Отец Е. Ф. Карского состоял в священных чинах всю жизнь, сменив целый ряд мест службы и уйдя из жизни на 77-м году как священник церкви села Будча Слуцкого уезда Минской губернии¹⁴. Своим детям он также дал воспитание и образование в духовных традициях.

Известно, что Е. Ф. Карский обучался в Минском духовном училище (1871–1877) и Минской духовной семинарии (1877–1881)¹⁵. По его стопам пошли и все его младшие братья¹⁶. Основной блок данных об их обучении

⁸ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30012. Л. 1 об., 3.

⁹ Вопрос о том, был ли Е. Ф. Карский родным или приемным сыном Ф. Н. Новицкого, в нашем случае никакой роли не играет, так как сам Е. Ф. Карский всегда называл его отцом и никаких иных замечаний по поводу своих родителей никогда не делал.

¹⁰ Карский А. А. Академик Е. Ф. Карский. Т. 1. С. 24–26.

¹¹ Там же. С. 26–27.

¹² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 4. Оп. 4. Д. 1503. Л. 24. Ср.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 49469. Л. 66.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 108. Л. 2.

¹⁴ Карский А. А. Обнаруженные сведения об отце академика Евфимия Феодоровича Карского // Литература та культура Полісся. Вип. 38. Ніжин, 2007. С. 259–286.

¹⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40942. Л. 259–260. Затем, в 1881 г. Е. Ф. Карский поступил в Нежинский историко-филологический институт, который окончил в 1885 г.

¹⁶ Семья Ф. Н. Новицкого была большой — шестеро сыновей и две дочери: Карский А. А. О братьях и сестрах академика Е. Ф. Карского // Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы XII Международных научных чтений / гл. ред. М. И. Конюшкевич. Гродно, 2011. С. 51–67.

дали «Минские епархиальные ведомости», детально отражавшие события духовной жизни Минской епархии¹⁷.

Второй по старшинству сын Ф. Н. Новицкого, Антоний (родился в 1866 или 1867 г.), проходил курс в Минском духовном училище, однако рано, приблизительно в двенадцать лет, умер. Сведений о нем крайне мало.

Третий по старшинству — Николай (1870 — после 1926) — также учился в Минском духовном училище, затем был переведен в Минскую духовную семинарию. Судя по имеющимся сведениям, Н. Ф. Новицкий не испытывал интереса к этого рода занятиям и по собственному прошению был отчислен из второго класса семинарии, однако некоторое время продолжал сохранять связь с духовной средой: полгода он состоял учителем церковно-приходской школы в деревне Великая Слобода, где преподавали также его отец и сестра Мария Федоровна Новицкая (1864 — ?), затем несколько лет служил псаломщиком в Свислочской церкви¹⁸, откуда был уволен «согласно прошению». В дальнейшем он связал свою жизнь с банковской работой и, судя по косвенным данным, состоялся как ценный работник¹⁹.

Пятый (по времени рождения) сын, Александр (1875 — после 1961)²⁰, также окончил Минское духовное училище, а затем — Минскую духовную семинарию, однако далее получил инженерное образование в Императорском институте путей сообщения, перед тем окончив математическое отделение Императорского Варшавского университета, где в то время его старший брат, Е. Ф. Карский, занимал должность профессора по кафедре русского и церковнославянского языков и истории русской литературы²¹.

На всю жизнь принадлежность к духовному сословию сохранил четвёртый (по старшинству) сын Ф. Н. Новицкого — Иван (1872 или 1873—1928). В 1883 г. И. Ф. Новицкий стал учеником Минского духовного училища и, закончив его с отличием в 1888 г., следующие шесть лет проучился в Минской духовной семинарии, которую также окончил с отличием и сразу же был определен псаломщиком к Новоселковской

¹⁷ Подробное изложение почерпнутых из этого издания сведений см.: *Карский А. А. О братьях и сестрах...*

¹⁸ Свислочская Успенская церковь, Бобруйского уезда.

¹⁹ *Карский А. А. О братьях и сестрах...* С. 57. Фотография Н. Ф. Новицкого, оригинал которой хранится в семейном архиве, опубликована: *Цыхун А. П. Акадэмік з вёскі Лаша Я. Ф. Карскі. Гродна, 1992. С. 67.*

²⁰ Его фотография хранится в Музее истории Клетчины: *Карский А. А. О братьях и сестрах...* С. 60–61.

²¹ *Карский А. А. О братьях и сестрах...* С. 60–61. В Музее истории Клетчины хранится фото А. Ф. Новицкого в форме студента Варшавского университета.

церкви Слуцкого уезда. Менее чем через год он был рукоположен в священнический сан и получил место священника в Блячинской церкви (в 5 верстах от местечка Клецк) того же уезда, где и оставался до конца своих дней: заведовал церковно-приходской школой, организовал широкую общественную работу и пользовался заслуженной широкой популярностью среди своих прихожан и окрестной интеллигенции²².

С семьей — родителями и братьями — Е. Ф. Карский поддерживал постоянные отношения. Известно, что он несколько раз со своей супругой и детьми проводил часть летних вакансий у родителей (в 1895 г. — в местечке Волма Минского уезда, в 1903 г. — в селе Дунайчицы, Слуцкого уезда²³) или у брата Ивана (в 1900 г. — в Блячине²⁴); как свидетельствуют письма из семейного архива, к Ивану — в Блячин и к Николаю — в Миратичи (сёла тогда находились на территории Польши) Е. Ф. Карский специально заехал во время своей зарубежной командировки в славянские земли в 1926 г.²⁵ Таким образом, даже избрав светскую карьеру ученого, Е. Ф. Карский сохранял постоянную связь с той духовной средой, в которой жила его семья.

Очевидна атмосфера взаимопомощи и взаимоподдержки в семье. Целый ряд фактов говорит о том, что Е. Ф. Карский помогал родителям и братьям в начале их карьеры финансово, вместе с тем в сложное для себя время и сам получал необходимую поддержку. Так, он гостил у брата Ивана в трудное военное время лета 1915 г.²⁶, а также получил от него помощь в 1919 г., когда не смог выехать из оккупированного Минска и остался там без средств к существованию²⁷; это описано

²² *Блінец А.* Брат акадэміка Карскага // Краязнаўчая газета. 2009. № 12 (269), март. С. 3, 5. Еще один, самый младший сын Ф. Н. Новицкого, Владимир (родился предположительно в 1884 или 1885 г.) также получал традиционное для этой семьи образование в Минском духовном училище, однако жизнь его рано оборвалась.

²³ *Бондарь Л. Д., Карский А. А.* Места летних вакансий академика Евфимия Федоровича Карского: Крым и не только (к 160-летию со дня рождения) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 12 (110). Ч. 1. URL: <https://history.jes.su/s207987840018422-3-1/>

²⁴ *Блінец А.* Яўхім Карскі на Клецчыне // Да новых перамог. 2008. № 102 (8483), 6 сентября. С. 2.

²⁵ См. о командировке: Околонуточный спор. Злополучная командировка академика Карского // *Рублевская Л. И., Скалабан В. В.* Время и бремя архивов и имен: очерки, эссе, пьеса. Минск, 2009. С. 42–48.

²⁶ *Бондарь Л. Д., Карский А. А.* Места летних вакансий академика Евфимия Федоровича Карского...

²⁷ См. об этом: *Бондарь Л. Д., Унучек А. В.* Академик Евфимий Федорович Карский (1860–1931) в Минске в 1918–1920 гг. // Гістарычны лёс беларускай савецкай

в воспоминаниях академика: «В Минск приезжал брат Иван, который, узнав о моем бедственном положении, предложил заимообразно 3000 р. царскими, чем я и воспользовался». К брату Е. Ф. Карский заехал также летом следующего года; во время этого визита состоялась встреча с будущим поэтом Сергеем Михайловичем Новиком-Пяюном (1906–1994), о чем последний рассказал в своих воспоминаниях²⁸.

Семья поддерживала и научные занятия Е. Ф. Карского; в письмах этнографа и фольклориста Павла Васильевича Шейна (1826–1900) сохранились сведения и о том, что семья Е. Ф. Карского (мать, брат Николай и сестра Мария, а также дядя Иван Онуфриевич Карский) участвовали в сборе белорусского фольклорного материала²⁹.

Свою будущую супругу — Софию Николаевну (в девичестве Сцепуржинскую) — молодой тогда еще преподаватель словесности Второй Виленской гимназии Е. Ф. Карский также нашел в близком ему окружении. Метрические сведения о родителях С. Н. Карской (Сцепуржинской) таковы: «Цыринской церкви священник Николай Фаддеев Сцепуржинский и законная жена его Юлия Антонова»³⁰. Знаменательны и обстоятельства знакомства будущих супругов, о чем пишет С. М. Карская в своих воспоминаниях: «Первый раз я его [сверху вписано «Е. Ф.»] увидела, когда я была гимназисткой предпоследнего класса, летом в деревне, в церкви»³¹.

Атмосфера духовности, впитанная супругами с детства, придала браку характер настоящего служения друг другу и создавала необыкновенно сердечную обстановку в семье, формировала уважение к предкам и стремление сохранения памяти о них. С. Н. Карская, бывшая истинной опорой своему супругу в его трудах, следовала за ним всюду, куда он направлялся по своей службе, невзирая на бытовые трудности и неустроенность³².

дзяржаўнасці (да 100-годдзя абвяшчэння Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі) / рэдкал. А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск, 2021. С. 29–35.

²⁸ Новік (Пяюн) С. Памятная сустрэча // Голас Радзіны. 1961. № 3, январь.

²⁹ Переписка П. В. Шейна и Е. Ф. Карского из СПбФ АРАН опубл.: Жизнь и деятельность академика Е. Ф. Карского... С. 136–184.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 59. Л. 1. Согласно этому документу, крещение Софии осуществлял сам ее отец.

³¹ Опубл.: Карская С. Н. Мои воспоминания об Ефиме Федоровиче Карском / публ. Л. Д. Бондарь // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 31. Минск, 2016. С. 25–28; Жизнь и деятельность академика Е. Ф. Карского... С. 356–359.

³² Бондарь Л. Д. Муза ученого: супруга академика Е. Ф. Карского (1860–1931) Софья Николаевна Карская // Прогресс России. Женский аспект: сборник научных статей и документов / отв. ред.-сост. И. А. Урмина, Н. М. Осипова. М., 2018. С. 188–200.

В связи со всем сказанным едва ли можно считать случайностью направленность научных интересов академика Е. Ф. Карского, в числе которых значительное место составляли исследования евангелических текстов и церковнославянского языка. Доминирующее в исследованиях академика направление — народные говоры и фольклор — это та научная область, которая часто становилась предметом исследований людей с духовным образованием. Так, и среди корреспондентов Е. Ф. Карского, с которыми обсуждался «белорусский вопрос», были исследователи, получившие духовное образование: Николай Яковлевич Бойков (1889–1941(1946?)), Иосиф Юрьевич Лёсик (1883–1940), Александр Иванович Миловидов (1864 – после 1933), Николай Яковлевич Никифоровский (1845–1910), Евстафий Филаретович Орловский (1862–1913), Александр Романович Пщёлко (1869–1943).

Напрашивается параллель с матерью академика, что сформулировано в биографической книге следующим образом: «Жена Федора Новицкого, Магдалина, всегда следовала за ним, покидая обустроенное жилье, переезжая из одного села в другое, по новому месту службы мужа»: *Карский А. А.* Академик Е. Ф. Карский. Т. 1. С. 22.

А. Ю. БЫКОВ

М. М. Сперанский и решение вопроса о границах территорий, населенных казахами¹

Аннотация: Статья посвящена анализу окраинной политики Российской империи в отношении разграничения с казахами и соседними странами в ходе подготовки и внедрения Устава о сибирских киргизах (казахах) 1822 г., автором которого был М. М. Сперанский. Уточнены понятия административных и государственных границ и статусы казахов в составе Российской империи и населенных ими земель.

Ключевые слова: Михаил Михайлович Сперанский, Устав о сибирских киргизах, Российская империя, казахи, Омская область, округ, граница.

В 1819 г. М. М. Сперанский был назначен генерал-губернатором Сибири, занимая эту должность в течение трех лет. Вместе с рескриптом о назначении он получил письмо от Александра I. Император предписывал ему заняться ревизией местной администрации и параллельно *«сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге»*². М. М. Сперанскому также было указано, что от успеха его деятельности в Сибири зависит возможность возвращения в Петербург³.

За столь короткий срок невозможно было глубоко погрузиться в анализ ситуации на местах. Поэтому Сперанский был вынужден опираться на мнение местных представителей, которым он доверял, в первую очередь будущего декабриста Г. С. Батенькова. Кроме того, граф действовал, исходя из собственных представлений о некой идеальной модели организации регионального сообщества. Его взгляды были во многом сформированы произведениями французских и английских просветителей, вслед за которыми важнейшим инструментом обще-

¹ Работа выполняется в рамках программы целевого финансирования проекта BR10965282 «Казахстанско-российская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность».

² Цит. по: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск, 1986. С. 35.

³ См., напр.: Кодак С. В. М. М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. Сб. научн. трудов. Иркутск, 1988. С. 114–123; Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991. С. 249–253; Дамешек Л. М. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017. С. 130–164 и др.

ственных изменений нравов граф рассматривал право⁴. В основе его реформ в Сибири лежали реформы административные, начиная с разделения самой губернии на две — Западную и Восточную — и завершая введением новых Уставов по управлению нерусским населением азиатских окраин империи.

Уже к концу 1820 г. была в основном завершена работа над проектом новых законов об управлении Сибирью и сибирскими казаками в том числе⁵. Сперанский сумел заручиться поддержкой именитых сановников и императора. Среди прочих инициатив были рассмотрены проекты Уставов о сибирских инородцах и о сибирских киргизах (казахах), ряд норм которого детализировал общие положения первого. В 1822 г. проекты М. М. Сперанского без существенных изменений были приняты I Сибирским комитетом и утверждены Александром I.

Направленный в том же году в Сибирский комитет проект Устава об оренбургских киргизах, составленный оренбургским губернатором П. К. Эссенем, подвергся серьезной критике, в том числе со стороны М. М. Сперанского, и принят не был⁶. Однако попытка максимально сблизить систему управления оренбургскими казаками с теми формами, какие учреждались Уставом о сибирских киргизах, также были признаны преждевременными⁷.

До принятия Устава о сибирских киргизах статус казахов и населенных ими территорий не был четко определен. С 1771 г. «верноподданными» стали именовать казахов, кочевавших во внутренних районах империи, кочевавших во внешних районах (позднее — округах) — «неверноподданными»⁸ или залинейными (по отношению к казахам сибирского ведомства)⁹, т. е. находившимися за укрепленными линиями, возведенными российскими властями по всему периметру соприкосновения с казаками. Причем в начале XIX в. плотность укреплений была весьма высокой и в сибирском ведомстве максимальное

⁴ *Сперанский М. М.* Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm>

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 322.

⁶ *Почакаев Р. Ю.* Антропология властной коммуникации в российской политике фронтальной модернизации казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в.: дисс. ... докт. истор. наук. Оренбург, 2020. С. 243–285.

⁷ *Быков А. Ю.* О ликвидации ханской власти у казахов Младшего жуза // *Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): Материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 г.* СПб., 2004. С. 98.

⁸ РГИА. Ф. 1264. Оп.1. Д. 319. Л. 18 об. – 19 об.

⁹ Или заяцкими/зауральскими (по отношению к казахам оренбургского ведомства).

расстояние между крепостями и редутами составляло не более 33 верст, а среднее — менее 22 верст¹⁰. Кроме того, даже в административной лексике того времени по отношению к казахам, кочевавшим за линиями, часто применялось понятие «заграничные», а сами линии многими царедворцами и представителями губернской администрации рассматривались в качестве границ. Причем их привязанность к источникам естественного водопользования — рекам и озерам — лишь усиливала это восприятие, поскольку межгосударственные границы также стремились учреждать с учетом естественных рубежей — рек, горных хребтов и т. п. Периодические нападения казахов на сибирские и уральские крепости, а также попытки ряда казахских владетелей принять наряду с российским подданство Цинской империи или среднеазиатских ханств (Хивы, Бухары или Коканда) усиливали имидж казахов в качестве «неверноподданных» подданных Российской империи.

Возникшая в тот период путаница оказала влияние и на современную трактовку явлений. Так, Д. В. Васильев полагает, что до реформ М. М. Сперанского «*Казахская территория не включалась официально в состав империи, продолжая считаться внешней для России*»¹¹. На наш взгляд, здесь к путанице с понятием границ добавилась еще неверная трактовка оценки принадлежности территорий. Земли, населенные казахами, несомненно, рассматривались властями Российской империи в качестве входящих в ее состав. Об этом свидетельствует как дипломатическая переписка и международные договоры того времени, так и переписка Сената, министерств и других государственных органов с властями окраинных губерний. Тот факт, что эти земли стали провозглашаться государственной собственностью с 1844 г. в отношении оренбургского ведомства и с 1868 г. — для всех населенных казахами административных единиц в составе Российской империи, не противоречит тому, что эти самые земли рассматривались Российской империей входящими в ее состав без такого статуса¹².

¹⁰ Быков А. Ю. К вопросу о формировании русско-казахского пограничья в XVI — начале XIX вв. // Материалы международной научно-практической конференции «Тридцать лет независимости: итоги и перспективы». Кокшетау, 2021. С. 27.

¹¹ Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М., 2015. С. 8.

¹² Быков А. Ю. Присоединение к России казахских жузов и вопрос о земельной собственности в Казахстане // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. II. Барнаул, 2000.

Положения Устава о сибирских киргизах лишь еще раз закрепили существовавший до этого порядок.

Путаница в понимании административных границ с казахами и межгосударственных границ вынудила еще первого члена-корреспондента Академии наук и оренбургского вице-губернатора П. И. Рычкова составить в середине XVIII в. специальную записку, в которой отмечалось, что *«Азиатской стороной называется степь, за расположенными по рекам Уралу, Ую и Тоболу линиею, а хотя и называют иногда сии ж самые места за границую, но не правильно: ибо полагая Киргизские орды в числе подданных народов не могут они называемы быть Заграничными»*¹³. И именно этот подход отражал официальную позицию российских властей. В XIX в. российское правительство дало оценку существовавшим в XVIII–XIX вв. линий и других способов разграничения с казахами, оценив их в качестве межей, т. е. границ особенных, но все же административных, внутренних, а не государственных, внешних¹⁴.

Как же решался этот вопрос в Уставе, подготовленном М. М. Сперанским?

В Уставе 1822 г. земли, населенные казахами, были включены в состав Омской области и разделены на внутренние и внешние округа. При этом последние совокупно именовались «страной сибирских киргизов» (§ 2), а население — «залинейными киргизами» (§ 4). Округа, лежавшие близ линий, именовались «близлинейными», не граничившие с российскими укреплениями и граничившие с землями, не входившими в состав Российской империи, и иностранными государствами — «пограничными» (§ 11). Сохранялось разделение территории на «внутреннюю» и «внешнюю» стороны, граница между которыми совпадала с сибирскими казачьими линиями (§§ 88, 92, 94). Особо подчеркивалось, что линии и в целом степи, населенные казахами, «не составляют действительной границы» (§ 202), т. е. все границы между округами — это границы внутренние, административные. Границы округов предполагалось проводить с учетом родовых кочевий казахов, что на практике соблюсти было проблематично и не соблюдалось.

Оглашенное правило занятия должности старшего султана представителем султанского сословия соблюдалось далеко не всегда, часто

¹³ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН). Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 14 об. — 15.

¹⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 424 об.

замещение султанами должностей в окружных и волостных учреждениях приводило к росту коррупции, что не нравилось населению и не устраивало российские власти¹⁵. В результате в середине XIX в. более 2/3 старших султанов представляли кара суек («черную кость»). В 1856 г. правило об обязательном занятии должностей султанов-правителей и старших султанов Чингизидами было отменено¹⁶.

Близилинейные внешние округа должны были иметь четко определенные границы, переход которых казахами мог осуществляться с разрешения местных властей (§ 9). Предполагалось, что число близилинейных округов должно возрастать по мере продвижения российских крепостей в глубь степи, а пограничных, наоборот, сокращаться, и они должны исчезнуть вовсе, когда все внешние границы (с другими государствами) пограничных округов будут защищены российскими крепостями, редутами, маяками, разъездами и караулами (§§ 80, 317–318). Все внешние границы демаркировались, казахам как российским подданным запрещалось покидать пределы Российской империи, т. е. пересекать границы внешних округов с иностранными государствами, но внутри Омской области гарантировалось право свободного перемещения, а в другие российские губернии — с разрешения властей на общих основаниях (§§ 13, 77–80, 269). Границы между округами лишь обозначались на картах, которые с 1820-х гг. стали активно использоваться представителями местной администрации, в том числе из казахов.

Разграничение предполагалось производить силами офицеров квартирмейстерской части (§§ 10, 266), а охрана границ должна осуществляться разъездами специальной пограничной стражи и казахами «*под наблюдением старшин*» (§§ 79, 310). Казаки, привлеченные к охране границ, обеспечивались казармами для стационарного проживания на период несения службы (§ 124 п. 4), срок которой Уставом не оговаривался, но обычно составлял 3–6 месяцев.

Существовавшее прежде право казахских владетелей направлять за счет казны депутатов напрямую к императорскому двору (что рассматривалось рядом исследователей аналогом дипломатических миссий) упразднилось. Теперь делегации от казахов вызывались царскими властями или могли быть направлены по согласованию с двором за счет самих казахских султанов и старшин (§§ 281–284).

¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 83. 1886 г. Л. 20 и др.

¹⁶ Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. С. 90.

Отдельно оговаривались вопросы русско-казахской и транзитной торговли. Признавалось право казахов осуществлять беспошлинную торговлю внутри степи и на линиях и направлять свои караваны за рубеж. Существовавшая прежде практика привлечения казахов к охране караванов при проходе через их земли за отдельную плату ликвидировалась. Иностранцы, приезжавшие в казахскую степь через внешние округа, должны были проходить таможенные процедуры на границе или на линии. И в последнем случае должны были прежде получать у старшего или волостного султана специальный документ, позволявший продвигаться до таможен на сибирских линиях. Караваны также могли воспользоваться правом прохождения досмотра в линейных «портах» (§§ 69, 84, 86, 89, 188–190, 192–194, 198–199, 203, 311). Российские купцы и представители других сословий для беспошлинной торговли в казахской степи тоже должны были получать специальные «пашпорты» на таможенных или у старших султанов (§§ 85, 89, 191, 204, 270).

За областным начальством сохранялось право решения вопросов по вооруженному отпору интервентам, решению вопросов внешне-торгового характера и ряд других. Вопрос изменения внешних границ также оставался в их компетенции, но должен был обязательно согласовываться с правительством (§§ 263–264, 266). Какое-то время областное начальство вообще подходило к этому вопросу весьма осторожно *«по неизвестности ... видов правительства в отношении пределов с владениями Средней Азии»*¹⁷.

Наконец, близлинейные волости, в которых еще не были введены новые правила, т. е. не были образованы приказы и другие учреждения, а также земли, населенные казахами Младшего жуза, рассматривались в качестве внешних, приравненных по статусу к приграничным округам (§§ 309, 315). Более того, граница с оренбургским ведомством (условно между землями, занимаемыми казахами Среднего и Младшего жузов) была демаркирована на местности: *«пределы киргизов, подведомственных Сибирскому и Оренбургскому пограничным управлениям, отделяются между собою границею ... по всей черте выставлены довольно большие пирамиды, сделанные из дерна камня и окопанные рвами»*¹⁸.

¹⁷ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 568. Л. 231 об.

¹⁸ Топографическое описание восточной части Киргизской степи Оренбургского ведомства, составленное корпуса топографов поручиком Яковлевым 2-м из полуинструментальной съемки и рекогносцировки, произведенной в 1851 и 1852 годах,

На казахов трех внутренних округов — Омского, Семипалатинского и Усть-Каменогорского — действие Устава о сибирских киргизах так и не было распространено. Они подчинялись положениям Устава о сибирских инородцах¹⁹.

В июле 1830 г. в Азиатский департамент МИДа от старших султанов Кокчетавского и Каркаралинского внешних округов поступили предложения о внесении изменений в Устав о сибирских киргизах. Предложения были признаны противоречащими интересам Российской империи. Та же судьба постигла проект нового Устава, предложенный новым генерал-губернатором Западной Сибири И. А. Вильяминовым²⁰.

Проведенные в начале 20-х гг. XIX в. М. М. Сперанским административные реформы имели целью оптимизировать управление краем и привели к кодификации системы управления коренными народами Сибири, в частности, казахами. Реформа коснулась вопросов административного и межгосударственного разграничения. В них, за исключением ряда новшеств по организации транзитной торговли, существенных изменений по сравнению с прежним курсом не произошло. Вместе с тем сведение всех нормативов в один устав позволило сделать политику российских властей более определенной и понятной местному казахскому населению и представителям соседних стран. В том числе были четко разграничены понятия внутренних (административных) и внешних (государственных) границ, уточнен режим их функционирования, порядок охраны и возможной корректировки.

с приложением некоторых сведений, собранных от киргизов кипчакского рода, зимующих в этой части Киргизской степи // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана, 2012. С. 209–210.

¹⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 127. Л. 81 об. — 82.

²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 9–24; 41–49.

Д. В. ВАСИЛЕЦ

**С. В. Рождественский
и образование Женского педагогического института
(по материалам РГИА)**

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы организации Женского педагогического института через призму восприятия одного из знаковых ученых-педагогов второй половины XIX века — Сергея Васильевича Рождественского: от проекта до непосредственного учреждения. Изучены документы личного фонда С. В. Рождественского (ф. 1037) с позиции историко-педагогического подхода, позволившего открыть новую плоскость дискуссии в рамках использования архивных документов. Отмечена важная роль западной (в частности, французской) модели построения образовательного учреждения высшего образования. Сделаны выводы о роли Женского педагогического института для дальнейшего развития педагогического образования России в целом и университета имени Герцена в частности.

Ключевые слова: Женский педагогический институт, С. В. Рождественский, историко-педагогический подход, европейское образование, педагогическое образование.

Вопрос женского высшего образования в Российской империи сохраняет свою актуальность в связи с высоким уровнем интереса к «женскому» и «гендерному» аспектам исторической науки, основы которых были заложены еще в прошлом веке¹. Очевидным направлением изучения данной проблематики выступает обращение к истории женских курсов, упоминания о которых можно встретить в историко-педагогических исследованиях и обзорах достаточно часто. Ключевая роль данных учебных заведений заключалась в ликвидации пробелов в женском среднем образовании. Работы, посвященные Женскому педагогическому институту, в основе которого лежат переработанные высшие курсы, встречаются намного реже, однако нельзя утверждать, что исследован он недостаточно подробно. Стоит отметить некоторые публикации, заслуживающие внимания в рамках дискурса: очерки²

¹ Пушкарева Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-i-gendernaya-istoriya-itogi-i-perspektivy-razvitiya-v-rossii> (дата обращения: 03.05.2022).

² Груздева Е. Н. Академическое интермеццо: Очерки истории Санкт-Петербургского Императорского Женского педагогического института. СПб., 2009.

и обширную диссертацию³ Е. Н. Груздевой, статьи А. Е. Сукновалова⁴ и С. А. Расчетиной⁵. Обращение к изучению явления Женского педагогического института происходит регулярно в рамках издания сборника «Вестник Герценовского университета», подобная практика осуществлялась и в 210-й юбилей.

Исследователи, желающие ознакомиться с историей Женского педагогического института, обращаются к документам фонда 918 Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) «Женский педагогический институт. Петроград. 1903–1918». Ключевые нюансы институционального характера можно отыскать именно в документах данного фонда, в том числе вызывающие интерес личные дела Б. Д. Грекова, П. Ф. Каптерева, Н. О. Лосского, С. Ф. Платонова, В. Ф. Шишмарева, Ю. М. Шокальского. Не менее важную роль для выстраивания контекста играют документы личного фонда Сергея Васильевича Рождественского, служившего в Женском педагогическом институте экстраординарным профессором с момента основания в 1903 г., а в 1916 г. уже его возглавившего. Данные документы хранятся в фонде 1037 Российского государственного исторического архива.

Дело 11 (датируемое 1905 годом, при условии учреждения института в 1903 году) содержит в себе проект положения о Высших женских курсах, в рамках которого достаточно подробно описаны их цели и задачи, разобрана учебная составляющая вопроса (с полным перечислением преподаваемых предметов), общая информация о личном составе и учащихся, выстраивается четкая иерархия с описанием каждой ступени внутри курсов, права и преимущества⁶. В деле можно также ознакомиться с положением о Женском педагогическом институте (которое носило временный характер, так как до этого учебное заведение существовало лишь в теории, требовалось подтвердить статус высшего учебного заведения), о преобразовании женских педа-

³ Груздева Е. Н. Санкт-Петербургский Женский педагогический институт. 1903–1918: Основание, структура, личный состав, деятельность: автореф. ... дис. кан. ист. наук. СПб, 2009. 192 с.

⁴ Сукновалов А. Е. Женский педагогический институт (1903–1917 гг.) (Из истории высшего педагогического образования в России) // XXI Герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1969. С. 35–37

⁵ Расчетина С. А. От Санкт-Петербургского императорского воспитательного дома к Российскому государственному педагогическому университету им. А. И. Герцена: история становления педагогического образования // Вестник Герценовского университета. 2007. № 5 (43). С. 8–17.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1037. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–12.

гогических курсов, состоящих при Санкт-Петербургских женских гимназиях⁷. Наибольший исследовательский интерес вызывает документ, неофициально озаглавленный «Справкой для комиссии о высших женских курсах», написанный от руки, авторство которого принадлежит, скорее всего, самому Сергею Васильевичу Рождественскому⁸. В данном документе дается очень краткая, но емкая характеристика положения женщин в рамках образовательной системы Франции средней и высшей ступеней. Автор периодически ссылается на закон 1880 года о «Lycées et collèges», который определял набор преподаваемых дисциплин, возраст воспитанниц, принцип отбора учительниц. Фундаментальное отличие от женского образования в Российской империи заключалось в том, что среднее образование во Франции было доступно для девушек 12–17 лет. Для подготовки педагогического состава была открыта Ecole normale Supérieure d'enseignement secondaire des jeunes filles à Sèvres, Высшая средняя школа для девочек. В нее принимали девушек не моложе 18 и не старше 24 лет. Можно предположить, что, в том числе опыт Франции лег в основу развития женского высшего образования в Российской империи, поскольку многие факторы имеют явное пересечение — изучаемые дисциплины, сопоставимый срок обучения (3 и 4 года), правила приема в учебные заведения, стремление к отделению женского образования от мужского. К документу приложена статистика расходов на учебные заведения ведомства императрицы Марии.

Дело 12 посвящено вопросам организации и функционирования Конференции Женского педагогического института, в задачи которой входило обсуждение любых вопросов, затрагивавших административное управление или учебный процесс. В документах, помимо непосредственно проекта, содержатся предложения от слушательниц заседаний комиссии, четырех представителей самой комиссии касательно некоторых изменений учебного плана и процесса управления⁹. Также можно найти некоторые пометки Рождественского, однако исследовательского интереса они не вызывают, так как носят чисто декоративный характер.

Ввиду того факта, что фонд является личным, проследить полную историю развития учреждения не представляется возможным. Так, например, дело 13 датируется уже 1911 годом, когда начал активно

⁷ РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 11. Л. 17–25 об., 42–75.

⁸ Там же. Л. 14–16.

⁹ РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–1 об., 4–8.

подниматься вопрос о расширении института как в плане штата и площади (присутствуют письма различных лиц, включая, письмо князя Константина Константиновича императору¹⁰), так и преподаваемых дисциплин. Из дела мы узнаем о делении института уже на три отделения: педагогическое, историко-словесное и физико-математическое, причем учебные таблицы и штаты подвергнуты многочисленным правкам, как правило, в меньшую сторону¹¹. Связано это с тем, что за семилетнюю историю существования института опытным путем была определена оптимальная нагрузка, количество учебных часов, действительно необходимых для комфортного изучения программы. Отсюда прямо вытекают цифры жалования штата института, включая административную его часть. При этом выделяются дополнительные средства на расширение площади здания, встает вопрос о постройке нового корпуса¹², что указывает на высокую результативность учреждения и заинтересованность в его дальнейшем росте. Поднимается вопрос о новом Положении института, что мы можем узнать из писем к Сергею Федоровичу Платонову, директору¹³. После внесения многочисленных правок и в соответствии со всеми бюрократическими нормами, в 1911 г. был сформулирован проект нового Положения¹⁴, а также изменены правила учебных испытаний (включая выпускные). Тем не менее, они должны были пройти обсуждение в рамках комиссий, членом одной из которых стал Сергей Васильевич Рождественский. Его личные правки можно встретить на листах 115–120, 140–143, 155–157 об.¹⁵ В основном, они касаются вопросов управления институтом, распределения должностных полномочий, в то время как набор преподаваемых дисциплин, распределение подразделений и внутренняя иерархия между отдельными управленческими единицами остались практически без изменений. Можно сделать вывод о том, что как раз именно административная часть Положения интересовала Рождественского больше всего, а учебная справлялась со своими задачами если не блестяще, то весьма уверенно. Подверглись исправлениям и сравнительные ведомости расходов по штатам института, причем, опять же, в меньшую сторону¹⁶.

¹⁰ РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 13. Л. 31–31 об.

¹¹ Там же. Л. 7–11.

¹² Там же. Л. 32.

¹³ Там же. Л. 36–38.

¹⁴ Там же. Л. 48–60.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 13. Л. 140–141 об.

Мы также наблюдаем изменения по отделениям: педагогическое ответвление прекратило свое существование, дисциплины, очевидно, были распределены между двумя оставшимися направлениями: историко-словесное и физико-математическое. К сожалению, в деле не представлены конкретные учебные программы, поэтому утверждать это мы можем с сомнением. В конце концов, 6 мая 1912 года новое Положение о Женском педагогическом институте увидело свет и стало новой опорой образовательного процесса.

Дело 14 никак не затрагивает деятельность Рождественского, однако некоторые документы могут показаться любопытными. Так, новая форма проведения групповых практических занятий — семинар — получила достаточно высокую оценку в плане эффективности, поэтому предполагается полностью перевести групповую работу в новый формат¹⁷. Остальные два документа сообщают нам информацию о назначении стипендий лучшим студенткам, а также выделении дополнительных средств в жалование педагогам Казанской гимназии, находящейся в ведомстве Женского педагогического института.

Следующее дело, напрямую касающееся истории института — дело 16. Оно посвящено финальным страницам учреждения — передаче ведомству Министерства народного просвещения в 1917 году. Стоит отметить, что годом ранее Сергей Васильевич Рождественский был назначен директором учебного заведения. С одной стороны, институт приобрел широкую автономию, с другой стороны, данная автономия пришла вместе с кардинальными изменениями в кадровом составе, новом распределении должностных полномочий и новых правил субсидирования¹⁸. К сожалению, это последнее дело из фонда 1037, описывающее историю Женского педагогического института, уникального для Российской империи учебного заведения, не имевшего аналогов по уровню подготовки выпускниц, впоследствии послужившего основой для организации педагогического университета имени А. И. Герцена.

¹⁷ РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 13. Д. 14. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. Д. 16. Л. 1–3 об.

А. Н. ГРЕБЕНКИН

Создание Охранной агентуры Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге и ее организационное развитие в 1880-е гг.

Аннотация: В статье дана характеристика обстоятельств создания Охранной агентуры Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге и прослежено ее организационное развитие в 1880-е гг. Рассмотрены меры по повышению эффективности деятельности агентуры, предложенные петербургским градоначальником П. А. Грессером и начальником Охранного отделения П. В. Секеринским, и выявлены обстоятельства, помешавшие их реализации.

Ключевые слова: Российская империя, институт государственной охраны, охрана Александра III, Охранная агентура, Охранное отделение.

В декабре 1882 г. в целях обеспечения охраны императора и членов его семьи во время поездок по улицам столицы при Отделении для производства дел по охране общественного порядка и спокойствия была создана Охранная агентура. Ее первым заведующим стал полковник А. К. Ильинский. Как указывает П. А. Казанцев, около 80 % личного состава было набрано из расформированной в том же году Санкт-Петербургской добровольной охраны Его императорского величества, а оставшиеся вакансии были заполнены филерами Охранного отделения и околоточными надзирателями столичной полиции¹. План охранных мероприятий и краткая инструкция для службы в Охранной агентуре были составлены Ильинским совместно с обер-полицеймейстером П. А. Грессером и инспектором секретной полиции Г. П. Судейкиным. Положение об Охранной агентуре было утверждено заведующим полицией и командиром Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенантом П. В. Оржевским год спустя, 20 декабря 1883 г. В соответствии с ним, Охранная агентура отвечала за безопасность проездов по Санкт-Петербургу не только императора и императрицы, но и наследника цесаревича. Таким образом, формально не входя в состав созданной в 1881 г. Охраны Его императорского величества, Охранная агентура фактически являлась ее компонентом.

¹ Казанцев П. А. Обеспечение безопасности императора, членов императорской фамилии и высших должностных лиц Российской империи в 1881–1917 гг.: институциональный аспект: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 91.

Изначально комплект Охранной агентуры был определен в 221 человек. Агенты подразделялись на постовых, ответственных за безопасность проезда по вверенному им участку маршрута, и местных, следивших за порядком на прилегающей территории. 110 постовых агентов несли службу на 55 двухсменных дневных постах, расположенных на маршрутах, по которым обычно ездил император («от Аничкова дворца по Невскому пр. в Зимний дворец или по Караванной ул., набережной Фонтанки (липовая аллея), по Лебяжьему шоссе и Дворцовой набережной до Сената и Сенатский пр. мимо Исаакиевского собора до Большой Морской ул. и по Большой Морской ул. до Невского пр.»²), 16 — на 4 четырехсменных круглосуточных постах по углам Аничкова дворца, а 50 находились в резерве (в том числе на случай отклонения от маршрута). Подозрительных лиц следовало прослеживать по цепочке от поста к посту до места их жительства, а затем особые дежурные агенты должны были удостоверить личность этих людей и выяснить, не принадлежат ли они к числу политически неблагонадежных. Если нужно было задержать кого-либо, агенты прибегали к содействию дворников и чинов наружной полиции.

Обязанности местных агентов исполняли 45 человек, избранные из числа наиболее грамотных и развитых сотрудников. Они должны были жить в пределах порученных им районов и наблюдать за жильцами и посетителями расположенных на участке меблированных комнат и домов. Агентам вменялось в обязанность «знать семейное положение, образ жизни, род занятий, материальные условия всех живущих в доме, а равно и всех знакомых каждого жильца и при малейшем сомнении в какой-либо личности немедленно докладывать заведующему Охранной агентурой»³. Особое внимание агенты должны были обращать на лиц, живших в подвальных этажах, занимавших лицевые квартиры, являвшихся собственниками торговых и промышленных помещений.

Практика показала, что изначально определенное количество агентов было недостаточным для решения всех задач, стоявших перед Охранной агентурой. Поэтому П. А. Грессер ходатайствовал перед директором Департамента полиции Министерства внутренних дел В. К. Плеве о расширении Охранной агентуры до 250 человек. В течение 1883 г., когда император находился в столице, личный состав Охранной

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 100 (3-е делопр-во, 1902 г.). Д. 2508. Л. 32.

³ Там же. Оп. 318 (3-е делопр-во, 1881–1912 гг.). Д. 1131 (1883 г.). Л. 124.

агентуры составлял 237 человек (в том числе 227 агентов-охранников и 10 прикомандированных околоточных надзирателей Санкт-Петербургской городской полиции), а с учетом временно прикомандированных доходил до 255 человек. Однако в дальнейшем число агентов не росло, а уменьшалось. В декабре 1883 г. в состав Охранной агентуры входили 9 околоточных надзирателей и 193 агента. В следующем году, когда высочайший двор переместился в Гатчину, 100 человек были уволены, а после возвращения Александра III в столицу пришлось вновь искать людей для несения постовой службы. Аналогичный процесс сокращения и набора имел место быть и в 1885 г.

П. А. Грессер, ставший в июне 1883 г. петербургским градоначальником, полагал, что деятельность Охранной агентуры полностью оправдывала расходуемые на нее средства. В записке, составленной 2 октября 1886 г., он отмечал: «При сложности возлагаемых на агентов поручений, при неуловимых случайностях, от которых зависит успешность исполнений, трудно указать в отдельности на целесообразность тех или других мер, принимаемых Охранной агентурой в видах достижения основной цели — охранения безопасности Высочайших проездов, но в общем Охранная агентура до сих пор немало послужила делу общественного спокойствия»⁴. Однако вышестоящее руководство не разделяло его точку зрения. По мнению товарища министра внутренних дел, заведующего полицией П. В. Оржевского, эффективность работы Охранной агентуры напрямую зависела от ее взаимодействия с Отделением для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия, по отношению к которому она выступала «лишь одним из средств или орудий для достижения основной цели его — предупреждения и пресечения государственных преступлений»⁵. Между тем агентура действовала совершенно автономно от отделения, не принимая во внимание стоявшие перед последним задачи. Вина за это лежала на П. А. Грессере, который самовольно подчинил Охранную агентуру непосредственно себе, в обход начальника Отделения. Последний был вынужден довольствоваться предоставлением в его распоряжение нескольких десятков местных и резервных агентов, причем лишь во время отсутствия императора в столице. Порочность подобного подхода в полной мере обнаружилась сначала при задержании революционера С. Иванова в меблированных комнатах на Владимирской улице, а затем

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 318 (3-е делопр-во, 1881–1912 гг.). Д. 1131 (1883 г.). Л. 39 об. – 40.

⁵ Там же. Л. 56.

— в конце февраля 1887 г., во время подготовки «Террористической фракции» движения «Народная воля» во главе с А. И. Ульяновым к покушению на Александра III. Деятельность «вторых первоапрельцев» стала доказательством полной несостоятельности Охранной агентуры — террористы три дня подряд выходили на улицы Санкт-Петербурга и поджидали императора в течение нескольких часов, но не были замечены ни одним из постовых агентов.

Оржевский неоднократно обращал внимание своих подчиненных на то, что «агентура составляет не отдельный секретный полицейский орган в прямом ведении градоначальника, а лишь вспомогательную часть Секретного отделения (так неофициально именовалось Отделение для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия. — А. Г.)⁶. В сентябре 1886 г. он потребовал как от градоначальника, так и от начальника Секретного отделения надлежащих объяснений. П. А. Грессер не смог привести конкретных фактов, подтверждавших эффективную работу Охранной агентуры, однако отметил, что он благодаря агентам-охранникам «имел до сих пор каждый раз во время Высочайших поездок нравственную уверенность в их полной безопасности»⁷. Исправлявший должность начальника Отделения подполковник П. В. Секеринский, в свою очередь, доложил, что когда в июне 1885 г. он приступил к исполнению своих обязанностей, то, вопреки официальным документам, застал Охранную агентуру в виде особого самостоятельного учреждения. Алфавитный список лиц, которые были замечены в общении с поднадзорными, находился в беспорядке и пополнялся нерегулярно. Агенты, которые в свободное от постовой службы время должны были наблюдать за поднадзорными лицами, делали это неумело и тем самым приносили только вред, «возбуждая нежелательные в этом случае нарекания и огласку»⁸. Подобная ситуация сохранялась и на момент дачи объяснения. Постовые агенты Охранной агентуры регулярно исполняли свои обязанности лишь во время высочайших поездок, а все остальное время (около 9 месяцев в году) фактически бездействовали. Работа местных агентов не могла быть признана удовлетворительной. Сведения о лицах, прибывавших в столицу и выбывавших из нее, составлялись небрежно, с боль-

⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 318 (3-е делопр-во, 1881–1912 гг.). Д. 1131 (1883 г.). Л. 3 об. — 4.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 56 об.

шим количеством ошибок. Проверка показывала, что 75 % переданной информации не соответствовало действительности.

Поскольку сложившаяся ситуация противоречила законодательству, Секеринский настаивал на том, чтобы привести управление агентурой в соответствие с существующими документами и предоставить ему возможность выбирать агентов охранников, «иметь сведения о каждом шаге этих агентов, направлять и руководить их деятельностью»⁹. По мнению начальника Отделения, это можно было сделать путем включения заведующего Охранной агентурой и его помощника в состав Отделения и, следовательно, непосредственного подчинения их ему. Кроме того, выведение Охранной агентуры из подчинения Отделению могло привести к конфликтам между ними, которые, безусловно, были бы вредны для организации охраны. Оржевский, согласившись с Секеринским, ходатайствовал перед министром внутренних дел графом Д. А. Толстым о том, чтобы привести ее в соответствие с «Положением об охранной агентуре», подчинив Охранную агентуру начальнику Отделения для производства дел по охране общественного порядка и спокойствия.

П. В. Секеринский, заручившись поддержкой П. В. Оржевского, начал перестройку деятельности Охранной агентуры. Он исходил из того, что «Охранная агентура может достичь своей задачи только в том разе, если в состоянии будет своими наличными силами не оставить незамеченными злоумышленников на путях следования Государя Императора»¹⁰. Для этого требовалось ознакомить охранников со всеми подозрительными лицами, находившимися под наблюдением секретной агентуры. Кроме того, агентам-охранникам следовало знать характер, внешность и манеры таких людей настолько, чтобы при исполнении своих обязанностей сразу обращать на них внимание. Товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, дал согласие на прикомандирование нескольких агентов-охранников к Отделению «в видах приготовления... к более осмысленной службе и к серьезному отношению к лежащим на них обязанностям»¹¹. Градоначальник П. А. Грессер поначалу разрешил прикомандировать 20 агентов. Постепенно их число увеличивалось и к концу 1885 г. достигло 85. Секеринский, дав агентам необходимые разъяснения, начал знакомить их

⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 318 (3-е делопр-во, 1881–1912 гг.). Д. 1131 (1883 г.). Л. 61 об.

¹⁰ Там же. Л. 77.

¹¹ Там же. Л. 57 об.

с практической стороны розыскной службы. При помощи филеров агенты должны были следить за известными Отделению участниками революционного движения с тем, чтобы впоследствии иметь их в виду при участии в охранных мероприятиях. Параллельно осуществлялось изучение приемов и методов агентурно-розыскной деятельности. В результате обучения был создан особый резервный кадр агентов, которые были тщательно проверены и прекрасно подготовлены к исполнению своих обязанностей. Недостаток прошедших подготовку агентов компенсировался назначением на охранные посты наблюдательных агентов Отделения. Резервные агенты не только являлись источником, из которого пополнялась убыль постовых агентов, но и выставлялись на посты при усилении охраны во время возвращения императора во дворец, а также при его выездах за пределы района постоянной охраны. Запас подготовленных агентов был необходим и потому, что Александр III часто приказывал менять маршрут движения, и приходилось охранять несколько трасс одновременно.

Чтобы установить четкий контроль за лицами, прибывающими в Санкт-Петербург, начальник Отделения для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия составил особый доклад на имя градоначальника. Результатом стало распоряжение о том, чтобы местные агенты тщательнее относились к своей обязанности по доставке в Отделение регистрационных листков. Алфавит на людей, поддерживавших отношения с поднадзорными, был приведен в порядок. В него заносились как данные о контактных лицах, так и сведения об их образе жизни и круге общения.

Однако описанные выше меры не удалось реализовать в полном объеме. В 1887 г. из-за финансовых затруднений на нужды Охранной агентуры вместо 120 000 руб. было ассигновано всего лишь 90 000 руб. Вследствие этого количество агентов было сокращено до 150, а размер их жалованья существенно урезан. Ухудшение финансирования негативно отразилось на деятельности агентуры, «так как стражники, видя свое непрочное положение и недостаточное содержание, стали лучшие люди приискивать себе другой род службы более обеспечивающий их положение... и таким образом охрана лишилась много хороших и полезных стражников»¹². Число постов уменьшилось (в частности, была снята охрана Аничкова дворца), работа местных агентов фактически прекратилась.

¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 100 (3-е делопр-во, 1902 г.). Д. 2508. Л. 38.

Таким образом, в 1880-е гг. Охранную агентуру не удалось превратить в полноценный компонент системы императорской охраны, соответствовавший своему предназначению. Напротив, она оказалась в состоянии упадка, в котором пребывала до начала XX в. Причины этого заключались как в хронической нехватке средств (в 1885–1901 гг. размер ежегодных ассигнований на нужды агентуры оставался неизменным, составляя 120 000 руб.), так и в бездеятельности непосредственного руководителя Охранной агентуры полковника А. К. Ильинского, оставшегося на своей должности в течение 20 лет. В 1890-е гг. деятельность местных агентов так и не была возобновлена, а налаживанию полноценной постовой службы мешали нехватка сотрудников, несоответствие территории, закрепленной за некоторыми постами, возможностям постовых, и постепенное расширение района постоянной охраны. В 1903 г. Охранная агентура была сосредоточена на постовой работе и стала называться Охранной командой. К концу 1905 г. численность стражников была увеличена до 250 человек¹³. Лучшие сотрудники Охранной команды в январе 1906 г. были переданы в подчинение дворцового коменданта и составили основу Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту.

¹³ Колоколов Б. Г. Жандарм с царем в голове. М., 2009. С. 156.

А. А. ЕФИМОВ

**Благоустройство комплекса Феодоровского собора
как пример взаимодействия
общественной организации и Дворцового управления**

Аннотация: Статья посвящена одному из аспектов истории создания комплекса Феодоровского собора и Феодоровского городка в Царском Селе. Выделяются и рассматриваются проблемы коммунального хозяйства и благоустройства, по которым велось взаимодействие между строительным комитетом и Царскосельским дворцовым управлением.

Ключевые слова: Министерство императорского двора, благоустройство, Царское Село, Феодоровский городок, Царскосельское дворцовое управление.

Строительство комплекса Феодоровского государева собора и Феодоровского городка (комплекса домов для причта собора) стало одним из последних крупных градостроительных проектов, реализованных с участием Министерства императорского двора в Царском Селе.

Дворцовые города Царское Село, Гатчина и Петергоф являлись основными летними резиденциями российских императоров, что в значительной степени обуславливало характер их территориального и социально-экономического развития: они находились вне общей системы государственного и местного управления, и подавляющее большинство вопросов их администрирования разрешалось чиновниками Министерства императорского двора (МИДв). Непосредственное руководство дворцовыми городами велось местными дворцовыми управлениями, которые ведали загородными резиденциями с принадлежавшими к ним оранжереями, садами и парками, благотворительными заведениями, полицией и всем городским хозяйством.

Истории Феодоровского собора и Феодоровского городка посвящены различные исследования искусствоведческого и культурологического характера, в том числе рассматривающие отдельные организационные вопросы создания этого ансамбля¹. Из последних вышедших

¹ Васильев В. В. Государев собор. СПб., 2011. 31 с.; Рубанова И. А. Феодоровский Государев собор в Царском Селе // Седьмые открытые слушания Института Петербурга. СПб., 2000. С. 62–67; Кириченко Е. И. Царское Село в начале XX века как выражение идеала народной монархии Николая II // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы. СПб., 1999. Вып. 5. С. 227–252; Крашенинников А. Ф. Попытка создания национального ансамбля в Царском Селе //

публикаций можно назвать статьи Л. В. Гавриловой, которая изучила архитектурные особенности ансамбля Феодоровского городка и его живописное убранство²; А. И. Томиловой, которая исследовала его как центр культуры³. Также были изданы некоторые документы и материалы, освещающие отдельные аспекты создания этого ансамбля⁴. Цель данной статьи — осветить процесс взаимодействия между вовлеченными в создание комплекса Феодоровского собора организациями на основе хранящихся в Российском государственном историческом архиве, в фонде № 489 «Феодоровский собор в Царском селе»⁵, материалов заседаний комитета, руководившего строительством.

Для управления работами по возведению Феодоровского собора и Феодоровского городка были сформированы специальные комитеты (последовательно для возведения собора и для создания городка), являвшиеся не официальными учреждениями, а общественными объединениями. Так, основные вопросы строительства храма (организационные, технические, экономические) разрешались на уровне Строительного комитета по сооружению церкви для Собственного его императорского величества (е. и. в.) конвоя и Собственного е. и. в. Сводного пехотного полка как общественной организованной группы без привлечения чиновников Царскосельского Дворцового управления, других учреждений МИДв или обращения к иным ведомствам. Комитет на своих заседаниях рассматривал проекты церкви, согласовывал условия контракта с архитектором А. Н. Померанцевым, заключение договоров с подрядчиками, разрешал возникавшие текущие проблемы, представлял доклады императору по отдельным вопросам

Павловские чтения. Сборник материалов научных конференций 1996–1997 гг. СПб., 1998. С. 164–169; *Мощенникова М. А., Корнилова Н. А.* Царское Село: исторический очерк градостроительного развития (XVIII – начала XX века) // Дворцовый город Царское Село. СПб., 2009. С. 5–94; *Русский городок Царского Села. Китеж XX века.* СПб., 2011. 191 с.

² *Гаврилова Л. В.* Росписи Феодоровского городка в Царском Селе. Об одной странице творческой биографии Георгия Павловича Пашкова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2015. № 1. С. 119–137.

³ *Томилова А. И.* Феодоровский городок в Царском Селе — центр духовной и художественной культуры // Духовные смыслы национальной культуры России: ретроспекция, современность, перспективы. Сборник по материалам Международной научной конференции 27–28 ноября 2019 г. М., 2020. С. 764–772.

⁴ Общество возрождения художественной Руси и Феодоровский городок Царского Села: сборник документов и материалов. СПб., 2013. 543 с.

⁵ Заголовок фонда на обложке описи. Точное название фонда: «Феодоровский государев собор для Собственных е. и. в. конвоя и сводного пехотного полка (1909–1917)».

строительства. Однако в ряде случаев Комитет был вынужден или вовсе обязан вступать во взаимодействие с представителями Царскосельского дворцового управления как одного из подразделений МИДв.

В конце XIX века уже активно развивались системы городских коммуникаций, и строившиеся новые объекты вполне закономерно предполагалось подключать к этим сетям. Царское Село и Феодоровский собор не были исключением, и в данном случае от Строительного комитета требовалось взаимодействовать с руководившим всеми вопросами городского развития Дворцовым управлением. Поэтому на своих заседаниях, когда вставал соответствующий вопрос, Комитет регулярно принимал решение обратиться в Управление для подготовки и представления проектно-сметной документации.

Первым из благ цивилизации, которым приняли решение воспользоваться для возводимого храма, стал водопровод. При этом инициатива первоначально исходила от руководившего работами архитектора В. А. Покровского, предложившего в начале сентября 1910 г. провести трубы на строительную площадку. Строительный комитет, приняв эту инициативу, указал, что водопровод необходимо сделать таким образом, чтобы его можно было использовать в будущем для самой церкви, а не только для нужд строительства, и предложил зодчему связаться с техником Царскосельского дворцового управления. Последний, насколько позволяют судить документы, смог подготовить проект будущего водопровода лишь в апреле следующего 1911 г., представив его вместе со сметой на 2 045 руб. на рассмотрение Строительного комитета. При этом возникла необходимость в разъяснении порядка трассировки водопровода, который предлагали отвести от магистрали, проходившей около приемного покоя Собственного е. и. в. конвоя (вдоль современного Академического проспекта). По получении соответствующего письма от начальника Царскосельского дворцового управления было решено, приняв сделанное предложение, внести запрошенную сумму и просить о проведении водопровода согласно представленным плану и смете⁶.

Следующим шагом стало присоединение будущего Феодоровского собора к городским электрическим сетям. 9 февраля 1912 г. Строительный комитет после обсуждения этого вопроса принял решение обратиться к Царскосельскому дворцовому управлению с целью узнать стоимость прокладки кабеля и установки трансформатора для примерно

⁶ РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 85. Л. 66 об., 79 об.

600 ламп накаливания и двух электрических вентиляторов. На сей раз с проектированием не затягивали, и уже через два месяца, к 3 апреля 1912 г. была получена смета на сумму 1 230 руб., предусматривавшая как прокладку кабеля и монтаж трансформатора, так и установку счетчика. После рассмотрения на заседании комитета она была принята, а в Дворцовое управление обратились с просьбой как можно быстрее осуществить работы⁷.

Логичным следствием проведения к церкви водопровода стала идея о необходимости включения храма в общегородскую систему канализации. Вопрос об этом был поставлен председателем Строительного комитета генерал-майором В. А. Комаровым на заседании 21 июня 1912 г. Решение обратиться для реализации этого предложения в Царскосельское дворцовое управление было принято тотчас же «для общего санитарного благоустройства». Смета на эти работы стоимостью 835 руб. 6 коп. поступила в комитет 12 июля и уже на следующий день была согласована, указанную сумму полагалось внести немедленно, дабы сразу начать обустройство системы водоотведения⁸.

Таким образом, к моменту окончания строительства храм уже был обеспечен всеми доступными на тот момент коммуникациями. При этом завершение основных строительных работ отнюдь не было концом деятельности комитета, перед которым встал вопрос благоустройства прилегающей территории.

В первую очередь по инициативе члена строительного комитета капитана Д. Н. Ломана на заседании 18 сентября 1912 г. была озвучена идея о посадке деревьев вдоль дороги от Офицерского собрания Собственного е. и. в. конвоя к храму. Для ее реализации подали отношение начальнику Царскосельского дворцового управления, прося сделать древонасаждение по обеим сторонам дороги, а поскольку храм строился по инициативе и в значительной мере на средства императорской четы, предполагалось «ходатайствовать через председателя Комитета перед Их Императорскими Величествами о Высочайшей милости присутствовать» и «соблаговолить принять личное участие в посадке деревьев»⁹. Эта вроде бы простая идея вызвала формирование целого специального комитета, в члены которого в начале октября предложили войти начальнику Царскосельского двор-

⁷ РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 85. Л. 99, 113.

⁸ Там же. Л. 120 об., 121 об., 125, 126 об.

⁹ Там же. Л. 142 об.

цового управления князю М. С. Путятину. Одновременно с этим предложением обратились также по вопросу обустройства уличного освещения на дороге от Кузьминской улицы к церкви¹⁰.

Отдельного внимания требовало и поддержание проведенного благоустройства в подобающем виде, что подразумевало уборку прилегающей территории, в первую очередь, дороги. Этот вопрос был поднят Строительным комитетом на заседании 21 октября 1912 г., и было решено вновь обратиться к главе Царскосельского дворцового управления с просьбой распорядиться об уборке ведущей к храму дороги силами рабочих управления¹¹.

Особняком стоял вопрос о пожарной безопасности построек. При этом, помимо средств пожаротушения, в условиях развития противопожарной службы важным было и обеспечение здания системой сигнализации о возгорании. Член Строительного комитета капитан Д. Н. Ломан поднял этот вопрос в своем заявлении от 12 октября 1912 г., предложив «поставить в церкви пожарный сигнал». Это обращение было рассмотрено на заседании 15 октября, когда было признано необходимым установить эту систему, обратившись с соответствующим запросом к полицмейстеру Царского Села. Одновременно было решено проверить исправность пожарных колодцев, чтобы прибывшие огнеборцы имели возможность оперативно устранить возгорание. Однако после получения уведомления полицмейстера Царского Села о стоимости работ и необходимости монтажа столбов для проведения проводов к сигнализации благое начинание по обеспечению храма средством информирования о возгорании было на заседании 7 ноября 1912 г. отложено до весны 1913 г.¹²

Не всегда комитет был готов к финансовым тратам на обеспечение храма, и в случае, когда можно было воспользоваться легальным способом не платить, обращался к нему. Так, например, по получении от начальника Царскосельской телефонной станции 16 ноября 1912 г. письма с просьбой оплатить телефонную связь, было принято решение ходатайствовать об установке в храме аппарата, обслуживаемого Дворцовой станцией¹³. Соответственно, после оплаты комитетом счета за уже

¹⁰ РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 85. Л. 140 об., 148, 149.

¹¹ Там же. Л. 153 об., 154.

¹² Там же. Л. 150 об., 151, 155, 157.

¹³ Там же. Л. 158, 161.

произведенное обслуживание, предполагалось перейти к бесплатной телефонной связи.

Таким образом, действовавший как общественная организация Строительный комитет при взаимодействии с чиновниками и государственными структурами старался соблюсти интересы экономии выделенных на строительство и обеспечение Феодоровского собора средств. Вопросы, требовавшие решения местного Царскосельского дворцового управления, регулировались прямыми обращениями без посредников. Взаимодействие комитета и дворцового управления было, по сути, шаблонным: запрос о подготовке проекта и сметы, представление документации, оплата с просьбой о скорейшем производстве работ. Эффективность всех обращений различалась в зависимости от позиции адресатов. В большинстве случаев чиновники шли навстречу нуждам Комитета, предоставляя льготы или оказывая организационную помощь.

Л. Т. ЖАЙБАЛИЕВА, М. А. ВИЛКОВА

Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью

Аннотация: В статье анализируется деятельность М. М. Сперанского и его роль в преобразовании Сибири. Рассматриваются реформы в области управления. Особое внимание уделяется серии подготовленных реформатором законодательных актов, определяющих новое административное устройство края. Подтверждена важность принятых мер, направленных на то, чтобы в экономическом, социальном и культурном развитии Сибирь приблизилась к уровню европейской России.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, реформы, управление, Сибирь, регион.

Сегодня роль личности в истории имеет особое значение. Изучение деятельности великих реформаторов помогает не только провести анализ исторических процессов с новой стороны, но и выявить объективную характеристику событий, на которые изучаемая личность повлияла.

Михаил Михайлович Сперанский — выдающийся деятель, успешно продвигавшийся по карьерной лестнице благодаря своему таланту. Реформатор оставил неизгладимый след в судьбе российского государства, был связан с тремя российскими императорами и лично знаком с Наполеоном. Сперанский являлся важным государственным деятелем и совершил множество полезных преобразований, что подтверждает факт его значимости вплоть до конца своих дней.

Свою карьеру Михаил Михайлович сделал сам, опираясь лишь на свою тягу к знаниям. Так, начав с обучения в епархиальной семинарии во Владимире, он закончил свою жизнь с титулом графа, пройдя все необходимые ступени карьерного роста.

Михаил Михайлович являлся преподавателем философии, математики и естественных наук, выполнял обязанности генерал-прокурора и титулярного советника, получил чины коллежского асессора, надворного советника, коллежского советника, статского советника, действительного тайного советника. Был назначен герольдом святого ордена Андрея Первозванного, работал статс-секретарем и управляющим экспедицией гражданских и духовных дел в канцелярии, а также являлся ближайшим сподвижником императора Александра I.

Сперанский получал не только повышения и новые должности. В период деятельности реформатора вокруг императора Александра I был образован круг оппонентов, которым не нравились либеральные взгляды «второй

руки» монарха. Михаил Михайлович отправляется в ссылку в Пермь, а затем назначается губернатором в Пензу.

За недолгий срок управления Пензенской губернией местные жители искренне полюбили своего нового главу, что вновь подчеркивает желание Сперанского помочь населению, его ответственность и гениальность. На любой должности этот деятель находил себе применение и старался улучшить положение окружающих его людей.

В 1819 году М. М. Сперанский назначается генерал-губернатором Сибири. Для этого были свои причины: территориально обширная и богатая полезными ископаемыми территория была практически неподвластна царской власти, а значит, были необходимы срочные изменения в ее управлении. Великий реформатор Сперанский идеально подходил на такую сложную должность с огромной ответственностью.

Реформатор получил широкие полномочия, далеко выходящие за рамки обычного генерал-губернаторского статуса. Имел право проведения следствия; отстранения от службы и предания суду любого должностного лица, виновного в злоупотреблениях; определения мер, необходимых для наведения должного порядка¹.

Расширение его обязанностей было необходимо. Во многом это вызвано постоянными жалобами сибирского населения на деятельность местных властей². Их генерал-губернатор, участник движения декабристов П. И. Пестель управлял этой огромной территорией из Петербурга, что ограничивало его возможности вмешиваться в дела края.

Такое положение в управлении Сибирью стало возможным и ввиду сильной отдаленности данной территории от столицы государства, а значит от должного контроля. Поэтому чрезвычайное положение территории вынуждало Сперанского в сжатые сроки разработать проекты реформ. Об этом свидетельствуют материалы фондов Комитета министров, Государственного совета, I и II Сибирских комитетов, министерств, управлений в Российском государственном историческом архиве. Это сведения о реформаторской политике Александра I в отношении Сибири и порядок введения в действие «Учреждения для управления Сибирских губерний»³. Объективную необходимость проведенных М. М. Сперанским реформ подтверждают дела о ходе управленческой реформы в Сибири⁴. Важные

¹ Матюхин А. В. М. М. Сперанский: у истоков российского либерализма // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 1. С. 56.

² Гергулев Д. Н. Ревизия Сперанского в Сибири // Новая университетская жизнь. 2012. № 12 (113). С. 10.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–21.

⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 19. Л. 8–13, 29–31.

сведения содержатся в картах Западной Сибири и Оренбургской губернии⁵. Эти сведения позволяют лучше понять административно-территориальное устройство Зауралья до и после реформ.

За два года пребывания в должности генерал-губернатора, М. М. Сперанский тщательно изучил положение населения, собрал необходимую информацию для поиска решения основных проблем. Реформатором составлен подробный план улучшения положения Сибири во всех направлениях, включая административные реформы и проекты указов императоров. Более того, важность проекта им была доказана на императорском уровне.

Для выявления всех вопросов жизни сибирского народа новым генерал-губернатором учреждены следственные комиссии в ключевых городах региона: Иркутске, Якутске и Нижнеудинске. Владея расширенными полномочиями, под его руководством проведены судебные слушания, в результате которых часть местных чиновников была наказана⁶. Остальные изменения были подробно описаны и решались М. М. Сперанским уже из столицы.

Для принятия комплекса мер по улучшению обстановки Сибири, Сперанскому пригодился опыт работы в Пензенской губернии с учетом важности стратегического и экономического значения данного региона. Ключевой проблемой Сибири, по мнению генерал-губернатора, оставалась местная власть, постоянно злоупотреблявшая своим отдаленным от центра положением.

В результате тщательной ревизии, М. М. Сперанский принимает решение о создании комплексных мер, которые коснутся всей Сибири: региону требовалась хорошо выстроенная система центрального, генерал-губернаторского, губернского и местного управления (включая управление и коренным населением), а также кодифицированное законодательство, заменившее сотни изданных в разное время и в массе своей противоречащих друг другу узаконений⁷.

Осуществление всех вышеуказанных изменений регулировал созданный благодаря деятельности М. М. Сперанского Первый Сибирский комитет, одной из задач которого было рассмотрение плана преобразований. Комитет имел широкие полномочия и устойчивый кадровый состав. Его

⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 350. Л. 3–8 об.

⁶ Гергилев Д. Н. Ревизия Сперанского в Сибири... С. 10.

⁷ Новикова И. А., Рогачевская М. А. М. М. Сперанский в Сибири и о Сибири // Страницы экономической истории России. 2009. № 1. С. 169.

создание позволяло централизовать управление и освободить министерства от загруженности «сибирскими вопросами»⁸.

После возвращения в столицу М. М. Сперанский приступает к анализу собранной информации и рассмотрению проектов административных преобразований в регионе. Ключевым моментом в изучении Сибири и поиске пути к ее преобразованию считается административная реформа 1822 года. Это первая попытка целостного подхода царского правительства к управлению Сибирью, включающая в себя ряд необходимых для дальнейшего развития региона законодательных актов: учреждения для управления Сибирских губерний; уставы об управлении сибирских народов и киргизов; уставы о ссыльных и об этапах; устав о сибирских городских казаках; положения и правила о земских повинностях, о хлебных запасах, о соляном управлении, о вольном переселении казенных крестьян в Сибирь и другие⁹.

Так в результате преобразований предполагалось серьезное изменение административной системы сибирской части государства. В частности, учитывалось географическое расположение данной территории, вызванное большими расстояниями между населенными пунктами. Следует отметить, что территориальное разделение Сибири было успешным и продержалось в этом состоянии несколько десятилетий.

«Учреждение для управления Сибирских губерний» от 22 июня 1822 г. делило Сибирь на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское «...по примеру как сие было до 1797 г., а естественной чертой разделения стал горный хребет, идущий между Обью и Енисеем»¹⁰. При генерал-губернаторе действовал специальный Совет, который регулировал вопросы финансов и внутреннего порядка региона, а также предотвращение возможных злоупотреблений местной власти¹¹. Следует отметить, что Сперанскому удалось составить план управления всех административных уровней по единой схеме, что исчерпало вопрос путаницы в данной сфере обустройства региона.

Проект учитывал все реалии существования Сибири, включая торговлю и пути сообщения. Предложена возможность замены натуральных повин-

⁸ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

⁹ Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 90; Зарецкий В. А., Иваненко В. Е. Михаил Михайлович Сперанский — сибирский генерал-губернатор // Мир Инноваций. 2019. № 3. С. 27.

¹⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 73. Л. 50 об.

¹¹ Морозов В. И. М. М. Сперанский и административная реформа в Сибири (1819–1822) // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. Т. 2. 2011. № 3 (4). С. 139.

ностей на денежные, а также отмена дорожной повинности. Замена натурального ясака денежным налогом формировала условия для развития товарно-денежных отношений в хозяйственной жизни местного населения.

Тем не менее, не все идеи административной реформы были реализованы. К примеру, орган Советов при генерал-губернаторе не был противовесом власти главы. Местные органы власти не получили должного уровня власти, а также остались подчиненными бюрократическому устройству страны.

Помимо описанной административной реформы, следует также остановиться и на других, не менее важных изменениях. Так, изданный «Устав об управлении инородцев» включал в себя впервые примененный в истории России дифференцированный подход к местному населению, что зависело от его уровня хозяйственного развития. К «инородцам», в данном случае, относились представители коренного населения Сибири, которые теперь классифицировались на оседлых, бродячих и кочевых. Согласно изменениям Сперанского, оседлые инородцы в образе жизни и налогах полностью приравнивались к местным крестьянам, а кочевые и бродячие племена имели возможность сохранить внутренний уклад жизни лишь с учетом выплаты налогов. Таким образом, всех инородцев готовили к постепенной ассимиляции с местным населением¹².

«Устав о ссыльных и об этапах» создавал условия применения администрацией ссылки как меры наказания. Так, для ссыльных создавались специальные места пребывания — «этапы» по всему пути прибывшего на исправительные работы. Такой реформой Сперанский подчеркивал свою надежду на превращение ссыльных в рядовых сибирских крестьян. Однако данные меры также остались нереализованными. Созданных этапов не хватало для такого потока ссыльных. Средства, выделяемые на данную реформу, не доходили до своей реализации.

Интересен и «Устав о сибирских городских казаках», целью которого было превращение местных казаков в полицейскую силу. Согласно уставу, данная категория населения приравнивалась к губернской и окружной полиции, чем и обуславливались их новые обязанности: несение караулов, конвоя, поддержание порядка, охрана границ. Также новой полиции выдавалось и специальное для выполнения своих обязанностей обмундирование. Данная реформа была принята и действовала при Николае I.

Реформы преобразования Сибири затрагивали практически все сферы жизни этого региона. Учитывались особенности жизни инородцев, ссыльных, казаков и крестьян. Система преобразований затрагивала торговлю,

¹² Новикова И. А., Рогачевская М. А. М. М. Сперанский в Сибири и о Сибири... С. 175.

финансы, социальное развитие и культуру. Однако, несмотря на огромный пласт проделанной работы, далеко не все реформы были реализованы. Внутренней политике Российской империи было некогда проводить сибирские преобразования, и дальновидные проекты Сперанского были вновь актуальны лишь спустя десятилетия¹³. Однако память о реформаторе «...сохранилась во всей Сибири»¹⁴.

Все многообразие преобразований М. М. Сперанского было принято частично или не принято совсем, что связано с многими причинами российской действительности. Те реформы, которые все-таки дошли до этапа реализации, в большинстве своем были искажены в исполнении, что лишило их первоначальной цели. Наличие множественных мер по исправлению положения населения Сибири лишней раз подчеркнуло всю плачевность положения данного богатого, но неизведанного региона. В свою очередь, количество предложенных изменений подчеркивает необходимость освоения данной территории в начале XIX века.

Таким образом, реформы Сперанского в судьбе Сибири, пусть и не полностью реализованные, оставили сильный отпечаток в судьбе данного региона. За пару лет пребывания местные жители оценили старания Сперанского, и, более того, на этот регион было обращено должное внимание.

¹³ Дамешек Л. М. Личность в истории Сибири XVIII–XX веков // Сборник биографических очерков. Новосибирск, 2007. С. 35.

¹⁴ Гаврилов С. О., Гаврилова А. В., Козлова Н. В. Особенности губернского управления в Сибири в условиях реформы М. М. Сперанского // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Т. 4. 2020. № 2 (14). С. 156.

Н. Г. ЗАРЕМБО

**Формулярные списки чиновников
90-х гг. XVIII в. – первой четверти XIX в. в фондах РГИА:
основные направления и особенности выявления**

Аннотация: Рассмотрены основные пути поиска формулярных (послужных) списков чиновников 90-х гг. XVIII в. – первой четверти XIX в., а также родственных им документов в фондах РГИА. Указаны особенности их выявления в фондах различных учреждений и личного происхождения, Коллекции формулярных списков чинов гражданского ведомства (Ф. 1349).

Ключевые слова: формулярный (послужной) список, чиновник, Российский государственный исторический архив.

Российский государственный исторический архив хранит документы высших и центральных органов государственной власти Российской империи конца XVIII – начала XX вв., общественных организаций, акционерных обществ и фонды личного происхождения. Вопрос о выявлении формулярных списков решается просто – достаточно обратиться к фондам ведомств, где в отдельной описи или части описи сосредоточены формулярные списки, чаще расположенные в алфавитном порядке. Если же посмотреть внимательнее, то формулярные списки за период XVIII в. – первой четверти XIX в. встречаются реже и искать их сложнее, поэтому нами и выбран данный период. Также следует обратить внимание, что в период царствования Павла I не выходило издание «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи». Кроме того, в обозначенный период происходили изменения в структуре учреждений, создание министерств в 1802 г. и т. д.

В Энциклопедическом словаре дано определение: «Послужной список (иначе – формулярный список) – главный документ служебного состояния каждого офицера, чиновника гражданского или военного ведомства, а также канцелярского служителя»¹. В нем обозначаются следующие сведения: чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета, ордена и знаки отличия, время рождения, вероисповедание, происхождение, где воспитывался, получаемое содержание, прохождение службы,

¹ Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1898. Т. 24а: Полярные сияния – Прая. С. 684.

бытность вне службы, семейное и имущественное положение (недвижимого имущества), подвергался ли наказаниям, соединенным с ограничением прав по службе, бытность в походах и делах против неприятеля, раны и контузии. Термины «послужной» и «формулярный» были синонимами, также встречается наименование «конduitный список» или укороченный вариант — формуляр. Следует подчеркнуть, что имеются близкие или родственные им документы: краткий список о службе, выписка из формуляра и т. д. Иногда слова «формулярный» или «послужной» список опускались, и мог остаться только список о службе и достоинстве². Встречаются названия «списки о службе» или даже без заголовка со сведениями как в формуляре, но без граф. Для формулярных списков в выбранный период характерно разное количество граф, разнообразие оформления, иногда встречается использование печатного бланка (с 20-х гг. XIX в. в отсмотренных делах) и т. д.

Имеются личные и групповые формулярные списки. Отдельно не будем рассматривать изменение формулярного (послужного, conduitного) списка на протяжении данного периода и отсылаем к соответствующей литературе³. Также сразу оговоримся, что групповые списки ряда учреждений включали обычно вместе чиновников и служителей (вариант — канцелярский служитель). Последние исполняли обязанности низшего чиновника и не имели чина, занимали должности канцеляристов, подканцеляристов и т. д.

В целом, чаще всего, формулярные списки составляли в соответствии с указом Сената от 15 марта 1798 г. о присылке в Герольдию ежегодно к 1 октября послужных списков о классных чиновниках. Вместе с ним высылали образец послужного списка, включающего следующие графы:

1. Чин, имя, фамилия и должность им отправляемая и сколько от роду лет.
2. Из какого звания происходит.
3. Сколько имеет во владении мужского пола душ, людей и крестьян, в которых уездах и как имена селений.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 11. Д. 71. Л. 329 об. — 347.

³ Малкова З. И., Плюхина М. А. Документы высших и центральных учреждений XIX — начала XX в. как источник биографических сведений // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в.: Сб. ст. Л., 1967. С. 205–228; Петровская И. Ф. Биографика: введение в науку и источники биографической информации о россиянах 1801–1917 гг. СПб., 2003. С. 328–399; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений 1802–1917: Библиографический справочник. СПб, 2001. С. 11–20; и др.

4. Когда в службу поступил и во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил, также не было ли каких отличных по службе деяний и не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден и в какое время (годы, месяцы, числа).

5. В походах против неприятеля и в самих сражениях был или нет и когда именно.

6. Не был ли в штрафах и под судом, и если был, то за что именно, когда и чем дело кончилось.

7. К продолжению штатской службы способен и к повышению чем достоин или нет и за что.

8. Не был ли в отставке с награждением чина или без одного и когда.

9. Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет и где они находятся⁴.

Отметим, что в данный период в послужных списках не требовалось указывать вероисповедание.

Формулярные списки можно обнаружить в разных фондах. В фондах учреждений они находятся в личных делах, в делах по личному составу и т. д. Данная информация отражена в Аннотированном реестре описей. Следует подчеркнуть, что имеются фонды, где формулярные списки собраны в отдельные описи или составляют значительный объем в описях с другими документами. Также бывает, что в оглавлении описи уже обозначены номера дел и листов с формулярными списками.

Опись может включать только формулярные списки, как описи фонда Особенной канцелярии главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий (Ф. 207. Оп. 11, 14, 15, 16). В фонде Общей канцелярии министра финансов (Ф. 560) в 1940–1941 гг. сформирована из россыпи документов отдельная опись № 37, которая содержит наряды формулярных списков и аттестатов чиновников центральных и местных учреждений Министерства финансов за период с конца XVIII в.⁵ В фонде Горного департамента (Ф. 37) формулярные списки сохранились в описи Инспекторского отделения, ведавшего личным составом⁶.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXV. № 18440.

⁵ Куликовская О. В. К вопросу о делопроизводстве по личному составу ведомства Министерства финансов // Дела и дни. Труды Российского государственного исторического архива. Вопросы хранения, описания и изучения исторических документов. СПб., 2004. С. 20–21.

⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 74. Д. 2,3, 5–8, 10, 11.

В фонде Департамента государственных имуществ Министерства финансов (Ф. 379) в описи № 8 собраны материалы по личному составу, среди которых находятся групповые формулярные списки чиновников Лесных отделений местных казенных палат в алфавите губерний⁷, Правления Низового округа корабельных лесов⁸, а также в отдельное дело помещены формулярные списки о службе чиновников Департамента и местных подведомственных ему учреждений в алфавите фамилий⁹. Также обратим внимание, что в ряд групповых списков включены и чиновники, и служители¹⁰.

Формулярный список чиновников по ведомству можно выявить, обратившись к делам о назначениях и выбрав соответствующий хронологический период. В фонде Департамента полиции исполнительной МВД (Ф. 1286) сохранились формулярные списки о службе губернаторов, городничих, полицейских и прочих чиновников министерства. Следует также выявлять дела о назначении чиновников на соответствующие должности. Внутри них часто содержатся формулярные списки претендентов, реже увольняемых или переводимых на другое место службы. Так, в деле «Об определении и увольнении городничих с 1-го января по 1-е мая. 1806 г.» находятся несколько формулярных списков, аттестат и выписки из формулярных списков разных лиц, представленных к назначению на должность городничих в уездных городах Казанской и Вятской губернии¹¹.

Другим ориентиром могут служить заголовки дел «о разном», «по разным вопросам» и т. д. Примером служит дело фонда Департамента народного просвещения (Ф. 733) под заголовком «Разные бумаги. 1808 и 1817 гг.», где можно обнаружить формулярный список визитатора училищ И. К. Вылежинского на 1805 г.¹² Нужно также ориентироваться на дела о награждениях, причем в заголовок могут быть вынесены конкретные фамилии. Так, «Дело о назначении академиков В. И. Севергина и Я. Д. Захарова визитаторами, об осмотре ими училищ округа и о награждении отличившихся учителей П. Назаретского, Я. Данилова, А. Власова, П. Пономарева и П. Штибера» (23 мая – 19 ноября 1803 г.)

⁷ РГИА. Ф. 379. Оп. 8. Д. 81–142.

⁸ Там же. Д. 143–146.

⁹ РГИА. Ф. 379. Оп. 8. Д. 62. Л. 180–181, 222–224, 259–264 и др. В деле также находятся аттестаты о службе, свидетельство об окончании университета и т. д.

¹⁰ Там же. Д. 126. Л. 1–55 и т. д.; Д. 143. Л. 82–103 и т. д. (канцелярские служители).

¹¹ РГИА. Ф. 1286 Оп. 1. 1806 г. Д. 3. Л. 7–8, 16–16 об., 23–24 и т. д.

¹² Там же. Ф. 733. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

содержит копии послужных списков учителей Псковского и Новгородского народных училищ. В этих документах содержатся следующие графы: имя, фамилия и какие науки преподает, где и чему обучался, поведение, прилежание, жалование, женат или холост, кто дети¹³.

Перейдем к Коллекции формулярных списков чинов гражданского ведомства (Ф. 1349). Коллекция является очень востребованной для генеалогического или биографического поиска. В ней содержится значительный объем коллективных и личных списков, относящихся к периоду 90-х гг. XVIII в. – первой четверти XIX в. В состав коллекции вошли групповые формулярные списки классных чиновников по гражданскому ведомству:

– с 1796 г. присылавшиеся в Герольдию, в 1846–1858 гг. — в Инспекторский департамент I отделения Собственной е. и. в. канцелярии, с 1858 по 1894 г. — в Департамент герольдии Сената (с 1894 г. — в Инспекторский отдел Собственной е. и. в. канцелярии);

– из дел Сената и Министерства юстиции, предназначенных к уничтожению;

– формулярные списки служащих центральных, губернских и уездных учреждений и органов местного самоуправления за 1894–1917 гг.;

– наряды формулярных списков из дел, прошедших экспертизу фондов всех ведомств¹⁴.

Коллекция была разобрана к концу 1940-х гг. и дополнена поступлениями из Центрального государственного литературного архива (ныне РГАЛИ), в 1951 г. — из филиала ЦГВИА в Ленинграде¹⁵. К периоду 90-х гг. XVIII в. – первой четверти XIX в. относятся дела из описей № 3, 4 и 6.

Поиск формулярных списков по описи № 3, которая содержит дела с личными формулярными списками с литеры «А» до «Я» за 1800–1894 гг., облегчен наличием именного указателя к документам дел¹⁶. В нем указаны следующие сведения: фамилия, имя, отчество, должность и место службы, дата составления формулярного списка и номер дела. На сайте РГИА этот указатель размещен в отсканированном виде.

Опись № 4 (Групповые формулярные списки 1794–1846 гг. из архива Герольдии) является делопроизводственной и имеет разделы по годам,

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 20 Д. 4. Л. 37–38, 39–40.

¹⁴ См.: Российский государственный исторический архив: Путеводитель. В 4 т. СПб., 2012. Т. 1. С. 144.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Указатель состоит из 21-й части.

причем долго не знали, что она сохранилась. Дела числились неопи-санными. В 1948 г. при разборе документов из россыпи фонда Минис-терства юстиции (Ф. 1405) она была обнаружена вместе с описью № 5, в соответствии с которой и проведена систематизация. Все же часть дел, относящаяся к более раннему периоду, была утрачена, предположи-тельно во время Великой Отечественной войны¹⁷.

Опись № 6 (Личные и групповые формулярные списки 1754–1917 гг.) составлена по «остаточному принципу». Сначала размещены послу-жные списки по алфавиту фамилий чиновников. Затем расположены дела с формулярными списками по губерниям или учреждениям в хронологическом порядке. Следует обратить внимание, что опись № 6 дополнялась формулярными списками из других фондов¹⁸. Так, дела № 2117–2140 составлены из документов фонда Императорского челове-колюбивого общества (Ф. 768), и среди них встречаются формуляры начала XIX в. В деле № 2117 собраны дела по алфавиту, в том числе — пять послужных списков за 1795, 1798, 1825 гг.¹⁹

Также при проверке наличия заведующей архивохранилища М. И. Ермолаевой установлено, что часть дел по описи № 4 (числив-шихся «выбывшими» с 1948 г.) внесена в описи № 5 и № 6. Таблица с данными сведениям находится в описи № 4²⁰.

При работе с фондом № 1349 следует учитывать некоторые особен-ности. В описи № 6, в разделе за указанный год, могут быть дела, вклю-чающие формулярные списки и за другие годы. Например, в разделе описи за 1806 г. имеется дело с формулярным списком на 1805 г.²¹ Дела содержат и другие «сюрпризы». Так, в деле «Формулярные списки чиновников, находящихся в ведомстве Екатеринбургского горного начальства за 1802 г.» помимо привычного группового списка об указан-ных чиновниках²² помещены формулярный список унтер-офицера Копейкина и «четырех человек рядовых»²³ и список содержащихся в Екатеринбургской заводской богадельне, среди которых не только слу-жившие на заводе, но и вдовы служивших²⁴.

¹⁷ РГИА. Дело фонда № 1349. Л. 10, 45.

¹⁸ Там же. Л. 64, 65.

¹⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 2117. Л. 5–6, 33–34, 103–106.

²⁰ Там же. Оп. 4. Л. IV–VI.

²¹ Там же. Оп. 6. Д. 603. Л. 1–21.

²² Там же. Д. 497. Л. 1–156.

²³ Там же. Л. 161–163.

²⁴ Там же. Л. 165–167 об.

Также в групповых формулярных списках из фонда № 1349 значительное место занимают служители — канцеляристы, подканцеляристы и т. д. Они не попадают в Адрес-календари, поэтому эти сведения сложнее искать. Среди них встречаются несовершеннолетние, так как возрастные ограничения при приеме на службу для них еще не ввели. Обычно служители 10–13 лет выполняют обязанности копиистов, подканцеляристов и т. д. Среди чиновников Олонецкой губернии на 1803 г. встречается подканцелярист 9 лет, 7 человек в возрасте 10 лет, один — 11 лет, 3 служителя — 12 лет, 10 — 13 лет, 9 — 14 лет²⁵. Самый младший по возрасту (если это не описка) — 8-летний каптенармус (унтер-офицерский чин) Счетной экспедиции Военной коллегии Петр Ступин (1798 г.)²⁶.

Таким образом, в Коллекции формулярных списков чинов гражданского ведомства (Ф. 1349) наблюдается значительное разнообразие. В Сенат отправляли списки каждые полгода, поэтому в них часто отражались все перемены. Не менее важным является преобразование учреждений при Павле I и создание министерской системы при Александре I, а также изменение в территориальном делении при обоих императорах. Формулярные списки чиновников упраздненных мест или бывших упраздненных губерний представлены в делах: «Формулярные списки чиновников упраздненных присутственных мест Московской губернии за 1797 г.», «Формулярные списки чиновников Подольской губернии (об оставшихся за штатом) за 1800 г.»²⁷. Встречаются послужные списки чиновников, оставленных за штатом или причисленных Герольдии. Указание на это состояние может быть как в заголовке дела, так и в описании службы конкретной персоны.

В современных условиях именной указатель к делам из Коллекции формулярных списков чинов гражданского ведомства (Ф. 1349) составляется в электронном виде и размещается на сайте РГИА. Для этого сотрудниками архива осуществляется полистный просмотр дела, изучение документов, уточнение данных по дореволюционным справочникам. Сведения из формулярных списков заносятся по графам: фамилия, имя, отчество, чин/титул, биографическая справка и годы жизни. Сложность состоит здесь в уточнении названий учреждений, необходимости проверки написания фамилий и имен (в том числе их

²⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803 г. Д. 54. Л. 71 об. – 74, 86 об. – 87, 145 об. – 147 и т. д.

²⁶ Там же. Д. 178. Л. 12 об. – 13.

²⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1797 г. Д. 6; Оп. 4. 1800 г. Д. 56.

разное написание в одном деле) и т. д. В графу «Биографическая справка» включаются сведения о последнем месте службы и должности чиновника или служителя, его возраст (количество лет) на момент составления формулярного списка. Данная работа в настоящее время проводится с делами из описей № 4 и № 6 фонда 1349, и именной указатель пополнился более чем на 28 тысяч позиций.

Кроме того, в описи № 4 хранятся групповые формулярные списки из архива Герольдии, среди которых имеются сведения о чиновниках с конца XVIII в. и службе последних в учреждениях, которые существовали незначительное время или переорганизовывались в дальнейшем. Таким образом, списки могут быть источниками по истории учреждений и их личному составу.

В делах из фонда Департамента герольдии (Ф. 1343) могли сохраниться формулярные списки, которые подавались вместе с другими документами для получения личного дворянства, почетного гражданства и т. д.

В качестве приложения к отчетам губернаторов, сохранившимся в фонде Совета министра внутренних дел (Ф. 1281), помещались формулярные списки о службе конкретных чиновников, а также отличившихся по службе²⁸. Например, к отчету архангельского губернатора за 1810 г. приложена записка об отличившихся по службе чиновниках в Архангельской губернии и их групповой формулярный список²⁹. В других случаях могли быть личные послужные списки³⁰.

Коллекция Всеподданнейших докладов и рапортов Сената (Ф. 1398) образована в Петербургском Сенатском архиве из докладов и рапортов Сената, извлеченных из дел архива. В нее включены доклады Сената о награждении следующими чинами чиновников разных ведомств за период начала XIX в. К ним прилагаются «списки о службах чиновников всеподданнейше представляемых к награждению следующими чинами» (как правило, коллежский или надворный советник), в которых содержатся выписки из формулярных списков³¹.

В личных фондах сохранились формулярные списки фондообразователей, а также их родственников. Например, в фонде А. И. Философова (Ф. 1075) сохранился формулярный список о службе бывшего новола-

²⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 1–4, 7, 22, 37, 39 и др.

²⁹ Там же. Д. 1. Л. 198–221.

³⁰ Там же. Д. 74. Л. 329 об. – 347; Д. 90. Л. 417–428.

³¹ РГИА. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 270, 284, 290, 551 и др.

дожского уездного предводителя дворянства Иллариона Никитича Философова³².

Серьезным подспорьем в поиске формулярных списков является каталог РГИА и, прежде всего, его именной раздел. Для оптимизации работы с каталогом следует обратиться к статье сотрудника архива В. В. Берсенева с рекомендациями по поиску персон в нем³³. При выявлении послужных списков в фондах Синода советуем использовать рекомендации из публикации главного специалиста РГИА Н. С. Крылова.³⁴

Таким образом, нами намечены основные пути поиска формулярных списков в фондах РГИА. Следует подчеркнуть, что вариантов значительно больше. Они будут напрямую зависеть от цели поиска — выявления формулярных списков конкретного чиновника или группы лиц, служащих в конкретном учреждении. При работе с архивными фондами следует использовать все возможные пути поиска, которые предоставляет традиционный и электронный научно-справочный аппарат.

³² РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 1037. Л. 1–2.

³³ Берснев В. В. Каталог Российского государственного исторического архива как источник уникальной генеалогической информации // Генеалогический вестник. Выпуск 56. СПб., 2017. С. 29–45.

³⁴ Крылов Н. С. Поиск персональных данных о православном духовенстве в фондах РГИА // Исторические источники церковного происхождения синодального периода. Сборник статей научной конференции, посвященной 300-летию учреждения Святейшего Правительствующего Синода (Санкт-Петербург, 15 апреля 2021 г.). СПб.; М., 2021. С. 198–259.

А. П. ЗИНОВЬЕВА

**На пути к фенномании:
Александровский (Гельсингфорский) Императорский
университет и финская ученая корпорация после
присоединения Великого княжества Финляндского к России
в первой половине XIX в.**

Аннотация: В статье на основе корпуса архивных материалов, находящихся в фондах Министерства народного просвещения Российского государственного исторического архива (РГИА), нарративных источников, а также эго-документов рассматривается деятельность Гельсингфорского (Александровского) университета после присоединения Великого княжества Финляндского в первой половине XIX в. Особенное внимание уделяется становлению финской научной корпорации и влиянию на данный процесс административных практик общеимперской политики России, исследованию порядка преподавания учебных дисциплин, в частности, русского языка и, как следствие, общий результат политики просвещения в Финляндии в данный период.

Ключевые слова: Александровский (Гельсингфорский) императорский университет, история высшей школы, фенномания, финляндский вопрос, славистика.

Интерес к изучению того или иного периода финской истории после вхождения в состав России в отечественной дореволюционной историографии задается вектором насущной потребности в виде социального или политического заказа. Резонно предположить, что аналогичный ракурс освещения событий распространяется на университет как учебно-научный центр западной окраины. В случае того, если таковая необходимость отсутствовала или события носили не интересующий имперский нарратив характер, то о Финляндии либо не упоминали, либо упоминали вскользь¹. Ситуация изменилась на рубеже XIX–XX вв. на фоне «финляндского вопроса». Как ответ финской мыслящей элите, пытающейся лоббировать и защищать автономные права княжества, в России выпускается большое количество трудов, посвященных истории, быту национальной окраины². Тогда же появляется обсто-

¹ Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. СПб., 1911. 200 с.

² Мессарош П. И. Финляндия — государство или русская окраина? СПб., 1897. 150 с.

тельная и пока единственная монография, посвященная истории Александровского университета³.

Современная историография представлена как русскими и зарубежными общими работами по социально-экономической, политической, научной и культурной тематике, так и исследованиями узкоспециальной проблематики, в частности, по истории финской высшей школы, о феномене финского Просвещения и др.⁴

После политического вхождения Финляндии в состав Российской империи, Гельсингфорский университет начинает входить в орбиту влияния столичных законодательных практик. Это проявляется в назначении канцлера, программном обеспечении порядка преподавания, проекте нового устава⁵, отчетности по образцу русских университетов⁶. Функциональные обязанности канцлера, назначаемого императором, состояли в том, чтобы помогать «привести университет к доброму порядку и цветущему состоянию» и вкуче с остальными представителями высшей университетской администрации осуществлять надзор за учащими и учащимися, регулировать совещательный канал между администрацией и профессорско-преподавательской корпорацией, следить за внутренним ходом жизни университета, т. е. оказывать ценную поддержку делами и советами. Отмечу, что в средневековой традиции канцлер представлял символическую высшую духовную (Папа Римский) и светскую (император) власть и мог быть местным епископом или каким-либо другим доверенным лицом⁷. Тем самым обязанности канцлера были юридически зафиксированы, но в реальности они носили номинальное значение. В случае с Гельсингфорским университетом таким доверенным лицом стал М. М. Сперанский⁸. Вместе с назначением нового канцлера постепенно устанавливался порядок отчетности

³ Берендтс Э. Н. Императорский Александровский университет в Финляндии: Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб., 1902. 263 с.

⁴ Такала И. Р. От феннофильства к фенномании: Хенрик Габриэль Портан и становление национальной мысли Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 3 (140). 2014. С. 7–18; Manninen J. Valistus ja kansallinen identiteetti: Aatehistoriallinen tutkimus 1700-luvun Pohjolasta. Helsinki: SKS, 2000. 263 s. и др.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1661. Оп. 1. Д. 233. Л. 2–68.

⁶ Берендтс Э. Н. Императорский Александровский университет в Финляндии: Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб., 1902. С. 75.

⁷ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. 640 с.

⁸ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 194. Л. 1.

перед Министерством народного просвещения. Сначала это был краткий отчет, затем, с внедрением бюрократических порядков, свойственных и другим университетам Российской империи, — более детализированный⁹.

Первые десятилетия нахождения Финляндии в составе России были временем «проб и ошибок». До конца 1840-х гг. интерес российского наблюдателя довольно редко имел политическую окраску. В основном, приходится говорить о романтически окрашенном, эстетизированном облике Финляндии, что усиливается литературными образами земли, где живут «молчаливые, но совсем не опасные финны»¹⁰. Однако наше представление не должно изобиловать романтизмами, так как в данном случае официальный дискурс власти транслирует представление об автономии Финляндии как одной из колоний империи. Следуя общей эстетической линии романтизма, Россия предстает рупором цивилизации, несущим в дикий край современную культуру¹¹. Своеобразный тип патерналистического покровительства, исходящий из столицы, направляется в западную часть, в том числе в Гельсингфорский университет.

Магистральным аспектом в первоначальном укреплении имперских амбиций стало продвижение русскоязычной культуры. Русским становился язык преподавания, и, как следствие, развитие научного знания, истории, литературы подчинялось их траектории развития в России. Одним из способов распространения языка в научной и студенческой среде и развития коммуникационного потока становилась практика отправления в западный университет выпускников Славяно-Греко-Латинской Академии и Петербургского Педагогического института¹². К концу 1820-х гг. расширились границы русификации финского общества — русский язык становился определенным рычагом воздействия на общество. Ввиду того, что овладение русским языком становится обязательным для любого государственного чиновника, сам язык рассматривается в качестве маркера социальной мобильности. Сдача экзамена по русскому языку обеспечивала в дальнейшем продвижение вверх по карьерной лестнице и получение желаемой

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 98. Л. 6.

¹⁰ Соломещ И. М. От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. статей. Великий Новгород, 2004. С. 38.

¹¹ Hirvisaho I. K. A Stepchild of the Empire: Finland in Russian Colonial Discourse. Los Angeles: University of California, 1997. P. 244.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 135. Л. 6.

должности. Стоит заметить, что для преподавания русского языка в Финляндии требовался определенный штат учащего сословия, поэтому укрепляется практика рекрутирования выпускников русских университетов в западную окраину¹³. Помимо этого, в столицу ежегодно отправлялся список финляндцев, которые выдержали публичную аттестацию по русскому языку.

Тем не менее доминирующим в финском научном пространстве и публицистике был шведский язык. Пользователи финского языка выискивались достаточно редко, а первые диссертационные работы на финском языке были защищены в конце 1850-х г. Надо отметить, что и это давалось с большим усердием, так как цензурный устав 1850 г. воспрещал издание книг на финском, кроме богослужебных и хозяйственных. В итоге складывается социально обусловленный лингвистический триумвират: русский — на котором говорит лояльная столичной администрации русская, финско-шведская элита, прослойка государственного чиновничества; шведский — сохраняет доминирующее положение в науке, университетском пространстве, литературе и философии; финский — бытующий в среде простого народа, преимущественно из крестьян. Учитывая геополитическое расположение Финляндии и преобладание сельского населения над городским, такое распределение языков свидетельствует о преобладании шведско-русскоговорящего городского населения и финноязычного сельского населения.

Возвращаясь к университетскому вопросу в контексте городского пространства, отмечу, что в 1828 г. университет переезжает из Або, где находилась ранее Королевская Академия (в новоустроенном здании произошел пожар), в Гельсингфорс¹⁴. Окончательное обоснование университета на новом месте обусловило его включение в культурный ландшафт столичного города и аксиологическую характеристику сближения с Россией (хотя бы потому, что Гельсингфорс (Хельсинки) восточнее Або и, следовательно, ближе к России). Через несколько лет новоустроенный университет посетил император Николай I, в честь чего был организован торжественный акт¹⁵. К середине 1830-х гг. техническое обустройство университета окончилось и продолжилась университетская научная жизнь.

¹³ РГИА. Ф. 1361. Оп. 2. Д. 55. Л. 8, 25а.

¹⁴ Там же. Д. 150. Л. 6.

¹⁵ *Хартанович М. Ф.* К истории Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе: участие Николая I в реорганизации университета // Санкт-Петербург – Хельсинки. Хельсинки – Санкт-Петербург. СПб., 2005. С. 27–30.

Финская научная корпорация была включена в общеевропейское пространство и существовала не в вакууме до присоединения к России. В XVIII в. финская научная мысль была в идейном фарватере французского Просвещения, и одним из выразителей французских реминисценций в финском варианте стал Х. Г. Портан. Научная школа, сложившаяся в середине XVIII в., определила базис для развития научного коммуницирования с европейскими университетскими корпорациями.

В Александровском университете существовало IV факультета, и интенсивность защит научных работ примерно соотносилась с общим количеством в других российских университетах. Тем не менее наиболее развитым и популярным направлением были филологические науки: славистика, лингвистика, история литературы, что дополнительно актуализировалось литературным и этнографическим романтизмом первой половины XIX в. В университете существовали кафедры, занимающиеся изучением финского, шведского языков и диалектов (савосского, лапландского, тавастского). Кафедра русского языка и словесности и славянская библиотека были созданы гораздо позже, в 1840-е гг., в связи с переездом русского ученого-слависта Я. К. Грота в Финляндию¹⁶. Именно поэтому научный вектор коммуникации России и Финляндии рассматривается преимущественно через призму филологических контактов. В первой половине XIX в. в Петербурге работал А. Шегрен, окончивший университет Або, где он участвовал в народно-просветительском движении «туркусский романтизм»¹⁷. Шегрен приобрел известность среди финно-угроведов, поддерживал молодых энтузиастов, в том числе М. А. Кастрена, будущего основоположника сравнительной уралистики, участвовавшего в организации и финансировании сибирских экспедиций. Одним из каналов научных связей стало присутствие на собраниях Вольного общества российской словесности финских ученых, в том числе финского историка А. Гиппинга, написавшего монументальный труд «Нева и Ниеншанц до основания Санкт-Петербурга», который был издан в России А. С. Лаппо-Данилевским¹⁸.

Финская ученая корпорация представляла собой пестрый состав из шведоманнов и увеличивающихся фенноманнов, которые все чаще

¹⁶ Карху Э. Г. Финско-русские литературные связи XIX–XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. статей. Великий Новгород, 2004. С. 56.

¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 13. Д. 51. Л. 4 об.

¹⁸ Там же. Ф.1605. Оп. 1. Д. 4.

демонстрируют собственные мировоззренческие установки в публичном пространстве — в аудиторных пространствах на занятиях, в публицистике и литературе. Внутреннее содержимое фенноманского движения выразилось преимущественно в культурно-филологическом проекте университетских профессоров-словесников Э. Леннрота, Ю. В. Снелмана и их ближайшего круга (в том числе из публицистов, литераторов и др.), которые транслировали общеромантические установки и идеалистические представления своего народа, языка, национальной литературы. Среди деятелей фенноманского движения не было единства идейных воззрений, так как часть из них поддерживали просвещенческие французские традиции Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, а другая часть была ментально близка к немецкому идеализму И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга.

Гельсингфорский университет в первой половине XIX в. представлял собой эклектичное явление учебно-научной культуры. С одной стороны, в нем продолжали существовать традиционные европейские стандарты высшего образования XVII в. наряду с небольшими шведскими, немецкими университетами. С другой стороны, после включения в состав Российской империи, университет получил статус высшего учебного заведения западной окраины, к которому следует применять покровительственное начало и мягкую охранительную тактику имперских ценностей. Таким же мягким, на общей волне национально-романтических идей, стал ответ финских фенноманов-преподавателей, славистов, литераторов, сосредоточившихся на конструкции финской культурной идентичности, переводах фольклора и эпоса.

Н. С. КРЫЛОВ

К вопросу об эволюции политических взглядов М. М. Сперанского

Аннотация: В статье рассматриваются так называемые ранние записки М. М. Сперанского, различные версии о датировке и даже авторстве которых предлагали в свое время В. И. Семевский, С. Н. Валк и М. М. Сафонов. Автор предлагает свою версию, которая позволяет проследить, как менялись взгляды выдающегося реформатора на «коренные законы государства» и «государственное устройство империи».

Ключевые слова: М. М. Сперанский, В. И. Семевский, С. Н. Валк, М. М. Сафонов, «Размышления неизвестного о государственном устройстве вообще», РГИА.

Поводом для доклада послужила проблема датировки одной рукописи, которая экспонировалась на юбилейной выставке в Российском государственном историческом архиве (РГИА) — «Размышления неизвестного о государственном устройстве вообще»¹. С тех пор, как В. И. Семевский обнаружил ее в тогдашнем архиве Комитета 6 декабря 1826 г. при Государственном совете (ныне — одноименный фонд нашего архива), ни у кого не возникало, кажется, сомнений, что «неизвестным» сочинителем этой рукописи был на самом деле Михаил Михайлович Сперанский. И только предположение Семевского о том, что датировать «Размышления» следует 1809 годом, когда Сперанский, как член Комиссии составления законов, занялся бумагами о составе Уложения, поминаемого в рукописи, вызвало возражения Сигизмунда Натановича Валка. Он заявил, что терминология записки свидетельствует о «старом, привычном словоупотреблении», которое следует отнести к 1802 году, когда «Комиссия уложения» не была еще переименована в Комиссию законов². Хотя легко убедиться, что термин «уложение» не устарел не только в 1809 году, но и в 20-е годы XIX века. Впрочем, главный аргумент Валка сводился к тому, что в 1809 году Сперанскому, якобы, незачем было бы вставлять в свои «Размышления» целый фрагмент из своей же записки «О коренных законах государства», которая надежно датируется 1802 годом³. Тогда как, на мой взгляд, Сперанский в равной мере мог

¹ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–30.

² Сперанский М. М. Проекты и записки. М., 1961. С. 12–13.

³ Там же.

воспользоваться как недавним своим текстом, так и давним. Вместе с тем точку зрения Валка никто до сих пор, кажется, не оспаривал. А доктор исторических наук, сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН Михаил Михайлович Сафонов в 1991 году подкрепил ее дополнительной аргументацией, обнаружив в Полном собрании законов тот высочайший указ от 28 мая 1802 г., на который явно ссылался Сперанский в своих «Размышлениях» (изданный, как он выразился, после «недавних» прений в Сенате)⁴. Но самое главное открытие исследователя заключается в том, что Сперанский вовсе не был истинным автором этих «размышлений», а всего лишь стилистически оформил мысли и идеи графа Валериана Зубова⁵. И в самом деле, всякий читающий эту всеподданнейшую записку неизбежно усомнится, что в 1802 году Сперанский, будучи еще в чинах довольно небольших, мог так свободно, если не сказать фамильярно, обращаться к государю, как это вполне мог тогда себе позволить граф Зубов.

А то, что именно его мысли и идеи излагал Сперанский, по мнению Сафонова, следует, во-первых, из стилистической близости «размышлений» и всеподданнейшей записки Зубова о Сенате, поданной им в том же 1802 году. В ней он обнаружил две фразы, дословно совпадающие с теми, что были помещены Сперанским и в его записке. Да и вся манера изложения, когда сочинитель, декларируя некие общие постулаты, которые кажутся ему аксиомами, выводит из них дедуктивным путем частные умозаключения и практические рекомендации, как бы доказывая геометрическую теорему, явно обличает перо Сперанского. Главное же, как отмечает Сафонов, обе записки были написаны одним и тем же писарским почерком. И почерк, на первый взгляд, выглядит действительно идентичным, или уж очень похожим⁶. Что, впрочем, и не удивительно для писарских почерков, которые, отнюдь не отличаются индивидуальностью. Но если мы внимательно приглядимся к образцам почерка в обеих записках, то увидим, что в «Размышлениях» Сперанского на 30 страницах ни разу не встречается буква «ж» в кружочке, которая в «зубовской» записке попадает 59 раз на 28 страницах текста⁷. Впрочем, если бы даже авторы обеих записок и воспользовались услугами

⁴ Сафонов М. М. О так называемых ранних записках М. М. Сперанского // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. XXII. СПб., 1991. С.101–117.

⁵ Там же.

⁶ См.: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–20 об.; Д. 52. Л. 1–30.

⁷ Там же.

одного и того же писца, это отнюдь не означало бы, что истинным автором «размышлений» являлся тот же самый граф Зубов, мысли которого о Сенате, Сперанский несомненно изложил в свойственной ему манере в мае 1802 года. Тот факт, что ему в 1802 году приходилось обслуживать своим пером таких видных сановников, как Зубов и Воронцов, всеподданнейшую записку которого он, судя по характеру правки, не столько излагал, сколько редактировал по поручению графа⁸, отнюдь не доказывает, что Сперанский не мог высказывать свои собственные мысли в разного рода записках. В том числе, в тех самых «Размышлениях», которые он рассчитывал предложить государю. Но, разумеется, не в 1802 году, а гораздо позже, когда у него с Александром сложились уже вполне доверительные, можно сказать интимные отношения. То есть, как минимум, после 1803 года. Тогда, если верить К. Г. Репинскому, государь стал поручать Сперанскому представлять свои мнения по разным вопросам управления. Но для более точной датировки стоит сопоставить содержание «размышлений» с прочими ранними записками Сперанского, которые были изданы С. Н. Валком в 1961 году. В самой первой из них, написанной скорее всего в 1801 году и, во всяком случае, не позднее сентября 1802 года (в ней еще живым поминается Радищев), Сперанский, очевидно, предлагает свои услуги в качестве одного из потенциальных членов Комиссии по составлению Уложения. В нее он рекомендовал включить несколько молодых людей, предварительно послав их за границу набираться законотворческого опыта⁹. Легко догадаться, что Сперанский хотел бы самого себя предложить в качестве такого молодого человека, адресуя свою записку то ли председателю комиссии, то ли кому-либо из ее видных членов. Кому была адресована следующая по времени записка, условно названная в историографии запиской «О коренных законах государства» — сказать трудно. Возможно, Сперанский излагает свои задушевные мысли самому себе, чтобы выработать политическую программу, которой ему следует придерживаться. Главная идея этой записки заключается в том, что никакими политическими институтами невозможно обуздать самодержавный произвол и самовластие, если в обществе не появятся силы готовые противостоять этому произволу. В качестве такой силы он предлагал сформировать в России некий аналог сословию пэров, которому, по его мнению, Англия была обязана своим парламентаризмом

⁸ См.: Сперанский М. М. Проекты и записки... С. 67–75.

⁹ Там же. С. 17–28.

и либерализмом. Наивно при этом полагая, что достаточно ввести, а точнее возобновить у нас введенный еще Петром майорат (т. е. единонаследие недвижимых имений и титулов), и это сословие появится само собой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Записка эта была составлена не ранее 28 мая 1802 г., поскольку в ней уже упоминается тот сенатский казус, по результатам которого был в итоге издан высочайший указ Сенату от этого числа¹⁰. Очевидно, эта записка явно противоречила мнению графа Зубова, который в апреле 1802 года как раз предлагал государю наложить мораторий на любые преобразования, поскольку сама личность Александра, его характер и убеждения, служили, по мнению графа, наилучшей гарантией против любого произвола и самовластия. Особенно едко Зубов отзывался о предложении Воронцова предоставить Сенату право возражать государю¹¹. Сперанский же, формулируя взгляды Зубова и редактируя, как уже говорилось, всеподданнейший доклад Воронцова, очевидно имел свои собственные политические взгляды, которые и изложил в записке о «коренных законах», хотя бы только пока для самого себя. И нет ничего невероятного в том, что несколько лет спустя, когда его взгляды в целом уже изменились, он использовал целые пассажи из своей давней записки, в той части, которая не противоречила его новым политическим предпочтениям. И заодно сослался на тот же самый сенатский казус, который помянул в далеком 1802 году, поскольку он и теперь пришелся к месту, и назвал его при этом «недавним» (термин этот довольно растяжимый и вполне мог быть применимым к временному промежутку и в несколько месяцев, и в несколько лет). Но, полагая, что прежде чем приступить к своим «Размышлениям», адресованным государю, Сперанский составил «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», датированную К. Г. Репинским 1803 или 1804 годом.¹² Тут он уже отказывается от своей наивной надежды на майорат, а главное — предлагает реформировать институты, не дожидаясь пока до этого созреет общество и в нем появятся силы, на которые эти институты смогут опереться. Впрочем, предполагаемая реформа выглядит пока что отнюдь не радикально. Сперанский здесь предлагает, вопреки своим прежним, скептическим оценкам Сената, придать ему статус законодательного учреждения, для чего, по его

¹⁰ Сперанский М. М. Проекты и записки... С. 28–55.

¹¹ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–20 об.

¹² Сперанский М. М. Проекты и записки... С. 86–139.

мнению, нужно разделить Сенат на законодательный и судебный. Впрочем, оговаривая, что законодательный Сенат будет вполне зависеть от государя, он, очевидно, не думал придать ему представительный, выборный характер, рассчитывая лишь на то, что и в таком качестве этот ареопаг сможет стать хоть какой-то преградой державному произволу (если не сам Александр, то его наследники когда-нибудь начнут им злоупотреблять)¹³.

И только лишь в 1809 году, сочиняя свой главный трактат «Введение к уложению государственных законов», Сперанский прямо и недвусмысленно заявил государю о том, что такого рода преграда должна быть независима от его власти, предложив ему учредить выборную Государственную думу, которую на страницах своего трактата он постоянно именуется «законодательным сословием»¹⁴. И, полагаю, именно это же значение вкладывает Сперанский в термин «сословие», который фигурирует и в его всеподданнейшей записке, известной нам под названием «Размышления неизвестного о государственном устройстве вообще».

Во всяком случае, заманчиво было бы предположить, что этой запиской он как бы попытался забросить пробный шар, чтобы посмотреть, как государь отреагирует на идею об ограничении своей самодержавной власти. Сперанский, конечно, знал, что Александр, еще с юношеских лет высказывал самые радикальные республиканские взгляды и не переставал мечтать не только об ограничении своего самодержавия, но даже и об отречении от престола. Поэтому в 1809 году император одобрил предложение Сперанского об учреждении выборной Государственной думы, но, в итоге, как мы знаем, не реализовал его, очевидно, осознав всю утопичность этого предложения в реальных условиях своего времени. Рискну предположить, что весь его мечтательный республиканизм объяснялся нежеланием обременять себя рутинной управленческой работой, а главное — нести за них ответственность перед Богом и страной. Не знаю, догадывался ли уже тогда об этом Сперанский, но очевидно, что он решил рискнуть, поймав государя на слове и предложив на деле, а не только на словах ограничить свою власть. И, полагаю, что побудить его пойти на такой риск могли обстоятельства, сложившиеся на семейном фронте Александра Павловича. Ведь после смерти в 1807 году второй дочери

¹³ См.: *Сперанский М. М.* Проекты и записки... С. 86–139.

¹⁴ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 65 а. Л. 1–233.

государя¹⁵ Елизавета Алексеевна (переживая и гибель Охотникова, и смерть дочери) прекратила отношения с мужем, который давно уже не скрывал от жены своей связи с Нарышкиной, от которой имел детей. После чего уже никаких надежд на появление у государя законного сына не оставалось и у Сперанского, до которого, без сомнения, доходили все эти слухи. И даже если они были совсем несправедливы, у Сперанского были все основания опасаться, что престол может оказаться в руках Константина Павловича в любой момент. Учитывая к тому же безрассудное стремление Александра появляться на поле боя, где он однажды уже чуть было не погиб при Аустерлице. Да и позднее, характер его не изменился, ибо, атакуя в конном строю во главе эскадрона французскую пехоту при Фер-Шампенуазе, он вполне мог нарваться на пулю, рискуя своей жизнью и престолом. В этой связи понятно, почему Сперанский, зная способность государя к столь безрассудным поступкам, отбросил свои прежние (и весьма обоснованные) сомнения в своевременности введения парламентаризма в российских условиях и решил, что у страны нет другого способа уберечься от самого необузданного произвола, которым грозило воцарение Константина, кроме как учредить хоть какой-то парламент, пользуясь либеральной риторикой Александра. Конечно, пример Франции наглядно свидетельствовал о том, как легко было Наполеону превратить законодательный корпус в послушную игрушку в своих руках. Не думаю, чтобы Сперанский питал какие-то иллюзии насчет французских порядков. Но, полагаю, что даже такая игрушка, казалась ему хоть какой-то преградой произволу и самовластию Константина Павловича, который, пожалуй, превзошел бы в этом смысле своего родителя. Думаю, что после Тильзитского мира, когда Наполеона перестали именовать антихристом, Сперанский смог решиться предложить Александру произвести преобразование во французском духе, пусть даже и рискуя прослыть французским шпионом в петербургских и особенно в московских салонах. А значит, и датировать всеподданнейшие «Размышления» Сперанского логично было бы промежутком между серединой 1807 и началом 1809 года. Впрочем, у нас нет никаких доказательств того, что «Размышления» эти были на самом деле доведены до государя. Во всяком случае тот экземпляр, который хранится в фонде Комитета 6 декабря 1826 года, с черновыми поправками и карандашными пометами автора, вряд ли было прилично подавать монарху, не

¹⁵ Биологическим отцом которой, по слухам, был ротмистр Охотников, и государь, как говорили, признавая ее, был тем не менее очень рад, что родилась дочь, а не сын.

переписав записку набело. Не исключая того, что помимо этого черновика существовал и белой вариант записки, рискну предположить, что Сперанский мог обойтись и без нее, ограничившись устной беседой с Александром. В ее ходе он мог убедиться, что государь не будет в принципе возражать против идей, детально затем сформулированных во «Введении к Уложению государственных законов» уже в начале 1809 года. И в таком случае эти «Размышления» могли попасть в Комитет 6 декабря 1826 г. не из бумаг, найденных в кабинете покойного государя, а, возможно, были принесены самим Сперанским из своих личных рукописей, которые, как известно, после ссылки были ему возвращены. Как возвращено было ему скорее всего и «Введение», о чем он так убедительно просил Александра из ссылки, не испрашивая никаких иных милостей лично для себя¹⁶. Во всяком случае мнение Валка о том, что карандашная надпись на первом и 231-м листах этой рукописи «В комитет» принадлежит Николаю Павловичу¹⁷, не кажется мне убедительным. В собственноручных записках Николая заглавная буква «К» выглядит совсем не так, как в этой помете¹⁸.

Зато примерно также эта буква выглядит в собственноручной записке князя Александра Николаевича Голицына (хотя буква «м» у Голицына выглядит несколько иначе). Впрочем, и дореволюционные архивисты в заглавиях, которые они давали делам этого Комитета, не раз путали почерк Николая Павловича и графа Кочубея¹⁹. Рукописи же, которые передавались в Комитет государем, как правило сопровождались препроводительными записками графа Дибича, Муравьева или Кочубея²⁰. И такие рукописи рассматривались в Комитете в первую очередь. Тогда как ни «Размышления», ни «Введение» так и не были там рассмотрены²¹. Поэтому, не исключено, что обе рукописи, как и французский вариант

¹⁶ См: Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И. Михаил Михайлович Сперанский. Материалы к биографии. М., 2001. С. 48.

¹⁷ Сперанский М. М. Проекты и записки... С. 143.

¹⁸ Ср. документы: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Д. 65а. Л. 1, 231.

¹⁹ См., например, записку, написанную почерком Кочубея (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 46. Л. 2). В надписи на обложке дела ее ошибочно приписали императору Николаю. Записки почерком Кочубея, также ошибочно приписанные государю, см.: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 (обложка); Д. 4. Л. 1 (обложка).

²⁰ См., например: Там же. Д. 62. Л. 1; Д. 67. Л. 1; Д. 21. Л. 1; Д. 42. Л. 1.

²¹ См. журналы Комитета: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 142а, 142б и т. д.

«Введения»²², вероятно, также возвращенный Сперанскому наследниками принца Ольденбургского²³, были принесены в Комитет самим Сперанским. Он, можно сказать, подбросил их, не афишируя своего авторства, в качестве своего рода диверсии. Быть может, через Голицына (если это все-таки его почерк), с которым поддерживал дружеские отношения. И вполне возможно, что Александру Николаевичу и принадлежит надпись «В Комитет», членом которого князь Голицын состоял наряду со Сперанским. Надо полагать, что Сперанский рассчитывал при этом посмотреть, как отреагируют его коллеги по Комитету и сам государь на идеи парламентаризма. Идеи, которые были в итоге отклонены по умолчанию, так как Комитет в третьем своем заседании 22 декабря 1826 г. торжественно заявил о том, что вся полнота власти принадлежит исключительно самодержцу, который 27 декабря, одобрив этот журнал Комитета²⁴, таким образом перечеркнул все намерения Сперанского хотя бы завести разговор о народном представительстве. Я, конечно, понимаю, что моя версия, не будучи подкреплена надежными аргументами, выглядит слишком смелой, но разве не кажется еще более смелой версия о том, что сам Николай Павлович предложил Комитету обсудить такой радикальный и даже революционный проект преобразований? Логичнее было бы предположить, что инициатива тут принадлежала не государю, а Сперанскому, который, даже убедившись в том, что не встретит сочувствия среди своих коллег, все-таки не оставлял попыток предложить хоть какие-то меры, которые могли бы по крайней мере отчасти ограничить державный произвол. Например, ввести в судебный Сенат выборных представителей от дворянства²⁵. Или — учредить советы при областных управлениях²⁶. А когда и эти паллиативные меры были в итоге отвергнуты Комитетом и государем, все свои дальнейшие усилия Сперанский сосредоточил на кодификации законодательства. С тем, чтобы законность, хотя бы отчасти, восторжествовала над произволом, преграды которому, он по сути дела и искал всю свою жизнь, предлагая для этого

²² РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 65 б. Л. 1–136 об.

²³ Сперанский из ссылки писал государю, что французский перевод «Введения» был по высочайшему распоряжению передан принцу Ольденбургскому.

²⁴ В журнале было сказано, «что государь самодержавный, будучи не только средоточием, а соединением всех властей в отношениях политическом и гражданском, не вверяет никому иному сей власти по всем пространстве ее...» (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 142а. Л. 14).

²⁵ См.: Там же. Д. 142б. Л. 21–42 об.

²⁶ См. записку Сперанского «Учреждение областного управления»: Там же. Д. 141. Л. 110–201.

способы, казавшиеся ему в данный момент наиболее адекватными применительно к текущей ситуации. Почему и способы эти были существенно разными в разное время, но никогда не приобретали революционного характера. Ибо, наслышавшись о том, что творилось во Франции в годы якобинского террора, Сперанский трезво оценивал русскую действительность и, очевидно, вполне мог бы согласиться с Пушкиным, считавшим, что нет ничего страшнее, чем русский бунт, бессмысленный и беспощадный. И, быть может, поэтому он согласился возглавить суд по делам декабристов, многим идеям которых безусловно сочувствовал, и тем не менее подписал им самый суровый приговор (догадываясь, быть может, что государь его отчасти смягчит). Подписал не столько из сервильных соображений, сколько потому, что категорически не сочувствовал тем методам, которыми декабристы попытались добиться торжества своих либеральных идей. Поэтому мне кажется, что при всей переменчивости политические взгляды Сперанского в конечном счете базировались на одной и той же фундаментальной идее, в основе которой лежало глубокое уважение к чувству собственного достоинства и неприятие всякого произвола и насилия над личностью, как державного, так и революционного.

Понимаю, что моя версия касательно датировки «Размышлений» Сперанского и эволюции его политических взглядов не подкреплена достаточно убедительными доказательствами, но полагаю, что в качестве гипотезы она имеет право на существование наряду с любой другой.

Б. П. МИЛОВИДОВ

Проект манифеста о гражданах 1826 года и особенности рукописного наследия М. М. Сперанского

Аннотация: Статья посвящена участию М. М. Сперанского в 1826 г. в подготовке манифеста о гражданах, инициатором и основным автором которого выступил Е. Ф. Канкрин. Особое внимание обращено на то, как черновые рукописи Сперанского позволяют проследить его авторскую и редакторскую работу над проектом.

Ключевые слова: манифест 1826 г. о гражданах, М. М. Сперанский, Е. Ф. Канкрин, рукописное наследие М. М. Сперанского.

Одной из важных проблем в изучении документального наследия М. М. Сперанского является атрибуция созданных им проектов, записок, различных деловых бумаг. Установление авторства имеет в данном случае три аспекта: авторство рукописи как материального артефакта, авторство текста как такового (с учетом наличия множества писарских копий) и авторство изложенных в документах идей.

Соотношение этих аспектов иногда весьма сложно, но важно для оценки наследия Сперанского как государственного деятеля, и, в частности, для публикации сочинений реформатора, которая ведется пока еще недостаточно активно, в том числе и по причине трудностей источниковедческого характера.

В этой связи можно вспомнить о некоторых ранних записках Сперанского, написанных, как считает ряд исследователей, «на заказ» и выражавших мнения других лиц, которым он служил своим пером. В частности, С. Н. Валк применительно к запискам 1802 г. вполне обоснованно поставил вопрос о том, «что в этих записках шло от Сперанского, и что в них шло от тех, для кого Сперанский эти записки сочинял»¹. Как полагает М. М. Сафонов, записки «О коренных законах государства» и «Размышления о государственном устройстве империи» принадлежат на самом деле В. А. Зубову. Роль же Сперанского была скорее секретарская².

На позднем этапе своей карьеры Сперанский занимал множество высших государственных должностей по Государственному совету,

¹ Валк С. Н. Предисловие // М. М. Сперанский. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 14.

² Сафонов М. М. О так называемых ранних записках М. М. Сперанского // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXII. Л., 1991. С. 101–117.

Собственной его императорского величества канцелярии и высшим комитетам, через его руки проходило немало важнейших документов. Многие из них он редактировал по долгу службы. При этом степень его участия в создании этих бумаг подчас определить весьма затруднительно. Это связано в том числе и с особенностями его, так сказать, творческого почерка как бюрократа. Редактируя чужой текст, он переписывал его собственноручно заново, часто карандашом, внося затем правки. Все это создает впечатление черновой рукописи и может ввести исследователя в заблуждение, поскольку неясно, имеем ли мы черновой вариант записки самого Сперанского или подготовленный им проект решения какого-то государственного органа, или тот же проект, лишь с отдельными редакторскими правками. Таких черновых бумаг по разным вопросам в архиве Сперанского множество. В каждом случае необходимо отдельное, подчас длительное исследование.

Например, в архиве Сперанского (в его фонде в ОР РНБ) имеется черновик проекта манифеста о гражданах 1826 г. Он принадлежит руке Сперанского и имеет его многочисленные правки. Вводная и заключительная части манифеста (первые два листа) написаны чернилами, основная часть документа карандашом. На первом листе карандашом на полях сделана помета: «Перепис. 7 мая 1826 г.»³. Между тем известно, что подготовка манифеста о гражданах связана с именем министра финансов Е. Ф. Канкрин. 7 мая 1826 г. он представил императору записку, о правилах, на которых предполагалось учредить в России гражданство, т. е. высшее городское сословие, наделенное особыми правами. По мнению министра, эта мера могла способствовать развитию городов и экономики в целом. Канкрин предлагал издать соответствующий закон при коронации, полагая, что это «сделало бы весьма приятное впечатление». Министр финансов испрашивал повеления на внесение дела в Государственный совет и безотлагательное рассмотрение⁴. Повеление было получено и 10 мая 1826 г. министр финансов представил исправляющему должность государственного секретаря А. Н. Оленину для внесения в Государственный совет свою записку «О правилах, на которых предполагается учредить гражданство в России» и соответствующий проект манифеста, который должен был эти правила включать.

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 731. Д. 153. Л. 1–10.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1152. Оп. 1. 1826 г. Д. 29. Л. 14–15.

Записка, включавшая 29 пунктов правил, также имеет дату 10 мая и подписана лично Канкриным⁵. Однако проект манифеста, точнее его вводная и заключительная части, представленные в Государственный совет, ни даты, ни подписи не имеют. А на месте, где должны быть перечислены правила, вписано: «& & & от 1-го до 29-го включ.»⁶.

Проект манифеста об учреждении в России временного и наследственного гражданства был рассмотрен 14 мая на заседании Соединенных департаментов Законов, Гражданских дел и Государственной экономии, когда были внесены некоторые изменения и дано «приличное разделение» параграфов, а 5 июня измененный проект вместе с проектом указа Сенату утверждены и было положено внести их на рассмотрение Общего собрания Государственного совета⁷. Критиком первоначального проекта выступил А. Н. Оленин, сформулировавший свои замечания в записке от 14 мая 1826 г. Он обратил внимание на то, что права наследственного гражданства планировалось предоставлять выпускникам Академии художеств лишь через 15 лет непрерывного и успешного «упражнения» в художествах. В то время как по привилегии, данной Академии художеств в 1764 г., ее выпускники получали права, проектировавшиеся для наследственных граждан, сразу после получения аттестата. Вторая претензия Оленина состояла в том, что личным дворянам для получения почетного гражданства надо было прослужить в соответствующих чинах 12 лет, в то время как купцам первой гильдии пробыть в ней всего 10 лет. Отсылки, сделанные Олениным на номера и пункты статей, без сомнения свидетельствуют, что он критиковал именно тот вариант проекта, который подал министр финансов⁸.

В архиве Государственного совета в РГИА, в фонде Департамента государственной экономии, имеется проект манифеста, исправленный по результатам обсуждения в Соединенных департаментах. Преамбула и заключительная часть манифеста перемен почти не претерпели; в преамбулу была добавлена лишь формула «вняв мнению Государственного совета». Основная часть документа при сохранении большинства норм, предложенных Канкриным, получила более ясную структуру (статьи были сгруппированы в пять разделов, обозначенных римским

⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1826 г. Д. 29. Л. 1–13.

⁶ Там же. Л. 16–17 об.

⁷ Архив Государственного совета. Т. 5. СПб., 1904. Стб. 189–194.

⁸ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1826 г. Д. 29. Л. 18–19 об.

цифрами: I. Права гражданства; II. Приобретение прав гражданства. III. Порядок вступления в гражданство; IV. Последствие прав гражданства; V. Лишение прав гражданства). Количество статей уменьшилось с 29-ти до 21-й, они стали короче и яснее. Замечания, сделанные Олениным, также оказались учтены. Правовая коллизия, связанная со статусом выпускников Академии художеств, устранена; право наследственного гражданства предоставлялось теперь не самим личным дворянам, а их детям — при условии, если отец пользовался правами личного дворянства в течение 6 лет⁹. Нормы статьи, касающейся уплаты взносов при получении наследственного гражданства, перенесены из манифеста в проект указа Сенату с перераспределением назначения платежей в пользу нужд города и на развитие торговли, а не просто «в казну»¹⁰.

Сохранившийся в Отделе рукописей РНБ автограф Сперанского состоит из двух частей. Первые два листа, написанные чернилами — преамбула и заключительная часть манифеста, — очевидно, являются черновиком по отношению к первоначальному варианту, внесенному Канкриным в Государственный совет 10 мая. Об этом говорит и характер правок в черновике. Неверный год издания Жалованной грамоты городам, очевидно написанный Сперанским по памяти, имеется только в его черновике и там же исправлен. Текст содержит многочисленные вставки и правки, учтенные уже в первоначальном проекте¹¹. Таким образом, объясняется и отметка на первом листе, свидетельствующая о том, что текст был переписан 7 мая, то есть в день, когда министр финансов подал своей проект Николаю I. Сперанский, который был членом Государственного совета по Департаменту законов и начальником II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, имея в виду спешность дела, видимо, сразу же занялся проектом манифеста. Повеление императора обсудить проект в Государственном совете и решение Совета еще не последовало. Поэтому ни в черновике, ни в первоначальном проекте соответствующей формулы еще не было. Взаимодействие Сперанского и Канкринина при подготовке важных документов в Николаевское царствование — не редкость. Так что М. М. Сперанского можно считать автором вводной и финальной частей манифеста.

⁹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1826 г. Д. 29. Л. 32–42 об.

¹⁰ Там же. Л. 8, 31 об.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 731 Д. 153. Л. 1–2.

Вторая часть автографа Сперанского, написанная карандашом — это черновик главной части проекта (статей), уже переработанного по результатам заседания 14 мая, того самого, который хранится, как уже говорилось, в архиве Государственного совета. В черновике уже учтены замечания Оленина, изменена структура документа (введены разделы), порядок и формулировки статей почти такие же, как в беловом варианте. Таким образом, вторая часть рукописи — это результат редакторской работы Сперанского. Правда, IV раздел в черновике лишь обозначен, текст составляющих его статей отсутствует, а V раздел намечен лишь конспективно¹². Но и имеющихся данных вполне достаточно для того, чтобы понять соотношение текстов и порядок работы над проектом манифеста.

Между черновым автографом Сперанского из РНБ и беловым проектом из РГИА, очевидно существовал еще какой-то промежуточный вариант. Правки, которые вносились на этом этапе, были уже незначительными, но кто был их инициатором — к сожалению, неизвестно. Например, и в проекте Канкрин, и в черновике Сперанского говорилось, что потомственное (наследственное) гражданство может принадлежать лишь российским подданным христианского исповедания¹³. А в окончательном варианте проекта потомственное гражданство не могли приобрести только евреи¹⁴.

5 июня 1826 г. члены Соединенных департаментов заслушали подготовленный по результатам заседания 14 мая манифест и проект указа. Документы решили утвердить и внести на суд Общего собрания Государственного совета. Однако председатели департаментов Законов В. А. Пашков и Государственной экономии А. Б. Куракин считали, что издание закона о гражданстве в тревожной политической обстановке, в условиях крестьянских волнений несвоевременно. В частности, Куракин опасался, что избавление части населения от рекрутской повинности и телесного наказания «родит» в низших классах «сперва желание, а потом решительное намерение употребления всех возможных средств» сравняться в правах с высшими. Не издавать до коронации манифеста считали правильным также граф К. А. Ливен

¹² ОР РНБ. Ф. 731 Д. 153. Л. 3–10.

¹³ Там же. Л. 3 об.; РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1826 г. Д. 29. Л. 4 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1826 г. Д. 29. Л. 33 об. — 34.

и А. У. Болотников¹⁵. В итоге Общее собрание Государственного совета 28 июня 1826 г. решило не спешить с обнародованием закона «доколе порядок водворится», поскольку речь шла о предоставлении новой категории населения свободы от телесного наказания и рекрутской повинности. За публикацию манифеста выступили Н. С. Мордвинов, граф М. С. Воронцов и М. М. Сперанский, а также И. В. Васильчиков. Однако 8 июля 1826 г. император утвердил мнение большинства¹⁶.

Позднее вопрос был передан на рассмотрение Комитета 6 декабря 1826 г., который 6 марта 1830 г. внес в Государственный совет проект «Дополнительного закона о состояниях». За 1827–1830 г. по подсчетам П. Д. Николаенко сам проект и приложения к нему рассматривались 43 раза. Четвертый раздел этого закона был «о гражданстве». Он отличался от проекта 1826 г.: устанавливались четыре сословия граждан (граждан чиновных, именитых, почетных и мещан), давалась возможность приобретения чиновного и именитого гражданства службой и т. д.¹⁷ После обсуждений и правок Чрезвычайное собрание Государственного совета 26 апреля 1830 г. одобрило закон и большинством голосов рекомендовало его немедленно опубликовать. Однако император поддержал мнение меньшинства и отложил его издание. Закон так и не был введен в действие, и решающую роль в этом сыграли великие князья Константин Павлович и Михаил Павлович¹⁸. Впервые официально звание почетных граждан было введено именным указом Сенату 19 октября 1831 г. для шляхты Западных губерний, не доказавшей своих прав на дворянство¹⁹. В общероссийском масштабе манифест о создании сословия почетных граждан был издан 10 апреля 1832 г.²⁰ Его основой послужил не проект дополнительного закона о состояниях, а текст манифеста, утвержденный в 1826 г.

История подготовки в 1826 г. манифеста о гражданах показывает, что наличие в архиве М. М. Сперанского рукописи, даже имеющей вид чернового автографа, не гарантирует принадлежность ему авторства

¹⁵ Архив Государственного совета. Т. 5. СПб., 1904. Стб. 193–195; РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1826 г. Д. 29. Л. 21–22, 29–30.

¹⁶ Архив Государственного совета... Стб. 195.

¹⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 90. М., 1894. С. 370–377.

¹⁸ См. подр.: Николаенко П. Д. Что помешало В. П. Кочубею принять дополнительный закон о состояниях // Клио. 2011. № 5 (56). С. 130–132.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. 6, отд. 2. № 4869; Рикман В. Ю. Второе дворянство: Сословие почетных граждан в России (общее положение и законодательство). М., 1992. С. 4, 5.

²⁰ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 6. № 5284.

текста. Не будь дела Государственного совета «Об учреждении гражданства в России», в котором отразилась история проекта манифеста, определить роль Сперанского в создании этого документа было бы весьма затруднительно. И подобных черновых бумаг в архиве Сперанского множество. Они требуют самого внимательного изучения. Их правильная интерпретация невозможна без учета широкого делопроизводственного контекста и понимания механизма функционирования российской бюрократической машины.

Л. П. МУРОМЦЕВА

Роль С. А. Муромцева в становлении российского парламентаризма

Аннотация: В начале XX в. имя С. А. Муромцева — крупнейшего ученого-юриста, блестящего адвоката, либерального общественного деятеля знала вся просвещенная Россия. Избранный 27 апреля 1906 г. на высокий и ответственный пост председателя I Государственной Думы, Сергей Андреевич приложил колоссальные усилия к выработке и внедрению в думскую практику регламента и процедурных норм, что оградило Думу от превращения в митинговое собрание. Своими теоретическими трудами он заложил основы парламентаризма в России.

Ключевые слова: Государственная дума, конституция, парламентаризм, выборная система, депутат.

На протяжении многих десятилетий либералы боролись за созыв общероссийского выборного собрания народных представителей. Впервые идею создания в России представительного учреждения под названием «Государственная дума» изложил еще выдающийся реформатор М. М. Сперанский в своем проекте преобразований «Введение к уложению государственных законов» (1809)¹. Осуществить эту идею удалось лишь через сто лет. В критической для российского самодержавия ситуации — в разгар революции 1905–1907 гг., столкнувшись с необходимостью легитимации собственного режима, верховная власть решилась на частичную модернизацию государственного устройства империи. В 1905 г. в ответ на активные революционные действия народных масс и требования либеральной общественности Николай II пошел на уступки, издав 17 октября Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором провозглашались политические свободы, и устанавливалось как незыблемое правило, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей». За Манифестом последовал именной указ Сенату от 11 декабря 1905 г. «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу»².

Еще продолжалась революция, а в Петербург в конце апреля 1906 г. начали съезжаться со всех концов Российской империи народные избран-

¹ Конституционные проекты в России XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 348–410.

² Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1994. Т. 9. С. 41.

ники. Всего в Думу было избрано около 500 человек. Относительное большинство мест (свыше одной трети) на выборах в Думу завоевали конституционные демократы, заранее согласовавшие на своем партийном съезде кандидатуру ее председателя — Сергея Андреевича Муромцева, известного ученого-юриста, адвоката, либерального общественного деятеля. Его кандидатура получила одобрение и думских депутатов, представлявших другие политические партии, и беспартийных парламентариев и при голосовании прошла почти единогласно. Избрание председателем I Государственной думы стало венцом жизненного пути С. А. Муромцева, его многолетнего служения обществу.

Родился Сергей Андреевич 23 сентября 1850 г. в Петербурге, на Фонтанке, в казармах лейб-гвардии Московского полка, в котором служил офицером его отец Андрей Алексеевич. Происходил он из старинного дворянского рода, корни которого сам Сергей Андреевич проследил до XVI в. Все Муромцевы по мужской линии были военными³. Вопреки семейной традиции Сергея Муромцева совсем не привлекала перспектива военной службы. Он избрал для себя научное, а затем политическое поприще. К этой деятельности он готовился с юных лет.

Особенно запомнились близким Сергея Андреевича его детские игры в «государство». Он объявил отцовское имение Лазавку (в Новосильском уезде Тульской губернии) конституционным государством, в котором имелся парламент с верхней и нижней палатами, размещавшимися в двух беседках сада, а резиденция его главы располагалась в господском доме. Сергей сочинил конституцию своего государства, а чуть позже стал выпускать ежедневную семейную газету. Таким образом, уже в детстве постепенно формировались многие черты характера и будущие интересы Сергея Андреевича⁴.

К сентябрю 1860 г. семья Муромцевых переселилась из тульского имения Лазавка в Москву. Здесь Сергей поступил в гимназию и в 1867 г. окончил ее с золотой медалью⁵. Задолго до окончания гимназии он вполне осознанно и твердо сделал свой жизненный выбор, считая юриспруденцию и самым подходящим для себя, и весьма нужным людям занятием⁶.

Рано проявившийся интерес к государственному праву привел Сергея Муромцева в 1867 г. на юридический факультет Московского университета, в 1871 г. он был утвержден Советом Московского университета в степени

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

⁵ [В.Н.] Из семейной и личной жизни // Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. М., 1911. С. 59–61.

⁶ ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 3–4.

кандидата права «за отличные успехи». В 1875 г. Сергей Андреевич защитил диссертацию и получил степень магистра гражданского права. В 1877 г. последовала успешная защита докторской диссертации «Очерки общей теории гражданского права». Следующие вехи в его послужном списке — экстраординарный и ординарный профессор кафедры римского права (1878), проректор Московского университета (1880–1881). Одна за другой издавались новые книги С. А. Муромцева. Всего список печатных работ С. А. Муромцева насчитывает свыше 180 наименований⁷. Наряду с напряженными научными исследованиями Сергей Андреевич постоянно читал в университете лекции и, по отзывам слушателей, был прекрасным оратором⁸.

Прирожденный либерал, сторонник создания в России правового государства, С. А. Муромцев в воспитании правосознания общества придавал большое значение публицистике. «Будущее не должно застать нас врасплох», — часто говорил он. В 1878–1892 гг. Сергей Андреевич возглавлял журнал «Юридический вестник», а с 1880 г. был избран председателем Московского юридического общества⁹.

Политический климат России между тем постепенно менялся. Как известно, после убийства народовольцами императора Александра II реакция перешла в наступление. С принятием реакционного университетского устава 1884 г. участь либерально настроенных профессоров была решена. С. А. Муромцев вместе с другими профессорами был уволен из университета «за распространение либерализма» и «политическую неблагонадежность». Оторванный от университетской среды, С. А. Муромцев сосредоточил свою деятельность в области практической юриспруденции. Огромная эрудиция, честность, принципиальность создали ему блестящую репутацию адвоката¹⁰.

На протяжении многих лет Сергей Андреевич активно участвовал в земском движении¹¹. Но пик плодотворнейшей деятельности С. А. Муромцева пришелся на 1904–1906 гг.: начиная с ноября 1904 г. он активный участник всех земских съездов, автор важнейших программных документов либералов. В это время С. А. Муромцев словно переживал вторую

⁷ Перечень публикаций С. А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев... С. 407–419.

⁸ Нечаев В. М. С. А. Муромцев — как ученый и профессор. СПб., 1910. С. 8; Шершеневич Г. Муромцев — как ученый // Сергей Андреевич Муромцев... С. 90.

⁹ Юридический вестник. 1882. Кн. I. Приложения. С. 5–6.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

¹¹ Астров Н. И. В Московской городской думе // Сергей Андреевич Муромцев... С. 158–179; Шаховской Д. И. Работа в земстве // Там же. С. 180–204; Муромцев С. А. Статьи и речи. М., 1910. Вып. IV.

молодость. Не жалея сил, захватывая нередко ночные часы, он подолгу сидел над текстами, столь нужных стране проектов законов, оттачивая до блеска их формулировки. И по праву проект конституции, представленный на рассмотрение земского съезда в июле 1905 г., именуется «муромцевским»¹². Этот документ стал теоретической основой последующего конституционного движения в России¹³. Конституционная модель Муромцева была призвана не столько заменить существующие законы, сколько постепенно наполнить их новым содержанием. Муромцев, как и многие другие либералы, считал наиболее целесообразным введение в России конституционного строя с помощью ряда реформ сверху, последовательно осуществляемых самой монархической властью¹⁴.

Впервые проект конституции был опубликован 6 июля 1905 г. в газете «Русские ведомости». Он состоял из 6 разделов и 113 статей, представляя собой достаточно сжатый и четко сформулированный документ¹⁵. Можно, таким образом, считать, что проект Муромцева на определенном этапе создавал основу и возможность исторического компромисса конституционно-либерального движения и монархического правительства, объединения их усилий по преодолению революционного кризиса. Возможность эта оказалась тогда не реализованной¹⁶.

С 12 по 18 октября 1905 г. в Москве проходили заседания первого учредительного съезда партии конституционных демократов. С. А. Муромцева, принявшего деятельное участие в его подготовке, избрали в состав Центрального Комитета, а в апреле 1906 г. он прошел в I Государственную думу от кадетов по Москве¹⁷. С избранием в депутаты Думы С. А. Муромцев становился и потенциальным кандидатом от партии на пост ее спикера.

Известный как талантливый председатель еще с 80-х гг. XIX в., времен расцвета Московского юридического общества, блестяще зарекомендовавший себя в 1904–1905 гг. на земско-городских съездах, Муромцев, по мнению многих современников, был лучшей кандидатурой на этот пост. К его известности как председателя добавлялось еще и профессиональное

¹² ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–3.

¹³ Кокошкин Ф. Ф. С. А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев... С. 205–250.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 16; Медушевский А. Н. Конституционный проект С. А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1996. С. 173–196.

¹⁵ Проект Основного и Избирательного законов в редакции С. А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев... Приложение первое. С. 384–406.

¹⁶ Медушевский А. Н. Сергей Андреевич Муромцев // Российские либералы. М., 2001. С. 304.

¹⁷ Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 183–184.

знание парламентских порядков европейских стран, безупречный нравственный авторитет как политика «чистых рук».

Избранный 27 апреля 1906 г. на высокий и ответственный пост председателя I Государственной думы, к которому он готовился всю предшествующую жизнь, Сергей Андреевич возложил на себя огромное бремя ответственности и перед депутатами, и перед всей Россией.

Установив для себя с первого же дня сверхжесткий режим работы с десяти часов утра и зачастую до трех часов ночи, Муромцев совмещал организационную работу в Думе и председательство на большинстве заседаний парламента с активной законодательной работой, прежде всего в части подготовки основных статей Наказа (регламента) Думы¹⁸. Как председатель I Государственной думы, С. А. Муромцев сделал все, что мог, дабы направить ее работу в нормальное парламентское русло¹⁹.

Такая либеральная Дума оказалась слишком большой обузой для царского самодержавия. Созданная на пять лет, она просуществовала всего 72 дня. 8 июля 1906 г. Николай II подписал Манифест о ее роспуске. Как видим, ростки парламентаризма приживались в России на заре XX в. с большим трудом. В знак протеста против роспуска Думы около двухсот депутатов во главе с С. А. Муромцевым собрались в Выборге, где подготовили воззвание «Народу от народных представителей», в котором призвали население к гражданскому неповиновению — отказу от уплаты налогов и от призыва на военную службу до созыва нового всероссийского представительного учреждения²⁰. Наряду с другими поставил свою подпись под документом и С. А. Муромцев, внутренне, возможно, и не вполне согласный с такой формой протеста. Вскоре власти привлекли к судебной ответственности бывших думских депутатов, подписавших Выборгское воззвание. Их лишили избирательных прав и права быть избранными в Государственную думу.

Но Муромцев, не сломленный духовно, продолжал жить с верой в лучшее для страны будущее, занимаясь подготовкой Наказа для будущей Думы. Из 24 работ 1907 г. почти половина — одиннадцать, посвящены именно вопросам организации ее работы²¹. Он продолжал углубленную разработку как самого регламента, так и отдельных вопросов правового

¹⁸ *Винавер М.* Муромцев — адвокат и председатель Государственной думы // Сергей Андреевич Муромцев... С. 270.

¹⁹ *Кизеветтер А. А.* Сергей Андреевич Муромцев. Председатель Первой Государственной Думы. М., 1918. С. 12–13.

²⁰ Политические партии и движения России: Документы и материалы. М., 2001. Т. 1. С. 26.

²¹ *Аронов Д. В.* Сергей Андреевич Муромцев — от Лазавки до Таврического дворца: политик, ученый, педагог. Орел. 2020. С. 172.

регулирования положения депутатов Думы. Достоинейшим было его поведение и во время суда в Петербурге над депутатами I Государственной думы 12–18 декабря 1907 г., и в период трехмесячного пребывания в Таганской тюрьме в Москве²².

Формально оставшийся не у дел бывший председатель и создатель регламента первого русского парламента продолжал активно работать и в роли адвоката, и в качестве профессора по кафедре гражданского права Московского университета, и как преподаватель на Высших женских юридических курсах, в Коммерческом институте, а с 1 октября 1908 г. входил в число лекторов «первого призыва» Народного университета им. А. Л. Шанявского²³.

В сентябре 1910 г. Сергей Андреевич отметил свое шестидесятилетие, юбиляр был переполнен жизненными планами, но им не суждено было осуществиться. В ночь с 3 на 4 октября 1910 г. Сергей Андреевич скончался от сердечного приступа.

Весть о смерти С. А. Муромцева разнеслась по всей России от Петербурга до Владивостока. Скорбные некрологи напечатали многие русские и зарубежные органы прессы. Такой массовой манифестации Москва не знала, пожалуй, со времен первой русской революции²⁴. Траурная церемония на Донском кладбище продолжалась до позднего вечера. Выступавшие говорили об удивительной целостности личности Сергея Андреевича, о верности его идеалам свободы, о том, что имя Муромцева навсегда останется символом российского парламентаризма.

²² Суд над Первой Государственной Думой 12–18 декабря 1907 г. СПб., 1908; *Обнинский В. П.* 90 дней в тюремном заключении. Тюремные заметки. М., 1917.

²³ *Шаховской Д.* Из последних лет жизни // Сергей Андреевич Муромцев... С. 377; Речь. 1908. 6 декабря.

²⁴ См.: Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910.

М. Г. НАЗАРОВА

**Владимирские страницы
биографии М. М. Сперанского (1772–1839)
в документах Государственного архива Владимирской области**

Аннотация: Представлены документы и материалы о семье М. М. Сперанского, о его обучении во Владимирской духовной семинарии, хранящиеся в Государственном архиве Владимирской области, в том числе внесенные в Региональный Реестр уникальных документов Владимирской области.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, село Черкутино, Владимирская духовная семинария, Государственный архив Владимирской области.

Михаил Михайлович Сперанский — уроженец Владимирского края, выдающийся государственный деятель России первой половины XIX в., родился в семье Михаила Васильевича — священника Николаевской церкви села Черкутино Владимирского уезда в 1772 году, закончил Владимирскую духовную семинарию в 1788 году.

В Государственном архиве Владимирской области сохранился ряд документов, связанных с владимирским периодом жизни великого реформатора.

Владимирские архивисты неоднократно предпринимали попытки отыскать метрическую книгу с записью о рождении Михаила Сперанского, однако эти попытки не увенчались успехом. Таким образом, подтвердилась информация барона М. Корфа, биографа М. М. Сперанского, о том, что метрические книги Черкутинской церкви за 1771 и 1772 годы с возможной записью о рождении Михаила в архиве консистории не сохранились¹.

Сохранились и ныне находятся на хранении в Государственном архиве Владимирской области исповедные росписи Богородицкой и Николаевской церквей села Черкутино Владимирского уезда. В них имеются сведения о семье, в которой родился и рос Михаил Сперанский. В те годы фамилию предки Сперанского не носили.

Исповедная роспись церкви Рождества Пресвятой Богородицы за 1770 год, в которой служил дед Михаила Сперанского священник Василий Михайлов, сообщает о его сыне диаконе Михаиле Васильевиче: он родился около 1740 года, был женат на Прасковье Федоровне и имел

¹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского: В 2 т. СПб., 1861. Т. 1. С. 2.

двоих детей: Марию, около 1764 года рождения, и Андрея, около 1768 года рождения².

Вскоре диакон Михаил Васильевич был рукоположен епископом Владимирским и Муромским Иеронимом во священника ко второй церкви села Черкутино, Николаевской.

В исповедной росписи Николаевской церкви, поданной во Владимирскую консисторию настоятелем священником Дмитрием Козьминым 14 мая 1771 года, отец Сперанского Михаил Васильевич значится уже вторым священником, и в его семье кроме Андрея и Марьи записана дочь Екатерина. Сын Михаил в росписи не значится³.

Наконец, в исповедной росписи Николаевской церкви, поданной 6 июля 1772 года, в семье Михаила Васильевича показаны двое детей: дочь Марья и сын Михаил — возраста «полугоду»⁴.

О характере отца Сперанского Михаиле Васильевиче говорит заведенное в 1783 году во Владимирском наместническом правлении дело о его оскорблении со стороны священника черкутинской Богородицкой церкви Ивана Семенова за обличение в нетрезвом служении вечерни. По дознаниям Покровского нижнего земского суда, свидетелями были дворовые люди черкутинского помещика, генерал-аншефа графа Николая Ивановича Салтыкова — певчие малороссияне Семен Нестеров, Яким Иванов и Никифор Григорьев, которые от дачи показаний уклонились и уехали в Москву в дом Салтыкова⁵.

Когда Михаилу исполнилось 7 лет, отец определил его на обучение во Владимирскую духовную семинарию. В те годы Владимирская семинария размещалась в двух зданиях: одна часть ее находилась в восточной части города — Ветшаном городе, в каменном здании упраздненного Богородицкого монастыря, другая часть помещалась в кремле, в стенах городского Рождество-Богородицкого мужского монастыря, где находились покои епископа.

Биограф М. Корф сообщает, что отец устроил молодого семинариста Михаила для проживания в доме своей сестры Марфы Васильевны, супруги протодиакона Успенского собора Матфея Богословского⁶.

² Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО). Ф. 556. Оп. 111. Д. 57. Л. 172.

³ Там же. Оп. 107. Д. 15. Л. 1202.

⁴ Там же. Оп. 111. Д. 73. Л. 1829.

⁵ ГАВО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1355. Л. 1.

⁶ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского... С. 10.

В ревизской сказке соборных священноцерковнослужителей за 1795 год записан протодиакон Матфей Максимович (без фамилии) с женой Марфой Васильевной и сыном Ксенофонтом⁷.

В доме своей тетки Богословской Михаил проживал вместе со своей двоюродной сестрой Татьяной Матвеевной и ее мужем Иваном Тимофеевичем Смирновым, который с 1779 по 1785 годы служил диаконом в Успенском соборе, а затем стал священником Зачатьевской церкви города Владимира. Вскоре Смирновы выстроили свой дом, куда взяли жить и брата Михаила. Дом Ивана Тимофеевича Смирнова, большой и крепко сложенный, находился за Ивановским мостом в Ветшаном городе в 51 квартале, недалеко от Зачатьевской церкви. В доме Смирновых Михаил Сперанский прожил несколько лет. К Татьяне Матвеевне М. М. Сперанский всю жизнь испытывал самые теплые чувства и не забывал писать ей письма и присылать подарки⁸.

Во Владимирской семинарии воспитанник Михаил получил свою фамилию — Сперанский. Неофит Владимирович Малицкий, один из членов Владимирской ученой архивной комиссии, разбиравший в конце XIX в. архив Владимирской духовной семинарии, нашел в ведомости учеников за 1784 год первое упоминание в семинарских документах о Сперанском: в классе инфимы на начало 1782 года под № 11 записан: «села Черкутина попов сын Михаил Михайлов Сперанский, 11 лет. Дан ему указ о получении пономарского дохода в том же селе»⁹.

В 1785 году семинарию возглавил ректор архимандрит Арсений (Тодорский), его помощником в должности префекта стал настоятель Боголюбова монастыря игумен Евгений (Романов). Последний взял Михаила Сперанского к себе в келейники.

В семинарии студент Сперанский показывал необыкновенные успехи, за что был на казенном содержании и получал жалованье до 1787 года в размере 50 копеек, а с 1787 года, когда он стал студентом философии — 60 копеек ежемесячно.

Среди документов Владимирской духовной семинарии хранятся списки учеников для выдачи им ежемесячного жалованья за январь — май 1788 года, в которых имеется собственноручная роспись Михаила

⁷ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 193. Л. 2.

⁸ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского... С. 13.

⁹ Малицкий Н. В. История Владимирской духовной семинарии. Списки выпускников. Москва, 1902. С. 9.

Сперанского в получении денег¹⁰. Списки заверены подписью ректора архимандрита Арсения. Эти документы внесены в Региональный Реестр уникальных документов Владимирской области.

В июле 1788 года Владимирская семинария была переведена в Суздаль и объединена с Суздальской семинарией, при этом класс философии разместили в Архиерейском доме в кремле, а низшие классы и класс риторики — в Спасо-Евфимиевом монастыре. В Суздаль же перешел и префект Евгений вместе со своим келейником Михаилом Сперанским. С 1 августа 1788 года начались занятия, а осенью 1788 года в семинарии был открыт класс богословия, куда был назначен учителем префект семинарии игумен Евгений.

Оттуда, из Суздаля, в декабре 1788 года два лучших ученика — Михаил Сперанский и Иван Вышеславский — были направлены для поступления в Александро-Невскую семинарию в Санкт-Петербурге¹¹.

В архиве Суздальской духовной консистории Н. В. Малицкий обнаружил два письма, написанные рукой М. М. Сперанского из Александро-Невской семинарии 23 июля 1789 года епископу Суздальскому и Владимирскому Виктору с просьбой выслать денег на покупку учебных книг по алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, философии и французского словаря — всего на сумму 24 рубля 80 копеек, и второе письмо от 30 сентября 1789 года с благодарностью и обещанием вернуть книги в библиотеку Суздальской семинарии¹².

Выдающаяся образованность, неутомимое трудолюбие, знание европейских языков, прекрасная память и блестящий стиль письменной речи, тактичность и другие качества выдвинули Сперанского на самые высокие государственные должности.

Сперанский единственный раз посетил свою родину село Черкутино и город Владимир в 1816 году, по пути в Пензу. Прибыв 10 октября в село, Сперанский остановился у своих родных: своего зятя, черкутинского протопопа Михаила Федоровича Третьякова, сестры Марфы Михайловны и матери Прасковьи Федоровны, в новом каменном доме, выстроенном по его распоряжению на месте старого деревянного дома. На сельском кладбище Сперанский посетил могилу отца, умершего 28 мая 1801 года от горячки. Воспоминания об этом черкутинский

¹⁰ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 591. Л. 1, 8 об. — 9, 23.

¹¹ Малицкий В. Н. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. II. Владимир, 1906. С. 113.

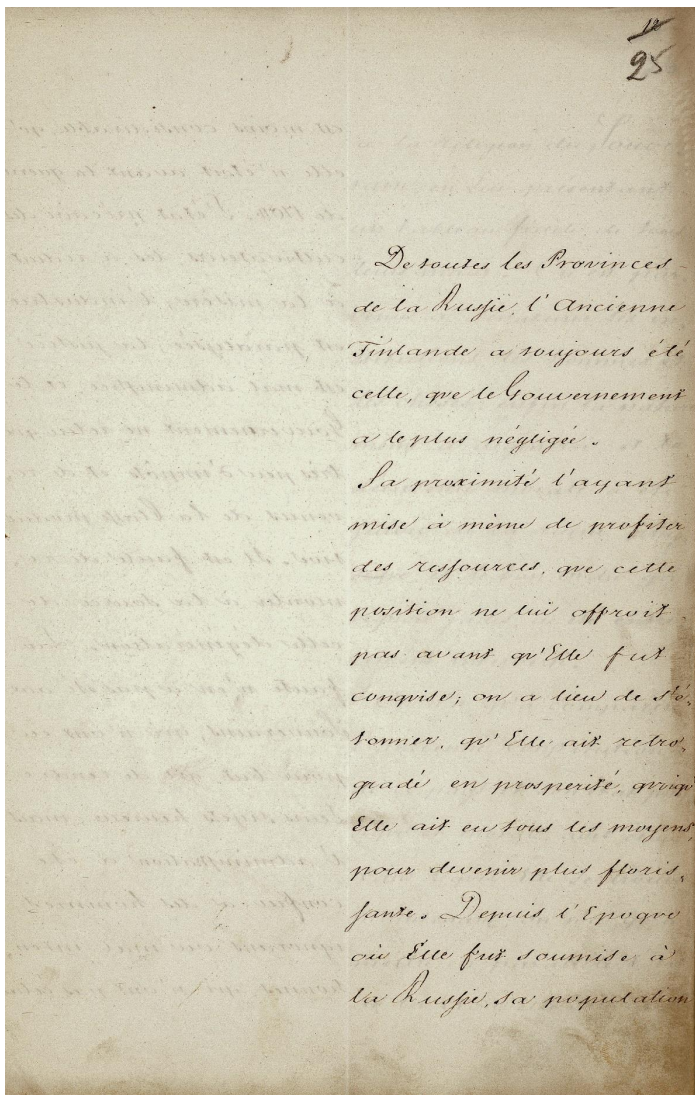
¹² Там же. С. 113–115.

волостной старшина Н. В. Ловачев предоставил редакции газеты «Владимирские епархиальные ведомости» в 1872 году, когда в России, во Владимире и в родном селе великого реформатора отмечалось столетие со дня его рождения¹³.

Имя Михаила Михайловича Сперанского как одного из крупнейших прогрессивных государственных деятелей России чтилось на его малой родине. В селе Черкутино в 1872 году было открыто образцовое народное училище имени Сперанского. Во Владимирской духовной семинарии, воспитанники которой всегда гордились и постоянно интересовались жизнью столь невероятно возвысившегося семинариста, в актовом зале был размещен его портрет в золоченой раме и учреждена ежегодная стипендия его имени для самого лучшего ученика, стипендиат которой получал право к своей родовой фамилии добавить слово — *Сперанский*.

¹³ Владимирские епархиальные ведомости. 1872. № 3. Часть неофициальная. С. 66–70.

De toutes les Provinces
de la Russie, l'Ancienne
Finlande a toujours été
celle, que le Gouvernement
a le plus négligé.

La proximité l'ayant
mise à même de profiter
des secours, que cette
position ne lui offroit
pas avant qu'elle fût
conquise; on a lieu de se
douter, qu'Elle ait rebou-
quadi en prospérité, quoiqu'
Elle ait eu tous les moyens
pour devenir plus floris-
sante. Depuis l'Époque
où Elle fut soumise à
la Russie, sa population

Записка с предложениями о новом устройстве Финляндии
(РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 25)

Copie
-429-
Tres humble aperçu sur la Finlande. — X
III. Comp 274
N 369

La Finlande, qui depuis un siècle a été séparée, vient
enfin d'être réunie sous un même Souverain, et offerte sous son éclairé
et son bon cœur juste et paternel, les spectacles le plus digne d'attention par les
résultats remarquables des vertus étonnantes sur les quelles Alexandre n'a
cessé de méditer depuis son avènement au Trône. Pres même Nation
sous les mêmes températures, avec la même langue, la même habitude, les
mêmes vertus et les mêmes défauts primitifs, peut donc ceffer d'avoir une
ressemblance en un point de contact quelconque pour tout ce qui constitue
la réunion d'être actifs et pensants. Sans m'arrêter à la solution
des ces problèmes, qui peut être superflus en m'adressant à un Prince qui
Catacrate de 30 millions, n'aspire qu'à en être le père, je vais recapituler
quelques faits, qui ont décidé de la prospérité des cette Finlande, qui vient
d'être nouvellement réunie au Empire de l'Empereur.

Il n'y a pas cent ans, que l'agriculture, le commerce et l'industrie
n'étoient etrangiers au Finnois. Ils avoient leurs champs, forêts, ils y faisoient
du Seigle et des vivres, ils avoient des bestiaux qui pouvoient étendre leurs
pâturages sans se faire fournir à tous les besoins les plus urgents, et

К статье Т. В. Богдановой

34
47

Собрание предост.
С.С.

48
контр 24.
М.

В Собрании председателей
департаментов по предложению
Г.С. (Председатель)
принято манифестом о
создании стипендий и коври
франкандий над школами
классами в одном образе
устройства. — Собрание
председателей департаментов
приняло с. кассировскую
полагая сир. предикции
составлять.

38
48

Т.С. а а. Собрание
4 декабря 1811 г.

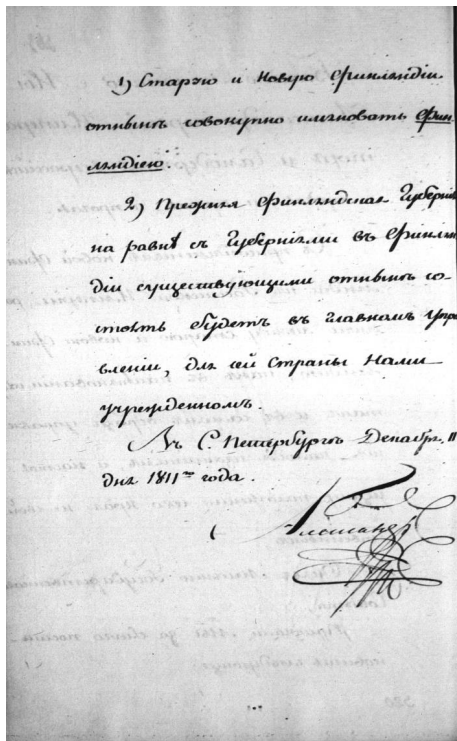
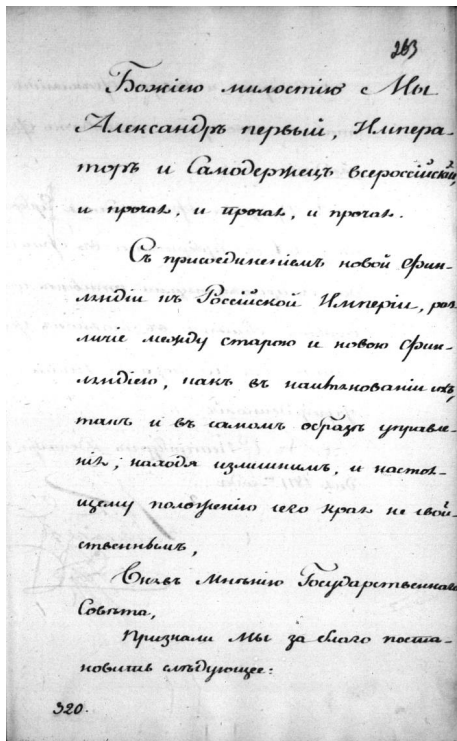
Собрание предост.
С.С.

А именно указав на
манфесты в департамент
на председателей Т.С.
с указанным стипендий
и коври франкандий
над школами.

С.С. ввиду собрания
просьба манифестом
указанным собранию
председателей департаментов
устройства

Черновые журналы заседаний
Особого комитета председателей департаментов Государственного совета от 28 ноября 1811 г.
и Общего собрания Государственного совета от 4 декабря 1811 г., составленные М. М. Сперанским
(РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 15. Л. 47, 48)

К статье Т. В. Богдановой

Манифест императора Александра I от 11 декабря 1811 г. о соединении Старой и Новой Финляндий под одно наименование и один образ управления (РГИА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 8. Л. 263, 263 об.)

К статье Л. Д. Бондарь, А. А. Карского

Евфимий Федорович Карский (1861–1931). 1916 г.
(Из семейного архива)

№ 6009
11 Декабря 1862
11 Декабря 1859

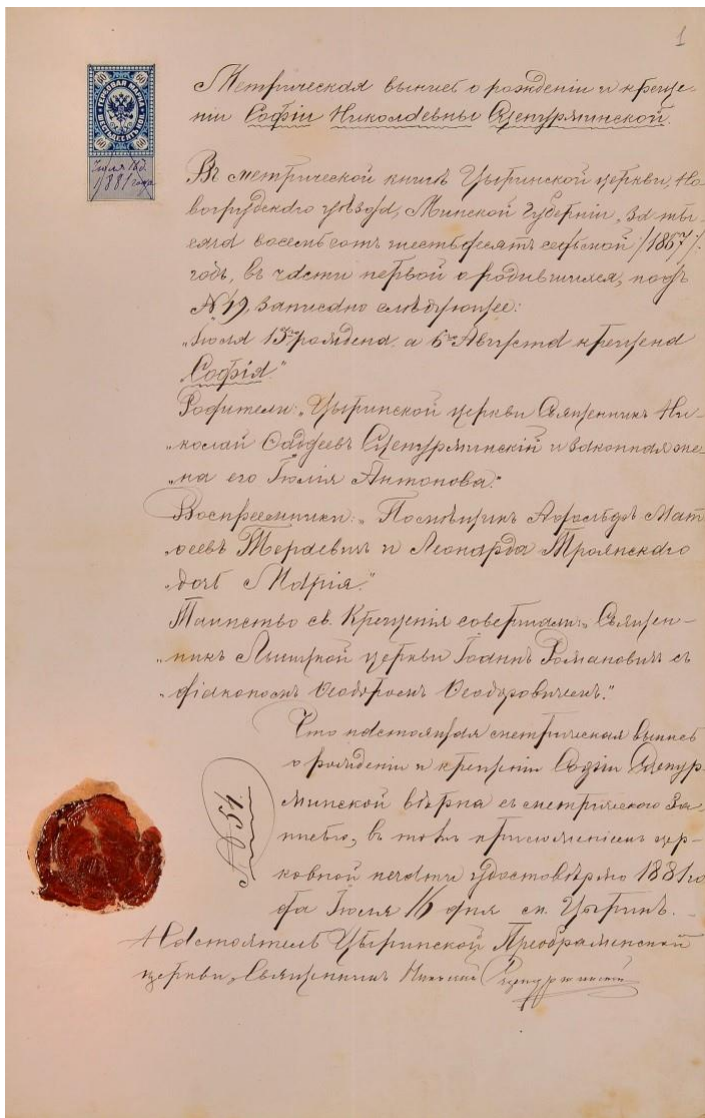
Преподобнейшим Игуменом, Высокопреосвященным сиречь
Отецера Новичком и в духовстве чужаи. Покуда не напечатан
его Высокопреосвященный Игумен, Благочестиво Владычествующий
господин Митрополит. В силу прилагательных Свидетельств, Митрополитом
Высокопреосвященным Митрополитом, Благочестиво Владычествующим
Высокопреосвященным Владыкою

Милостивый Архимандрит и Отец!

Учрежденный изъ Духовнаго звания Давидъ Додя-
тевъ Лашанской Николаевской, что въ Гродненскомъ Бра-
гдере, Церкви, Георгий Новичкинъ, вѣшалъ къ намъ съ про-
шениями о добродѣтели и о принятии его обратномъ
въ Духовное званіе по Митрополитской Свѣдѣтельности.

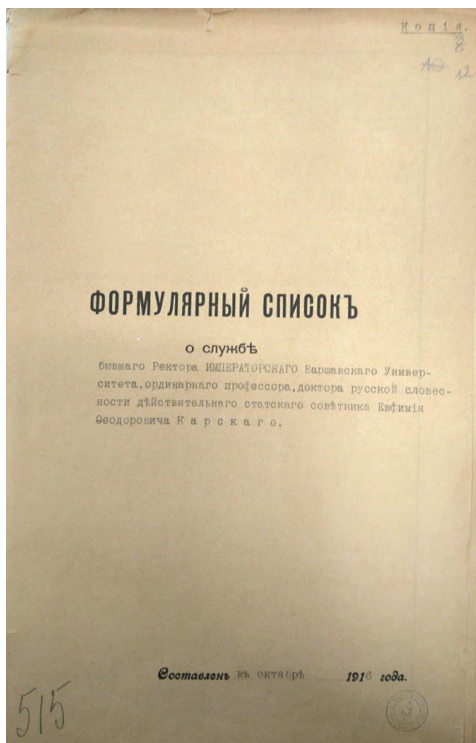
Сказанный Новичкинъ изъ дѣтства воспитывался
въ Гродненскомъ Борисо-Александровскомъ монастырѣ, всегда
былъ себя очень хорошо, учился прилежно и по выхо-
жаніи выдана въ Литовской Духовной Консисторіи,
принятъ въ Духовное званіе, съ опредѣленіемъ его
дѣлаемъ къ упомянутой Лашанской Церкви; потому
въ удовлетвореніе просьбы его я имѣю честь покор-
нѣйше ходатайствовать предъ Вашимъ Высоко-
преосвященствомъ о милостивомъ принятии его
обратномъ въ духовное званіе, въ которомъ онъ жаждетъ
навсегда оставаться въ Церковнослужительской должности,
и съ опредѣленіемъ его дѣлаемъ при какой либо
приходской Церкви.

Ходатайство Антония (Шеметилло),
протоиерея гродненского Свято-Софійского собора,
о принятии в духовное звание отца Е. Ф. Карского Ф. Н. Новицкого
(НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30012. Л. 1)

Выписка из метрической книги о рождении и крещении
супруги Е. Ф. Карского С. Н. Карской, в девичестве Сцеппуржинской
(СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 59. Л. 1)

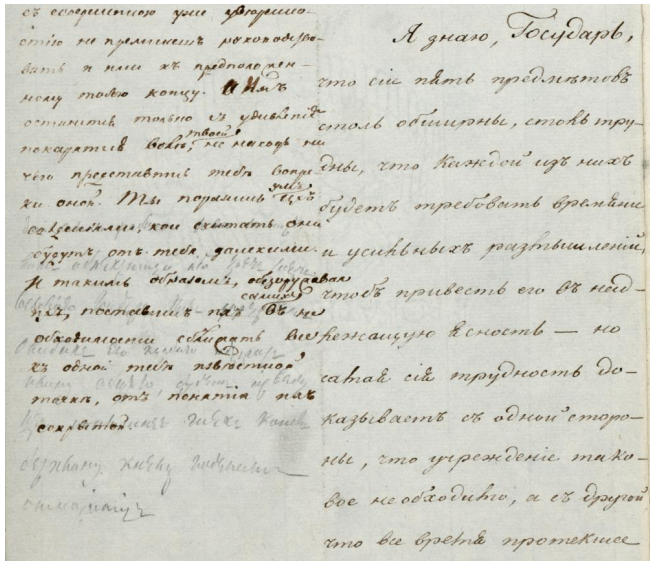
К статье Л. Д. Бондарь, А. А. Карского

I.		II. Есть ли какие...					III.		IV.		V.		VI.		VII.	
Чина, вѣка, отчества, фамилии, должности, званія и т. д.	Имя, отчество, званія, звѣздочки, ордена и медали	Служба в 1880-1889 гг.	Служба в 1890-1899 гг.	Служба в 1900-1909 гг.	Служба в 1910-1915 гг.	Служба в 1916 г.	Служба в 1917 г.	Служба в 1918 г.	Служба в 1919 г.	Служба в 1920 г.	Служба в 1921 г.	Служба в 1922 г.	Служба в 1923 г.	Служба в 1924 г.	Служба в 1925 г.	Служба в 1926 г.
Дѣйствительный статскій совѣтник Евфимій Феодоровичъ Карскій, бывшій Ректоръ Императорскаго Варшавскаго Университета, ординарный профессоръ по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и исторіи русской литературы.	Иезуитъ духовнаго звѣданія.	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
Родился въ 1838 году 28 іюня.	Вѣроисповѣданіе православнаго.	По окончаніи полнаго курса наукъ въ Имѣнскомъ Историко-Видеологическомъ Институтѣ Князя Вяземскаго, съ званіемъ учителя гимназій, давшимъ всѣ права кандидата Университета, назначенъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Виленскую вторую гимназію, распорядителемъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія тысяча восемьсотъ восемьдесятъ пятого года іюля перваго дня.....														
Имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. Св. Анны 2 ст. и серебряную медаль въ память паденья Императора	Предложеніемъ Г. Управлявшаго Виленскимъ Учебнымъ Округомъ назначенъ класнымъ наставникомъ. При опредѣленіи на службу получилъ третіе не въ зачетъ жалованья. По избраніи Педагогическаго Совѣта Виленской 2-ой гимназій состоялъ Секретаремъ оного, каковую должность занималъ съ 7 января 1886 года по 9 января 1889 г. Предложеніемъ Г. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, съ 12 октября 1889 г. за № 6658, выражена благодар-															

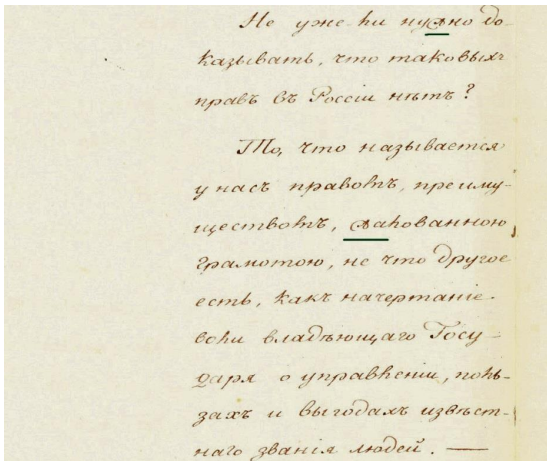
Формулярный список о службе б. ректора Имп. Варшавского университета, ординарного профессора Евфимия Феодоровича Карского. 1916 г. (APW. CUW-645. K. 12-12 rev.)

К статье Н. С. Крылова

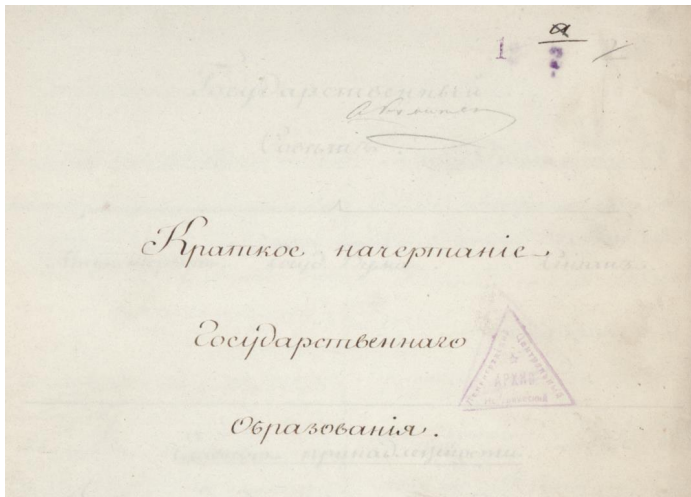
Фрагмент текста

«Размышления неизвестного о государственном устройстве вообще»
(РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 52. Л. 29 об.)

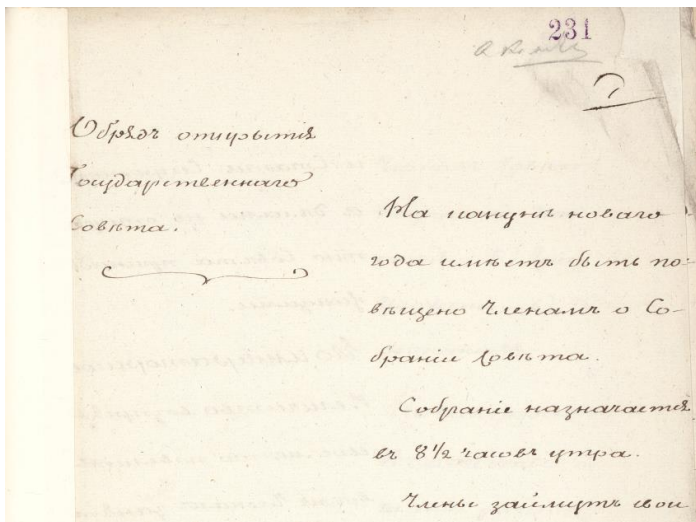

Фрагмент записки графа В. А. Зубова (буква «ж» в кружочке)
(РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 8. Л. 7 об.)

К статье Н. С. Крылова

Карандашная помета «В Комитет» на первом листе рукописи
«Введение к Уложению государственных законов»
(РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 65а. Л. 1)

Аналогичная помета на 231-м листе той же рукописи
(РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 65а. Л. 231)

1.
Важнейшим вопросом (доказано) является состав (в.).

1. В переписку и разработку бумаг
каждого вида в Кавказском военном
Генеральном Штабе.

2. В переписку высших Государственных
учреждений.

3. В архивных документах: 1. что предполагается
2. что есть, 3. что касается остальных св. св.

4. В архивных документах что всего
подробнее, что оставить на своих и часть
заключить.

5. Над материалами ад делу относительно
1. что это каждый в Кавказском, 2. то
что Г. Кавказскому портально было, 3. то
что сам Г. Кавказскому предположить.

Образец почерка Николая I (заглавная буква «К»)
(РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 2. Л. 1)

Анна Васильевна!

Накраси у мене видко
краси; асодрами
даво мид, на погала
і наєв испардими
і мати испардими
ми идев даров.

Де ми всад оди
і все царстві
колати маючі
і сні (всє) владу

Внес.

у мене село
Гитице №34. 2-го

Цел Императорскія
Высочества, Слава
Богу здоровью.

Великий князь Роман-
миль, был не озем здоров
с 7го на 4го число, когда
была рвота и ввєра поест
отда ує был советал
здорове и весель. ардм
показает что онв озем был
озорент отъздонъ Вацого
Величества и Императрицы
и отъ того его рвало ролетос
иє полуренивкь накетови
вє советвєтьє Вацки ружи
я отив сєль курьнєль ту
кормил сѣл, тамє какъ
яроситєл делаетъ жмє
вє соли вєлємури на сє
трьєтє. вєгоднє у насъ былъ
и фєвєрвєржє.

Внє Александръ Толкувил

Лист донесения князя А. Н. Голицына Николаю I с резолюцией императора. 9 сентября 1834 г. (URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rak/rak-304-.htm?cmd=p>)

№ 1118 Покана июля 6 июля 1772 года

Месяц Огавства иерархия, Балшав в Одер иерархия

Роггиса Владимирского уезда села Николаевской церкви

Николая Ероггисова священника Владимирский иерархия
 Михаил Балшав (Сретенский) Одерский Трионский
 иерарх Одерский иерархия иерарх Одерский иерархия
 Трапезный иерархия Одерский и Одерский (иерархия)
 Успенский иерархия Одерский иерархия (иерархия)
 Покана Английский иерархия 1772, 20 июля 181

Служба	Имя	Возраст	Положение
1	Иван	51	иерархия
2	Анна	36	иерархия
3	Василий	15	иерархия
4	Михаил	8	иерархия
5	Анна	39	иерархия
6	Василий	29	иерархия
7	Михаил	7	иерархия
8	Анна	30	иерархия
9	Василий	25	иерархия
10	Михаил	2	иерархия
11	Анна	5	иерархия
12	Василий	20	иерархия

Всего душ 111

Секретарь: [Подпись]

Исповедная ведомость Николаевской церкви села Черкутино Владимирского уезда Владимирской губернии, подана 6 июля 1772 года (ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 73. Л. 1829)

№ 1

1

Списокъ.. Владимирской семинарии ученикамъ для выдачи
за Января и Февраля мѣсяцы 1788го года жалованья семипенныхъ

Философич		
1	Михайлу Степанскому	1 20 Оныя деньги Михайло Степан- ский принял и росписался
2	Михайлу Палазову	2 40 Оныя деньги два рубля сорочк Копышев принял Михайло палазов и росписался.
3	Ивану Аляксискому	2 40 Оныя деньги два рубля сорочк Иванов Иван Аляксиский при- нял и росписался.
4	Евгению Простосердову	2 40 Оныя деньги два рубля сорочк, дост Евг Простосердов принял и росписался.
5	Николаю Коларову	2 40 Оныя деньги два рубля сорочк Иванов Николай Коларов при- нял и росписался.
6	Михайлу Спанковскому	2 40 Оныя деньги Михайло Спан- ковский принял и росписался.
7	Павлу Литовичеву	2 40-оныя деньги два рубля сорочк Хотских Павел Литовичев при- нял и росписался.
8	Василью Дороботову	1 60 Оныя деньги один рубль сорочк Дороботов принял и росписался.
9	Алексию Сандуцкому	1 20 Оныя деньги рубль сорочк Копышев Алексей Сандуцкий при- нял и росписался.

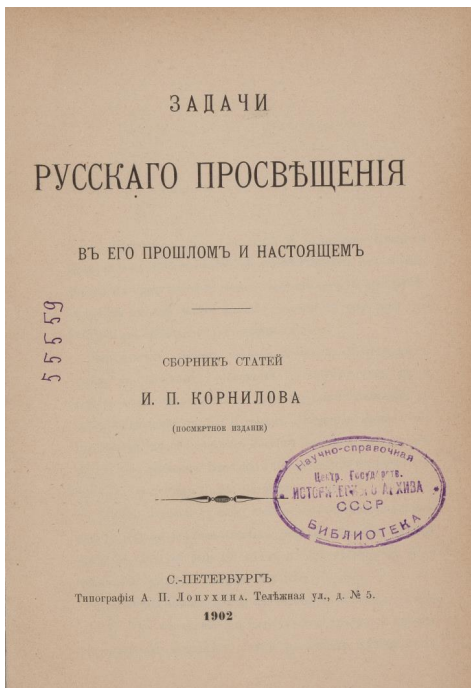
Сети

Список для выдачи жалования ученикам Владимирской семинарии
за январь и февраль 1788 г. (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 591. Л. 1)

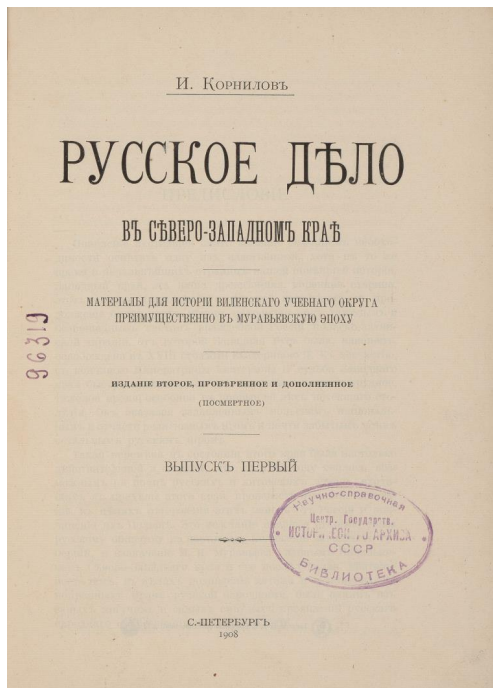

Иван Петрович Корнилов (РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 42. Л. 1)

К статье Г. И. Ульдановой

Корнилов И. П. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. СПб., 1902 (НСБ РГИА)

Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. Вып. 1. СПб., 1908 (НСБ РГИА)

Л. П. МУРОМЦЕВА, В. Б. ПЕРХАВКО

О начале распространения в России термина «крепостное право»

Аннотация: В статье рассматриваются процессы возникновения в России терминологического понятия «крепостное право» и его распространения. Авторы применяют метод изучения понятий и терминов (Begriffsgeschichte), основанный на сочетании структуралистского подхода и лингвистических исследований в области этимологии. Между прочим, уделяется внимание употреблению с первой четверти XIX в. наряду с термином «крепостное право» словосочетания «крепостное состояние».

Ключевые слова: М. М. Сперанский, история понятий, крепостное право, крепостное состояние.

Понятийно-терминологический аппарат истории старой России нуждается сегодня в более четком и научно обоснованном определении. Метод изучения понятий и терминов (Begriffsgeschichte) основан на сочетании структуралистского подхода и лингвистических исследований в области этимологии. Еще с последней трети XX в. он получил распространение в Великобритании и Германии¹. Надо различать социальную терминологию разного рода источников и отдавать предпочтение, конечно же, законодательным и актовым документам, а не нарративным материалам либо публицистическим сочинениям. Следует учитывать и частоту встречаемости того или иного термина в источниках, отличая случайные упоминания от устойчивых стереотипов.

До сих пор остается немало спорных вопросов, связанных с историей российского крепостного права, его зарождением и дальнейшей эволюцией. Исследователи по-разному представляют причины закрепощения

¹ См. литературу об истории понятий: Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века. СПб., 2006; *Рошин Е. Н.* История понятий Квентина Скиннера // Полис: Политические исследования. 2006. № 3. С. 150–158; *Скиннер К.* Свобода до либерализма. СПб., 2006; *Асоян Ю. А.* Практика исследований концептов: от «категорий культуры» к «концептосфере» и «семантике понятий» // Культурология: Дайджест. М., 2008; *Калашиников М. В.* Историко-семантический анализ в историческом исследовании: от истории понятий к истории общественного сознания // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 368–390.

крестьян, роль и значение феодально-крепостнических отношений, их эволюцию².

Рассмотрим, когда же возникло в России само терминологическое понятие «крепостное право» и как оно распространялось. Система крепостного права, окончательно оформившаяся на государственно-правовом уровне в России отнюдь не по Соборному Уложению 1649 г., которое ввело бессрочный сыск беглых крестьян и, казалось бы, навечно прикрепило крестьян к земле (но еще не к личности феодала), а между 1675 и 1688 гг., когда юридически закрепились практика продажи крепостных без земли. Указом от 13 октября 1675 г. такая практика разрешалась, а указом от 30 марта 1688 г. было окончательно оформлено право светских феодалов на регистрацию купли-продажи крестьян без земли в Поместном приказе³.

В основе этимологии прилагательного в словосочетаниях «крепостные люди», «крепостное право», «крепостное состояние», лежит термин «крепость» в значении «документ, удостоверяющий право собственности на недвижимое имущество и людей». Термин «крепостное право» появился в русских источниках далеко не сразу после окончательного закрепощения крестьянства. Пока известен лишь один случай использования во второй половине XVII в. словосочетания «крепостной устав» применительно к положениям Соборного Уложения 1649 г., касавшимся отношений феодалов и крестьян. В челобитной 42 дворян и детей боярских разных

² См. историографические обзоры: Греков Б. Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.; Л., 1940; Смирнов И. И. Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе // 25 лет исторической науки в СССР (1917–1942). М.; Л., 1942; Сказкин С. Д. Основные проблемы так называемого второго издания крепостничества в Средней и Восточной Европе // Вопросы истории. 1958. № 2. С. 96–119; Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978; Шевченко М. М. История крепостного права в России. Воронеж, 1981; Милов Л. В. О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. 1985. № 3. С. 178–198; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 434–482; Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. М., 1990. Т. VIII. С. 120–193; Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен и до 1917 г. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С. 181–182, 250–251, 259, 265, 270, 318, 419, 559–561 и др.; Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006; Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): Сб. обзоров и рефератов. М., 2011; См. также: Крепостная Россия. Л., 1930. С. 243–266.

³ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962. С. 245.

городов на имя царя Алексея Михайловича (датированной В. Н. Сторожевым ноябрем – декабрем 1657 г., а А. А. Новосельским — 21 декабря около 1658 г.) содержалась просьба учинить строгий сыск беглых крестьян, «чтоб, государь, и в предние лета твой государев крепостной устав в сем деле вовеки был неподвижен, и никому б не повадно было Божия даяния, а вашего государского давнаго и вечнаго жалованья, силою и величеством, богатством и граблением, и всяким лукавством и пронырством чюжаго имения восхищати и неправедными прибытки богатеть...»⁴. Очевидно, составители челобитной ссылались на главу XI Соборного Уложения «Суд о крестьянах», но в ее тексте не использованы термины «крепость» и «крепостной», в отличие от главы «О холопах». Согласно проекту Уложения Российского государства 1720–1725 гг., право помещиков на крестьян приравнялось к их праву на недвижимую земельную собственность (поместье)⁵.

Впервые же словосочетание прилагательного «крепостной» с существительным «право» письменно зафиксировано в материалах екатерининской Уложенной комиссии 1767–1768 гг., рассматривавшей злободневный крестьянский вопрос⁶. Выступая 31 июля 1768 г. при обсуждении «Наказа о правах благородных» и, в частности, вопроса о «свободных деревнях», против того, чтобы «право владения крепостных своих деревень переменить на право деревень свободных», дворянский депутат Уложенной

⁴ Документ хранится в РГАДА: Ф. 210 (Разрядный приказ). Московский стол. Стб. № 310/2. Л. 1–10. Впервые был опубликован с неточностями В. Н. Сторожевым: *Сторожев В. Н.* Два челобитья (К библиографии материалов для истории русского дворянства) // Библиографические записки. М., 1892. № 1. С. 14–154. Цитируется по более точной публикации А. А. Новосельского: *Новосельский А. А.* Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. Сборник статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского. М., 1975. С. 312.

⁵ *Маньков А. Г.* Проект Уложения Российского государства 1720–1725 гг. // Проблемы истории феодализма. Л., 1971; *Он же.* Крепостное законодательство в России первой четверти XVIII в. (по материалам проекта Уложения 1720–1725 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971 г. Вильнюс, 1974; *Он же.* Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720–1725 гг. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. ... С. 159–180.

⁶ Подробнее см.: *Флоровский А. В.* Из истории екатерининской Законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910; *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965. С. 240–245 и др.

комиссии А. Похвиснев (из Кром) заявил: «Кажется, сия власть преступает не только пределы подданного, чтоб он мог иметь силу переменить тем на право свободных, которые по власти государя имеют основание свое на праве крепостных...»⁷. В тот же день дворянин-депутат В. И. Неклюдов (Тверь) предлагал: «...Право деревень свободных совсем отставить, а быть на том же праве крепостном, на котором до сего времени происходит»⁸.

Чаще всего в эпоху Просвещения в России при характеристике положения частновладельческих крестьян говорили об их «крепостном состоянии» либо «крепостном рабстве»⁹. Правда, сочинение А. Я. Поленова о положении русского крестьянства озаглавлено «О крепостном состоянии крестьян в России» в 1865 г. его издателем¹⁰. В главе XI Наказа императрицы Екатерины II, данного Комиссии о сочинении проекта нового Уложения (июль 1767 г.), крепостная зависимость именовалась рабством (неволей): «избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной...» (ст. 253); «надлежит, чтоб законы гражданские с одной стороны злоупотребления рабства отвращали, а с другой стороны предостерегали бы опасности могущие оттуда произойти» (ст. 254)¹¹.

Крепостники-помещики считали крепостное право своей неотъемлемой привилегией и не желали и с ней расставаться. С иных позиций относился к правам человека русский правовед-просветитель С. Е. Десницкий, отмечавший в том же 1768 г.: «Оное [право] состоит в утверждении навсегда свободы человеку, единожды оную от господина своего получившему, равномерно и его потомству с запрещением вступить снова в крепость»¹².

⁷ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 36. С. 308.

⁸ Там же. С. 309.

⁹ См.: Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994.

¹⁰ Поленов А. Я. О крепостном состоянии крестьян в России // Русский архив. 1865. С. 287–316.

¹¹ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 75; Белявский М. Т. Вопрос о крепостном праве и положение крестьян в Наказе Екатерины II // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1963. № 6. С. 44–63.

¹² Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, осудительной и наказательной власти в Российской империи / Публ. А. Успенского // Записки императорской Академии наук. 8 серия по историко-филологическому отделению. СПб., 1905. Т. 7. № 4. С. 28 (Материалы для комиссии об Уложении, 1768 г.).

При Александре I словосочетание «крепостное право» стало изредка использоваться в актовых материалах. Вероятно, высшие чиновники империи, в том числе М. М. Сперанский, разрабатывая проекты реформ, обращались к материалам Уложенной комиссии 1767–1768 гг., откуда могли позаимствовать этот термин. Как бы то ни было, 21 декабря 1810 г. вышел указ Сената «О наказании крепостных людей и крестьян, оказавшимися подложно записанными в купцы, мещане и в другое свободное сословие» (со ссылкой на высочайше утвержденное 20 ноября 1810 г. мнение Государственного совета). Этим указом запрещалось возвращать в помещичье владение даже тех «крепостных людей и крестьян, которые окажутся записанными по какому-либо подлогу в купцы, мещане и в другое свободное состояние», но полагалось отдавать их в рекруты либо «отсылать навсегда в крепостную работу, а помещикам в удовлетворение за крепостное право выдавать указную за рекрута сумму»¹³. В тексте более позднего указа Сената от 30 ноября 1821 г. «О невозвращении помещичьих людей в крепостное владение, получивших свободу по отпускным ли от помещиков, или по распоряжению Правительства» имеются две ссылки на мнение Государственного совета от 20 ноября 1810 г. с упоминанием (дважды) словосочетания «крепостное право»¹⁴.

Александр I отказался подписать первый вариант Манифеста 1814 г. о победе России и ее союзников над Наполеоном, подготовленный государственным секретарем адмиралом А. С. Шишковым, из-за того, что в нем восхвалялось крепостное состояние людей, выразившееся в патриархальных отношениях между помещиками и крестьянами. В мемуарах Шишков позже отметит, что у императора уже тогда сложилось «несчастное предубеждение против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка»¹⁵. 16 апреля 1818 г. один из сподвижников Александра I Н. Н. Новосильцов направил малороссийскому военному губернатору Н. Г. Репнину отрицательный отзыв на записку о регламентации отношений между крестьянами и помещиками С. М. Кочубея, бывшего предводителя дворянства Полтавской губернии.

¹³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 31. № 24467. С. 493–494.

¹⁴ Там же. Т. 37. № 28823. С. 934.

¹⁵ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 308–309.

В этом отзыве, в частности, констатировалось: «В самой даже Велико-россии, где крепостное право освящено существующими с древнейших времен обычаями, никто из помещиков не осмелится столь самопроизвольно распоряжаться движимою собственностью крестьян, без того, чтобы не произвесть между ними общего ропота и даже не подвергнуть жизни своей опасности»¹⁶. В июле 1834 г. в разговоре с П. Д. Киселевым, согласно воспоминаниям последнего, Николай I признавал необходимость совершить «преобразование крепостного права». Однако остается неясным, кто же использовал это словосочетание: сам император либо Киселев¹⁷.

Наряду с термином «крепостное право», с первой половины XIX в. в употребление вошло также словосочетание «крепостное состояние». По мнению М. М. Сперанского, с «первой ревизии 1719 года возникли два новые понятия о крепостном личном праве: 1) что крестьяне и холопы пред Правительством суть одно и то же; 2) что те и другие равно суть принадлежность лица, а не земли; ибо не за землю и не по земле, но за помещиком положены в ревизии»¹⁸. Задавая вопрос, «в чем состоит, в точном и буквальном смысле ныне действующих законов, истинное законное крепостное право в России» Сперанский в записке 1836 г. сам же давал следующее определение: «Законное крепостное состояние в существе своем есть состояние крестьянина, водворенного на земле помещицей с потомственной и взаимной обязанностью со стороны крестьянина – обращать в пользу помещика половину рабочих своих сил, со стороны помещика – наделять крестьянина таким количеством земли, на коем мог бы он, употребляя остальную половину рабочих его сил, трудами своими снискивать себе и своему семейству достаточное пропитание»¹⁹.

Основываясь на упомянутом выше высказывании Сперанского в записке 1836 г. В. О. Ключевский констатировал: «Итак, сущность крепостного права заключалась в помещицьем праве собственности не на личность

¹⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества Канцелярии. СПб., 1895. Вып. 7. Отдел второй. С. 169.

¹⁷ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2. С. 21.

¹⁸ *Сперанский М. М.* О крепостных людях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачов. СПб., 1859. Кн. 3. С. 3.

¹⁹ Архив исторических и практических сведений, относящихся до России... Кн. 2. Отд. I. С. 43.

крепостного, а только на его повинности, т. е. на его обязательный труд в пользу владельца и то в ограниченном размере, так как крепостной крестьянин, кроме повинностей владельцу, обязан был повинностями и государству (податной и рекрутской). Следовательно, личная зависимость крепостного была следствием, а не основанием его обязательного труда на помещика»²⁰. Такой взгляд, по мнению Ключевского, был положен в основу указа от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах. Вместе с тем, Ключевский обратил внимание на два пробела в определении Сперанского: «Во-первых, в нем не обозначены отношения крепостных крестьян к государству; во-вторых, оно касается только крепостных крестьян, не захватывая дворовых людей»²¹.

Со второй четверти и середины XIX в. словосочетание «крепостное право» стало более широко использоваться в публицистике (сочинениях В. Г. Белинского, А. И. Герцена, К. Д. Кавелина, А. С. Хомякова и др.). В письме от 15 июля 1847 г. к Н. В. Гоголю В. Г. Белинский относил «уничтожение крепостного права» к самым живым, современным национальным вопросам России²².

Надо учитывать, что оформление обобщающих понятий чаще всего значительно отстает от исторических реалий. Такие понятия зарождаются в результате общественных потребностей в их появлении и использовании. И далеко не случайно термины «крепостное право» и «крепостное состояние» стали распространяться в тот момент, когда в русском обществе были выдвинуты первые проекты ограничения или даже отмены крепостной зависимости крестьян. Если крепостное право (право крепости на крестьян и дворовых людей) принадлежало только помещикам, то в крепостном состоянии находились сами бесправные русские крестьяне.

²⁰ Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. М., 1906. Цитируется по переизданию: Ключевский В. О. Русская история: Учебное пособие. М., 1992. С. 179.

²¹ Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России... С. 125.

²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X. С. 212–220.

И. В. РУЖИЦКАЯ

**«Просвещенная» бюрократия
и «конституционные начинания» в России
(1800–1860-е гг.)**

Аннотация: По общему мнению исследователей, родоначальником, идейным вдохновителем российского правительственного реформизма, признается Михаил Михайлович Сперанский. В докладе речь пойдет о взглядах на представительные учреждения в России того крыла высшего чиновничества, представители которого получили в исторической литературе наименование «либеральных» или «просвещенных» бюрократов. Автор подробно останавливается на отношении к планам Сперанского его идейных последователей.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Российская империя, представительные учреждения, планы реформ М. М. Сперанского, правительственный реформизм, либеральная или «просвещенная» бюрократия, М. А. Корф.

Речь пойдет о взглядах на представительные учреждения в России того крыла высшего чиновничества, представители которого получили в исторической литературе наименование «либеральных» или «просвещенных» бюрократов. Вопрос о том, кто принадлежал к этой группе администраторов, так же как и хронологические рамки этого явления, — предмет дискуссии. Но все исследователи сходятся в одном — родоначальником, идейным вдохновителем российского правительственного реформизма был Михаил Михайлович Сперанский. Однако его последователи не заходили так далеко, как он, в своих замыслах. Тем интереснее их оценка планов Сперанского.

Прежде всего, несколько слов собственно об этих планах. Ряд историков полагает, что идеи его проектов предопределили политическое развитие России до 1917 г., найдя свое отражение, например, в судебных уставах 1 ноября 1864 г. или в Манифесте 17 октября 1905 г. Задуманные Сперанским преобразования так и не были реализованы в полном объеме. Составленный им план общей политической реформы¹ предусматривал коренную ломку старых структур и создание новых, таких как выборные думы, которые должны были осуществлять

¹ Он изложен, прежде всего, во «Введении к Уложению государственных законов», а также в «Проекте Уложения государственных законов», «Кратком начертании государственного образования», «Общем обозрении всех преобразований и распределение их по временам»; все работы — 1809 года.

власть законодательную. Именно Сперанский, первый в России, основным организационным принципом своей реформы сделал строгое разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Он писал: «нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его»². Свои преобразования он планировал завершить «призванием народного представительства к участию в законодательстве в форме установления дум волостных, окружных, губернских и единой Государственной думы». Государственная дума должна была стать высшим законодательным органом страны.

Помимо думы он планировал преобразование Сената и министерств, т. е. реорганизацию исполнительной и судебной власти³. Первым осуществленным мероприятием Сперанского стало новое учреждение (а, по сути, создание) Государственного совета 1 января 1810 г. Затем последовало реформирование министерской системы. Но его планам по разделению Сената уже не суждено было сбыться, как и всем остальным.

Начертания Сперанского не были приняты современниками. Однако и через 30 лет люди, считавшие себя его учениками и последователями, критиковали его проекты как «кабинетные», оторванные от жизни, преждевременные для России⁴. Одним из таких людей был Модест Андреевич Корф, который повторил служебный путь Сперанского — государственный секретарь, главноуправляющий Вторым отделением Собственной его императорского величества канцелярии, председатель департамента законов. Корф — однокашник А. С. Пушкина по Царско-сельскому лицее; как большинство выпускников этого учебного заведения, он стал ярким «воплощением» цели этого детища Сперанского — «подготовки юношей к важным частям службы государственной». Представитель новой генерации гражданских чиновников, созданной в немалой степени усилиями Сперанского, Корф принял активное

² Введение к Уложению государственных законов // *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 164.

³ Сенат должен был быть разделен на правительствующий и судебный, в последний сенаторы должны были выбираться.

⁴ «Оба [Александр и Сперанский], без сомнения, одушевлены были одним искренним стремлением к благу России, между тем, оба одинаково заблуждались в предизбранности того пути, увлекаясь взаимными суждениями и доводами, от одной теории заимствованными», — вот пример такого подхода из конспекта лекции, прочитанной Корфом великому князю Константину Николаевичу (*Корф М. А.* Исторический взгляд на законодательные наши установления // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3204. Л. 8).

участие в процессе подготовки реформ 1860-х гг. Именно благодаря его усилиям была расширена сфера деятельности и самостоятельность земских учреждений, преодолен сословный подход при выборах в них. Он известен не только как составитель книги «Восшествие на престол императора Николая I», но и как автор двухтомной биографии М. М. Сперанского, увидевшей свет в 1861 г., но написанной еще при Николае I в 1847 г.

К тому же времени принадлежит и его черновой автограф, озаглавленный «Исторический взгляд на законодательные наши установления»⁵. Эта работа посвящена конституционным планам М. М. Сперанского и Александра I. Любопытно, как Корф оценивает «план общего преобразования» или «государственного уложения» Сперанского. План этот, с точки зрения Корфа, «обнимал собой весь состав ... государственного устройства и содержал в себе *полную систему народного представительства*» (здесь и далее курсив М. А. Корфа — *И. Р.*). В эту систему Корф включал все проектируемые Сперанским учреждения (или сословия): власть законодательную представляли выборные думы во главе с Государственной думой; власть судебную (выборную) — система судебных учреждений во главе с судебным Сенатом; власть исполнительную или правительственную — министерства, руководимые правительствующим Сенатом; для общей координации создавался Государственный совет; в систему народного представительства входили и «состояния».

Корф отмечал, что «власть законодательная в России так всегда была неразделена с самодержавною, что никакой закон у нас ни прежде не мог, ни теперь не может исходить иначе, как только от верховного начала всех законов — государя» («единая истинная власть законодательная — государь»)⁶. Этим определяется, с точки зрения Корфа, и незыблемость самодержавия в России, невозможность введения «системы народного представительства», предложенной Сперанским, поскольку существо такой системы может состоять «единственно в совещательном соображении»⁷. В конце концов, это понял и Александр I,

⁵ См. сноску 4.

⁶ Это почти дословное цитирование работы Сперанского конца 1826 – начала 1827 г. (См.: *Сперанский М. М. О государственных установлениях // План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. М., 2004. С. 148*).

⁷ Для Корфа «существо законных установлений» состоит «единственно в совещательном соображении, т. е. в том, 1. чтобы представить мнение свое по тем законодательным вопросам, которые представляются на их обсуждение непосредственно от

и Сперанский. Сначала Сперанский не мог понять, «что для России необходимо самодержавие, позднее опыт и глубокое душевное убеждение превратили его в ревностного поборника самодержавия для России». Корф разделял подобный взгляд и полагал, что «истинное [...] благо огромной, сложенной из таких разнородных стихий державы, может созидаться и утверждаться только крепкою, хранящею и спаивающею эти стихии волею», и, что «необходимость самодержавия для России есть аксиома, как аксиома и то, что без сей связывающей силы громадный ее состав мгновенно распадется в прах». Самодержавие — неотъемлемая часть русского политического сознания, утверждает Корф; это — «такая воля, которой народ верит как провидению и покорствуется как представительнице Бога на земле», и сохранение самодержавия именно в тех его «древних формах, [...] в каких чувства и понятия наши сроднились с нею от века» есть благо для России и всего русского народа⁸.

Прошло много лет, времена изменились, и в другой общественной атмосфере Корф снова обращается к проблеме соотношения русского самодержавия и представительных институтов. Время ли откорректировало его взгляды, или это связано с тем, что работа написана по заказу императора Александра II (она аккуратно переписана писарской рукой, в отличие от первой, которая представляет собой черновую рукопись с множеством исправлений и помарок), но в 1863 г. взгляды Корфа предстают в несколько ином виде, нежели раньше.

В работе «Исторический очерк конституционных начинаний в России» он ограничивается «единственно устройством порядка законодательного, то есть одними *предположениями собственно к конституции России*». Подобный подход характеризует принятую в то время терминологию.

В записке 1863 г. Корф с одобрением отзывается о тех «конституционных начинаниях», которые, по его мнению, можно увидеть в рос-

верховой власти; 2. чтобы признавать и удостоверить необходимость нового закона от уполномоченных к тому властей (теперь министров) внесенного; 3. чтобы обсуживать проект такого закона и представлять его на усмотрение <единой истинной власти законодательной> государя». Ср.: Сперанский: «Существо законодательных наших установлений состоит единственно в совещательном соображении, т. е. в том, 1) чтобы признать и удостоверить необходимость нового закона; 2) чтобы составить проект закона и представить его на усмотрение единой истинной власти — законодательной власти государя» (*Сперанский М. М. О государственных установлениях... С. 148*).

⁸ Корф М. А. Исторический взгляд на законодательные наши установления... Л. 2, 9, 14–15.

сийской истории, пользуется такими понятиями как «политические свободы», отождествляя их с «прочными учреждениями для ограничения самодержавной власти». Зачатки подобных учреждений Корф усматривает в Боярской думе, когда «бояре, т. е. часть народа наиболее просвещенная» были «во всех важных мерах призываемы к произнесению своего мнения».

Велики, с точки зрения Корфа, заслуги Петра I в появлении в России «политических свобод». Хотя Петр «во внешних формах не установил ничего в пользу политической свободы, но открыл ей двери через то, что открыл вход к нам наукам и торговле». Таким образом, этот монарх «без точного намерения дать своему государству политическое существование по одному инстинкту просвещения многое к тому приготовил. Положенные им начала вскоре так усилились, — продолжает Корф, — что в минуту призвания на престол Анны Иоановны уже нашлись люди, которые, поставя себя между народом и правительством, могли и осмелились пожелать чего-то вроде конституционного устройства. Но усилия эти были не в разуме времени, и обыкновенный ток вещей не мог быть предварен»⁹.

«Век Елизаветы Петровны не принес ничего ни для славы государства, ни для политического его устройства; — продолжал Корф, — но семена свободы, таившиеся в промышленности и торговле, росли своим чередом. Настало царствование Екатерины II ... Созваны были депутаты от всех сословий, и созваны в самых строгих формах народного представительства; дан наказ, содержащий в себе сущность лучших политических истин и учений того времени; приложены значительные пожертвования и издержки, чтобы облечь этот народный собор всеми видами свободы и величия; словом, все было устроено так, чтобы ему, а в его лице и России, дать *бытие политическое*. Но и это все оказалось почти столь же преждевременным и незрелым, как попытки Долгоруких при возведении на царство Анны, хотя здесь перемена шла уже от престола, а не от подданных...». «Громада, составленная одним усилием духа без содействия времени и степени народного развития, упала от собственной своей тяжести. С тех пор мысли императрицы, как можно заключить из всех ее последующих установлений, совершенно пере-

⁹ Корф М. А. Исторический очерк конституционных начинаний в России // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2748. Л. 2–3.

менились. Неудачный опыт охладил и привел в робость все ее помыслы о внутренних политических преобразованиях»¹⁰.

Весьма любопытна следующая часть работы, посвященная правлению Павла I и Александра I: «Воцарился Александр. Что в мыслях и поступках Павла было эксцентрического для охранения форм и, так сказать, девственности самовластия, то в Александре должно было, по-видимому, повториться в другой противоположной крайности. Россия, которая при отце превратилась, как мы сказали, почти в Турцию, при сыне обещала, казалось, сделаться Англиею. Не напрасно Лагарп и на словах и на письме, твердил бывшему своему воспитаннику, что назначение русского монарха есть — извлечь свой народ из невежества и позорного рабства и дать ему взамен хорошие законы и твердые политические установления, устремить неуклонно все усилия свои к этой высшей цели и достижением ее успокоить свою совесть и увенчать бессмертием свое имя. Молодой государь, в тогдашней фазе его преходящих впечатлений, от всей души разделял эти верования». Это проявилось во «Всемиловитивейшей грамоте, Российскому народу жалуемой», написанной в сентябре 1801 г., через полгода после воцарения Александра ко дню его коронации. Следующую часть своей работы Корф посвятил анализу этого документа.

В 1800-е гг. настроения молодого императора продолжали оставаться в русле либеральных утопий, Сперанский казался подходящей фигурой для реализации этих настроений на практике. Он составил «конституционный» проект политического преобразования¹¹.

Однако «если Сперанский был смел до дерзости в замысле преобразований, то показал гораздо более осмотрительности в исполнении. Несмотря на весь недостаток опытности, он понял светлым своим умом, что неизмеримо легче было написать, чем осуществить написанное; понял и то, как опасно превратить вдруг вековые основы монархии и поверья народа, и как при внезапности переворота действительные последствия могут выйти совсем наперекор надеждам». Именно

¹⁰ Корф М. А. Исторический очерк конституционных начинаний в России... Л. 2–3. В этой первой части работы Корф не просто идет «по стопам» Сперанского, он пересказывает его план «общего государственного преобразования» («Введение к Уложению...»), хотя смягчает акценты. Например, если Сперанский говорит о попытках установления при воцарении Анны Иоанновны политической свободы, Корф употребляет выражение «что-то вроде конституционного устройства».

¹¹ Там же. Л. 3–4. Далее Корф излагает содержание «Введения к Уложению государственных законов».

поэтому план Сперанского постигла та же судьба, что и конституцию («кондиции») Анны Иоанновны, и либеральные замыслы Екатерины II.

Завершая обзор истории «конституционных начинаний» в России, Корф делает вывод, что сейчас (работа писалась в декабре 1863 г.) такие политические изменения именно «в разуме времени» и введение высших совещательных учреждений в России диктуются нынешними политическим обстоятельствами¹².

Позиция Корфа отражала взгляды умеренных реформаторов, которые рассматривали ряд учреждений в российской истории как прообразы представительных форм правления в России.

¹² Корф М. А. Исторический очерк конституционных начинаний в России... Л. 8.

А. П. СОЛОГУБ

**Светская деятельность выходцев из духовного сословия
и духовные инициативы светских деятелей
на рубеже XIX–XX вв.
в области музыкальной культуры
(по материалам «Русской музыкальной газеты»)**

Аннотация: Освещение деятельности на страницах крупнейшего столичного музыкального периодического издания тех выходцев из духовного сословия, кто стал известен на светском поприще в сфере музыкальной культуры, лишь подчеркивает их авторитет в своей профессиональной области. Судьбоносная роль начального духовного образования в жизни известных музыкальных деятелей, а также духовные инициативы светских общественных лиц свидетельствуют о тесном соприкосновении церковно-общественных интересов в Российской Империи на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: композитор, музыкальная культура, духовное сословие, духовная музыка, музыкальная газета, биография.

Периодические издания дореволюционного периода в той или иной степени освещали различные сферы деятельности общества, а для некоторых видов искусства существовали даже газеты или журналы специальной направленности. Одним из самых авторитетных периодических изданий, посвященных музыке, в конце XIX – начале XX вв. являлась «Русская музыкальная газета» (РМГ), под руководством крупнейшего музыковеда Н. Ф. Финдейзена, где на протяжении двадцати четырех лет (1894–1918) представлялся самый широкий спектр музыкально-научного обзора. Сотрудничество газеты с видными музыкантами и авторитетными критиками, обширная корреспонденция и регулярная новостная лента определили изданию авторитет компетентного источника в информационном поле музыкальной направленности.

Среди многочисленных публикаций, освещающих разнообразные вопросы музыкальной и культурной жизни того времени, важным источником являются свидетельства об известных деятелях музыкальной культуры Российской империи, которые, помимо прочего, являются выходцами из духовного сословия или на судьбу которых повлияло духовное образование. Так, например, обучение церковному пению на начальном образовательном

уровне, особенно в небольших провинциальных населенных пунктах, могло определить дальнейшую судьбу человека, как это произошло в жизни выходца из Херсонской губернии, известного русского оперного певца Осипа Афанасьевича Петрова (1806–1878), который, будучи ведущим столичным оперным солистом, через всю жизнь пронес любовь к церковно-певческому искусству¹. Именно он совместно с М. И. Глинкой станет одним из родоначальников отечественного музыкального театра. Церковно-певческое воспитание сыграло важную роль и в жизни известного деятеля хорового искусства Придворной Певческой Капеллы, преподавателя хора Исаакиевского собора, сына псаломщика Степана Александровича Смирнова (1847–1903)² или в судьбе известного музыкального теоретика, хорового дирижера, композитора и собирателя народных песен Василия Михайловича Орлова (1858–1901), родившегося в семье сельского дьячка³, и т. д. Многие известные на светском поприще деятели, в том числе и в области музыкального искусства, получили свое начальное образование у церковнослужителей, как, например, знаменитый русский драматический и оперный артист Василий Михайлович Самойлов (1782–1839), родоначальник известной актерской династии Самойловых, обучавшийся грамоте у пономаря, который, со слов самого певца, «преподав» по часослову, отправлял его звонить на колокольню и обязательно петь в церковь на клирос (церковный хор)⁴.

В статье о гремевшем на рубеже веков хоре известного дирижера, композитора, позже заслуженного артиста РСФСР Александра Андреевича Архангельского (1846–1924), подчеркивается, что талантливый хоровой дирижер родился в глубинке Пензенской губернии и рано «оставшись сиротой (отец его был священником) <...> был определен в духовное училище, где его певческие способности и хороший голос обратили внимание пензенского преосвященного Варлаама, благодаря чему мальчик попал в архиерейский хор и получил там возможность учиться на скрипке <...>, а в семинарии 16-летним юношей, он стал управлять архиерейским хором и остался дирижером после окончания курса семинарии»⁵. Особого внимания заслуживает здесь показатель уровня музыкального воспитания и разнооб-

¹ *Компанейский Н.* Великий русский певец Петров-Сусанин // РМГ. 1903. № 9. С. 225–259.

² С. А. Смирнов // РМГ. 1903. № 36. С. 799.

³ *Л.* Современные музыкальные деятели. В. С. Орлов // РМГ. 1903. № 52. С. 1309–1313.

⁴ В. М. Самойлов // РМГ. 1903. № 25–26. С. 603–605.

⁵ *Лисицын М., прот.* Юбилей хора А. А. Архангельского // РМГ. 1898. № 1. С. 86–88.

разия его средств в губернии — церковная структура предоставляет не только церковно-певческое образование, но и классы по инструментальному исполнению. Церковь определила судьбу того, кто в будущем не только изменит отношение музыкального мира к хоровому звучанию⁶, к русской песне (он первый дирижер, кто познакомил публику «с народной певческой симфонией, со своеобразными формами русской песни, <...> вводит в свои программы песни славянских и европейских народов»⁷), но произведет в русской хоровой музыке реформу, навсегда изменившую систему организации хоров — именно А. А. Архангельский в своем хоре в 1883 году заменил детские голоса мальчиков женскими голосами. Спустя двадцатилетие даже в самых отдаленных регионах откликнется этот реорганизационный процесс местными реформами: например, полоцкий епископ Католической церкви был вынужден своим циркулярным распоряжением запретить участие женщин в церковных хорах костелов и попытался распространить это указание в дальнейшем на все католические храмы Российской империи⁸. А. А. Архангельский формирует также певческое общество соединенных хоров, которые выступают на грандиозных собраниях в составе более 500 исполнителей, и по его примеру повсеместно в России⁹ начинают организовываться подобные певческие общества. Биографический разворот этого дирижера и композитора был, если не типичным для того времени, то вполне закономерно повторяющимся, как мы знаем из жизни многих других светских деятелей, вышедших из духовного сословия.

Биография другого известного столичного композитора и хорового дирижера Григория Федоровича Львовского (1830–1894) демонстрирует довольно распространенную практику в системе духовного образования,

⁶ Разные известия [поездка по России хора А. Архангельского] // РМГ. 1899. № 41. С. 1024; *Н.* Музыка в провинции. Нижний Новгород (от нашего корреспондента) // РМГ. 1899. № 8. С. 257–258; *Мз-ркий А.* Музыка в провинции. Одесса // РМГ. 1899. № 19–20. С. 577–578; *Суслов А.* Концерты А. А. Архангельского и киевские церковно-певческие хоры // РМГ. 1899. № 10. С. 316–318.

⁷ *Компанейский Н.* Двадцатилетие концертной деятельности А. А. Архангельского // РМГ. 1903. № 3. С. 65–74.

⁸ Музыка в провинции. Полоцк // РМГ. 1903. № 36. С. 808.

⁹ См.: *Компанейский Н.* По поводу 9 п. § 44 Устава Церковно-певческого общества в С.-Петербурге // РМГ. 1903. № 17–18. С. 469–474; [Церковно-певческое общество]. Музыка в провинции. Ростов на Дону // РМГ. 1903. № 38. С. 868–869; [О церковно-певческих обществах] См.: *Компанейский Н.* Современное демество // РМГ. 1903. № 43. С. 1023–1029; № 49. С. 1231–1234.

когда сын псаломщика поступает в местное духовное образовательное учреждение, по окончании которого направляется в Придворную Певческую капеллу и, получив звание, помимо дирижерско-хоровой¹⁰ или иной профессиональной деятельности посвящает жизнь преподаванию в светских учебных заведениях.

Небезызвестный деятель отечественной культуры, музыковед¹¹, палеограф, хоровой дирижер, педагог, композитор, «ученый-исследователь русской музыкальной старины»¹² — профессор Степан Васильевич Смоленский (1848–1909) в одной из своих многочисленных статей приводит высказывание профессора С. А. Рачинского, что «цвет русского искусства — впереди. Вся громадная художественная работа в России в девятнадцатом веке — работа подготовительная <...> это лишь драгоценный материал, из коего будет выдвинуто величавое здание русского искусства»¹³. Внук диакона по отцовской линии и профессора Петербургской духовной академии по материнской линии — он сам стал тем, кто поднял на невиданный ранее уровень художественного совершенства и высокого профессионализма русскую хоровую культуру, её образовательную и исполнительскую составляющие, а также инициировал такие явления как научно-музыкальная экспедиция и научно-музыкальная библиотека письменных рукописей. Его сподвижники по синодальному хору — русский композитор и дирижер, сын сельского церковного причетника Василий Сергеевич Орлов (1858–1901)¹⁴ и известный музыковед, фольклорист, хоровой дирижер, русский и советский композитор, сын московского протоиерея и русского богослова Александр Дмитриевич Кастальский (1856–1926)¹⁵ — как замечает корреспондент, «два противоположных характера»¹⁶, преобразовывают навсегда хоровой репертуар

¹⁰ *Нелидов К. Г. Ф. Львовский как духовный композитор // РМГ. 1899. № 41. С. 1010–1014.*

¹¹ *Е. Л. Основы русской народной музыки (по поводу новой работы С. В. Смоленского) // РМГ. 1904. № 15. С. 398–399; Новое исследование С. В. Смоленского // РМГ. 1904. № 15. С. 400–401; Исследование о рукописи «Мусикия» (1601 г.) С. В. Смоленского // РМГ. № 17–18. С. 468.*

¹² *Компанейский Н. А. Д. Кастальский (По поводу 4-го выпуска его духовно-музыкальных сочинений) // РМГ. 1904. № 13–14. С. 361.*

¹³ *Смоленский С. В. О собрании русских древне-певческих рукописей в Московском Синодальном училище церковного пения // РМГ. 1899. № 3. С. 79–83.*

¹⁴ *Компанейский Н. А. Д. Кастальский... № 13–14. С. 360.*

¹⁵ *Компанейский Н. А. Д. Кастальский... № 13–14. С. 359–364; № 15. С. 391–398; № 16. С. 425–429.*

¹⁶ Там же. № 13–14. С. 360.

в направлении нового стиля, приближенного к образцам русского народного музыкального творчества, которое отражено в творчестве таких великих композиторов как С. В. Рахманинов, П. Г. Чесноков, М. М. Ипполитов-Иванов, А. Т. Гречанинов и др.

Важно подчеркнуть инициативы светских общественных деятелей в области церковной проблематики того времени. Ярчайшим представителем такой деятельности является, в первую очередь, князь Алексей Федорович Львов (1798–1870), общественный деятель, тайный советник, директор Придворной певческой капеллы, которым была проведена гигантская работа по «приведению в порядок церковного пения»¹⁷. Однажды он подчеркнет, что увидел, «если не принять деятельных мер к установлению должного порядка и прекращению произвола, то и у нас в скором времени, по примеру чужестранных государств, богослужение будет сопровождаться пением неприличным, унижающим Церковь — пением, которое людей <...> не привлекает к посещению храмов Божиих, но отклоняет от этого высокого наслаждения»¹⁸. И, хотя по данному вопросу существовало некое разногласие с духовенством, однако, как замечает князь Львов, «духовенство перестало противиться пению по моим книгам, и теперь, благодаря Бога, во всех церквах Петербурга поют по моим книгам... нравится это пение и в Москве. Синод, не разрешая моих книг, не воспрещает петь по оным при церковнослужении»¹⁹.

В этой связи невозможно не упомянуть еще двоих светских деятелей одного княжеского рода в области духовной музыки. Особое внимание обращает на себя фигура профессора физики, экстраординарного академика и камергера князя Бориса Борисовича Голицына (1862–1916) — одного из известных основоположников сейсмологии и термодинамики излучения. Его дядя по отцу — известный русский композитор и хоровой дирижер Юрий Николаевич Голицын (1823–1872) отмечен активной деятельностью в области церковного пения, а его хор, частично состоящий из крепостных людей, «доведен был до высокой степени совершенства» и «поражал тонкостью оттенков, в особенности в церковном пении»²⁰. Сам князь Б. Б. Голицын,

¹⁷ Нелидов К. А. Ф. Львов, его деятельность в области духовной музыки // РМГ. 1899. № 48. С. 1241–1244.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 1253–1259.

²⁰ Компанейский Н. И. Духовный концерт хора Экспедиции заготовления государственных бумаг // РМГ. 1904. № 11. С. 313.

помимо ученой известности, был назначен управляющим Экспедицией заготовления государственных бумаг и принял непосредственное участие в судьбе сотрудников организации, состоящих в хоре при домово́й церкви. Русский физик из рода Голицыных, будучи большим знатоком и любителем церковного пения, учредил устав хора, урегулировал опрос материальной помощи певцам, пригласил высокопрофессионального регента (В. А. Федорова) и преподавателя (известного регента митрополичьего хора И. Я. Тернова). Князь Б. Б. Голицын часто посещал репетиции, давал указания регенту и певцам, изучал исполняемые партитуры и лично заботился о преуспевании церковного хора²¹.

Авторские статьи, новостная лента, библиографический анализ и различные вопросы музыкальной культуры в информационном поле рассматриваемого периодического издания безусловно отражают проблематику данной области к. XIX – нач. XX вв. в Российской империи. Целая плеяда известных деятелей музыкальной культуры — выходцы из духовного сословия. Многие выдающиеся музыканты и актеры имели начальное духовное образование и воспитание, ставшее в их жизни той ступенью, на которой определились их способности и были инициированы возможности дальнейшего личностного становления и развития. В то же время живой интерес к сфере церковных вопросов и духовная инициатива светских общественных деятелей, в том числе и лиц государственной важности, свидетельствует о решении духовно-просветительских задач на самом высоком уровне, что подчеркивает еще одну смежную область взаимодействия церковно-общественных интересов.

²¹ *Компанейский Н. И.* Духовный концерт хора Экспедиции заготовления государственных бумаг... С. 313–314.

А. В. СПИЧАК

**Проблемы соответствия требованиям прошений о разводе
во второй половине XIX – начале XX в.
(на материалах Тобольской духовной консистории)¹**

Аннотация: Исследование посвящено трудностям расторжения браков, появившимся вследствие утверждения новых требований оформления просительных документов во второй половине XIX – начале XX в. Выявлены нормативные правовые акты, закрепляющие правила составления прошений о разводе и установлена степень соответствия им архивных документов Тобольской губернии.

Ключевые слова: Тобольская губерния, расторжение брака, прошение, правила, форма документа.

Историей разводов начали активно интересоваться в последнее десятилетие, вероятно, в силу существующих в настоящее время острых социальных проблем, вызванных большим количеством распадов семей, основная из которых — убыль населения. Исследователи отмечают, что процесс расторжения брака до революции 1917 г. по некоторым законодательно установленным мотивам (ссылка, безвестное отсутствие супруга более 5 лет) был достаточно трудоемким и затратным, а по причине прелюбодеяния (измены) вообще практически невозможным. Бракоразводная процедура усложнялась выходившими в XIX в. нормативными актами, строго регулирующими составление иницилирующего документа — прошения, а также наличия прилучающихся к нему доказательных документов и уплаты гербового сбора.

Ранее были рассмотрены основные требования для начала разбирательства по делам о расторжении брака по причине прелюбодеяния и установлены препятствия на пути к разводу у крестьян во второй половине XIX – начале XX в.: ошибки при предоставлении пакета документов и недостатки ведения делопроизводства в Тобольской губернии.

Государственный архив г. Тобольска хранит сотни дел по прошениям населения о расторжении брака. Основная масса этих дел приходится на вторую половину XIX — начало XX веков. Это можно объяснить тем, что в результате «великих реформ» Александра II у крестьян появилось больше прав и свободы управления своей жизнью. Однако и среди других сословий

¹ Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (Конкурс — МК-2022), номер гранта МК-1840.2022.2.

значительно участились случаи обращения в Тобольскую духовную консисторию в поисках развода.

Установлено, что основными требованиями для начала разбирательства по делу были: 1) подача прошения и его копии, причем на обоих экземплярах — наличие марки стоимостью 60 коп. (в 1880 г. на подлиннике прошения 2 марки по 60 коп., в 1900 — уже 2 марки по 80 коп.), 2) указанные в 252 ст. Устава духовных консисторий доказательства прелюбодейной жизни жены (мужа), 3) уплата гербового сбора в размере 1 руб. 80 коп. Несоблюдение первого пункта вело к закрытию дела, о чем сообщалось просителю. Отсутствие остальных двух пунктов при подаче прошения на гербовой бумаге осложняло процесс развода, увеличивало в несколько раз количество документов и, соответственно, срок исполнения дела².

Прошения, подаваемые в Тобольскую духовную консисторию составлялись по форме общего искового прошения. Последняя прилагалась к Уставу гражданского судопроизводства 1864 г.³ Однако в результате сравнительного анализа можно заметить, что прошения были схожи не только по форме, но и по структуре самих текстов⁴. Образцы просительных документов о разводе впервые нами обнаружены в сборнике В. Я. Максимова⁵.

В. Я. Максимов под образцом искового прошения указал: «Точного воспроизведения этой формы не требуется, необходимо лишь, чтобы исковое прошение по своему существу — содержанию отвечало по возможности этой форме». Формы прошений о расторжении брака, подаваемые в духовную консисторию, вероятно, были разработаны на основе искового прошения в суд, так как духовные консистории выполняли функции церковного суда. Автор данных образцов в сборнике не указан. Однако прошения, обнаруженные в Государственном архиве г. Тобольска, составлялись согласно данным образцам задолго до выхода практического сборника в свет.

² Спичак А. В. Крестьянские разводы в документах Тобольской духовной консистории XIX – начала XX века // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 452–470. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-452-470.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 39 (1864). СПб., 1867. Отд. 2. № 41477; Отд. 3. С. 446–447. См. также: Устав гражданского судопроизводства. 1864 г. М.; Берлин, 2015. 590 с.

⁴ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ). Ф. И-156. (Тобольская духовная консистория) Оп. 11. Д. 728. Л. 1–2; Д. 775. Л. 1–5; Д. 807. Л. 1–8; Д. 1311. Л. 1–24; Д. 1472. Л. 1–17; Д. 807. Л. 1–8; Д. 1813. Л. 1–35; Оп. 18. Д. 5. Л. 1–50; Д. 199. Л. 1–27.

⁵ Максимов В. Я. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий и о раздельном жительстве супругов, с разъяснениями Правительствующего сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего синода: Руководство к ведению бракоразводных дел. М., 1909. 428, ЛП с.

Рассмотрим форму прошения жены о расторжении брака по прелюбодеянию ее мужа.

В верхнем левом углу следовало проставить оттиск штампа об уплате гербового сбора. Первой строчкой по центру листа указывался адресат «В такую-то Духовную Консistorию.». Ниже справа через строчку показывали адресант: «Такой-то (звание, имя, отчество, фамилия и место жительства)». На следующей строке писали слова «по делу» и еще ниже: «с мужем моим (звание, имя, отчество, фамилия и место жительства). Через строчку большими буквами по центру относительно реквизита «адресант» располагалось «наименование вида документа» — «ПРОШЕНИЕ.».

Отступив одну строку составляли непосредственно сам текст документа, показывая следующие сведения:

1) Год выхода замуж, имя, отчество и фамилию супруга, дату и название церкви.

2) Показание того, что первые годы семейной жизни протекли «тихо, спокойно и счастливо», количество детей.

3) Отсутствие повода со стороны супруги к изменению своего поведения в худшую сторону.

4) Далее приводился наиболее вероятный, по мнению разработчиков, пример отображения сути женской беды. Разумеется, женщина описывала свой вариант, однако и образец вызывает интерес, так как отражает в определенной мере общественное мнение о супружеских проблемах исследуемой эпохи. Согласно этому сценарию, супруг в определенный момент времени начинал часто отсутствовать дома, возвращаться поздно и иногда в нетрезвом виде, оправдываясь делами и «другими благовидными предложениями». Позже, «не мало времени» спустя, до жены должны были дойти слухи, что муж «вращается в обществе мужчин сомнительной нравственности» и знакомится с женщинами «легкого поведения», с которыми проводит время в разных увеселительных местах. Когда слухи стали настойчивее, она стала просить и умолять супруга изменить стиль жизни, тем более, что финансовое положение семьи ухудшилось и у нее появилось опасение за будущее детей.

5) Наличие доказательств виновности мужа.

6) Отсутствие желания оставаться в браке.

7) Сама просьба о разводе и выдачи разрешения на вступление в следующий брак: «Прошу такую-то Духовную Консistorию брак мой с ним расторгнуть, по его виновности, и мне, как невинной, разрешить, если бы я пожелала, вступить в новый брак».

8) Указание того, что доказательства нарушения мужем супружеской верности будут представлены на судеговорении в духовной консистории. При этом указывалось, что доказательства можно указать и в прошении.

9) Ссылка на приложения: копия прошения, квитанция губернаторского казначейства о взносе исковых пошлин, удостоверение полиции, что муж, например, постоянно проживает с показанием адреса и с какого времени.

10) Фамилия и имя духовного отца семьи.

11) Заключала текст дата в формате год/месяц/число.

Отступив одну строку от текста документа ставилась подпись просительницы⁶.

Сравним рассмотренный образец с формой прошения мужа о расторжении брака по прелюбодеянию его жены. Отличия наблюдаются только в содержании текста прошения. Сама структура текста схожа с «женским» документом, вначале указывалась дата венчания, имя жены, то, что изначально совместная жизнь приносила счастье. Далее перечислялись по нарастающей неблагоприятные поступки жены, обязательно отсутствие реакции на убеждения мужа и в конце уличение обманщицы в измене. Разница между мужским и женским прошениями состояла в доказательной базе: если мужу в компании его товарищей достаточно было застукать супругу с любовником, то от жены требовали удостоверение полиции о том, что супруг живет с другой женщиной. Заканчивался текст прошения традиционно просьбой расторгнуть брак с показанием места и даты венчания и разрешить вступить в новый.

У просителя был выбор, описать «подробные доказательства нарушения женой супружеской верности» в прошении, либо указать, что они будут представлены на судеговорении в духовной консистории.

В образце мужского прошения среди приложений к документу значится также метрическое свидетельство о браке. На практике было достаточно представить в тесте прошения дату, место, название церкви и имя священника. Если отсутствовали и сведения о заключении брака, и метрическое свидетельство, то духовная консистория запрашивала эти данные⁷.

При сравнении образцов с реальными прошениями, отложившимися в фонде И-156 «Тобольская духовная консистория» в Государственном архиве г. Тобольска можно сделать вывод о том, что их тексты в целом соответствовали установленной структуре, реквизиты также оформлялись верно. В целом, архивные дела о поощрении и наказании епархиальных

⁶ Максимов В. Я. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий... С. 418–419.

⁷ Там же. С. 419–420.

канцелярских служащих говорят о том, что архиереи заботились о верном составлении, ведении и хранении консисторской документации. Однако, как известно, в Тобольской губернии была острая нехватка образованных специалистов. Вероятно, именно данный фактор сказывался на большом количестве случаев отказа от рассмотрения дела из-за ошибок в подачи документов: составления прошений на обычной вместо гербовой бумаги, неуплаты гербового сбора и других.

В. Я. Максимов критиковал сложившуюся систему брачного права: «В установившихся формах производства суда духовного является в высшей степени затруднительными, и далее невозможным уличить в прелюбодеянии виновного супруга, вследствие чего потерпевший вынужден или прибегнуть к лжесвидетельству, или же вступить с виновным супругом в добровольное соглашение»⁸. Насколько проблематичен, затратен и почти невыполним был бракоразводный процесс вследствие измены подтверждают архивные документы. В делах Тобольской духовной консистории отразилось желание десятков, а на рубеже XIX–XX вв. уже сотен, в год людей развестись, а в отчетах епархиальных архиереев — реальное количество одобренных разводов — единицы за год.

Задачей В. Я. Максимова собрать «воедино все разбросанные законоположения и расположить их в системе, обнимающей все стороны развода, дабы дать юристам практическое пособие, а неюристам (публике), возможность ознакомления с действующим законодательством о разводе».

Образцы прошений были позже переняты В. В. Быховским. На обложке его пособия указано: «Библиотека общедоступного законоведения». Напрашивается вопрос, на сколько она была общедоступной, могли ли ознакомиться с книгами простые люди? В. В. Быховский в вводной части книги «от составителя» указал, что у авторов было намерение «дать книгу по возможности дешевую, доступную по цене и для широких масс»⁹.

Как свидетельствуют документы Государственного архива в г. Тобольске, дела о расторжении брака по причине прелюбодеяния были самые сложные по процедуре, доказуемости, наиболее долгие по сроку и наименее вероятные по принятию положительного решения. Прелюбодеяние и в законах, и в практических сборниках указывалось среди возможных причин развода на первом месте, так как именно данный мотив чаще остальных подталкивал людей к такому редкому и нетрадиционному шагу, как подача документов на развод. В реальности же развестись по этому поводу было

⁸ Максимов В. Я. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий... С. 12.

⁹ Быховский В. В. Брак, раздельное жительство супругов и развод. М., 1912. 277, V с.

практически невозможно. Требовалось, во-первых, добыть доказательства, причем мало было увидеть факт измены своими глазами, нужно было быть в компании других людей, которые будут готовы дать показание на суде-говорении, либо представить удостоверение полиции о том, что супруг (супруга) живет с другим человеком; во-вторых, оплатить гербовый сбор; в-третьих, правильно составить прошение.

При составлении прошения о расторжении брака по прелюбодеянию требовалось учесть множество нюансов. В. Я. Максимов в своем сборнике выделил максимальное количество страниц именно данному подвиду — 7, остальным подвидам — по 1–2. Образцы прошений были разработаны только на две причины — измены и неспособность к брачному сожителству. Это подтверждает то, что максимальное внимание как разработчиков нормативных правовых актов, так и специалистов в области брачного права уделялось указанному поводу. Подобные практические пособия составлялись для канцеляристов духовных консисторий (либо других учреждений в случае, если документ отправляли по почте) в целях помочь описать проблему просителя с его слов, так как большинство обращающегося к ним населения, судя по архивным материалам, было безграмотно и не могло не то, что знать структуру прошения, а даже поставить свою подпись. Таким образом, хоть практические сборники и были теоретически доступны для широких масс, на практике, даже если и бедному крестьянину удалось бы его достать, ознакомиться с ним он бы не смог. Получается, что судьба просителя во многом зависела от грамотности и внимательности канцеляриста. Часто, при изучении архивных дел о расторжении браков, по которым были вынесены отрицательные решения из-за несоблюдения правил подачи документов, появляется вопрос, как мог допустить это служащий духовной консистории или другого государственного учреждения.

Г. И. УЛЬДАНОВА

И. П. Корнилов на службе в Министерстве народного просвещения

Аннотация: В статье совершена попытка описать взгляды И. П. Корнилова, видного чиновника Министерства народного просвещения, на положение и проблемы народного образования в России во второй половине XIX века. Автором рассматриваются различные труды Ивана Петровича: рукописи, записки, опубликованные материалы и т.п. В конце статьи представлены итоги изучения письменного наследия Корнилова. **Ключевые слова:** народное образование, И. П. Корнилов, Министерство народного просвещения, школа, вторая половина XIX в., Российская империя.

В данной статье пойдет речь об Иване Петровиче Корнилове, видном чиновнике второй половины XIX в., посвятившем большую часть своей жизни службе в Министерстве народного образования. Свою деятельность в министерстве Иван Петрович начал в конце 1850-х гг., уже имея за плечами опыт службы в армии на различных должностях и в Межевой канцелярии. Первоначально он стал инспектором казенных училищ Московского учебного округа, затем помощником попечителя Санкт-Петербургского учебного округа.

Будучи сподвижником небезызвестного М. Н. Муравьева, и по его рекомендации, И. П. Корнилов был назначен попечителем Виленского учебного округа, то есть на достаточно высокую и значимую должность. Однако на этом месте наш герой прослужил сравнительно недолго — четыре года, но успел предпринять ряд важных решений и преобразований. В дальнейшем Иван Петрович занимался самыми разнообразными делами в Министерстве народного просвещения: трудился в многочисленных комиссиях, разрабатывавших решения по тем или иным вопросам и проблемам, состоял в Совете министра народного просвещения, исполнял обязанности товарища министра народного просвещения, работал в Санкт-Петербургском опекуновском совете, а также был почетным опекуном Гатчинского сиротского института.

Помимо вышеперечисленного, Иван Петрович постоянно писал различные труды на тему образования в России, преимущественно в западных её областях. Его интересовали особенности народного просвещения в этих землях, с положением дел в которых он был хорошо знаком, в том числе и по долгу службы. О деятельности и чертах мировоззрения

Корнилова упоминается в нескольких научных работах¹, которые главным образом затрагивали историю Северо-Западного края и развитие общественной мысли в России второй половины XIX в.

Однако нам кажется важным обратить особое внимание на то, как Иван Петрович Корнилов в своих трудах характеризовал состояние народного образования, а также рассмотреть его практические предложения по преобразованию системы. Не стоит предавать забвению и тот факт, что благодаря публикациям чиновника до наших дней дошло и множество статистической информации, которая может либо дополнить сохранившиеся данные, либо в некоторых случаях и вовсе их восполнить.

В настоящее время у каждого имеется возможность ознакомиться и с рукописными материалами, оставшимися после Ивана Петровича Корнилова. В Российском государственном историческом архиве², а также в Российской национальной библиотеке³, сохранились обширные архивные фонды с письменными свидетельствами деятельности, службы и развития мысли видного чиновника Российской империи. Говоря об опубликованных работах, стоит отметить особо сборник статей И. П. Корнилова под названием «Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем»⁴, который вышел в свет в последний год жизни автора. Эта публикация важна и ценна тем, что заключала в себе самые крупные и значимые статьи, написанные Иваном Петровичем. Тем не менее имеется также и множество других крупных работ⁵, которые не раз рассматривались различными исследователями.

¹ См.: Котов А. Э. «Нравственный Кавказ» И. П. Корнилова // Российская история. М., 2015. № 5. С. 46–59; Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; Комзолова А. А. «Положение хуже севастопольского»: Русский интеллигентный чиновник в Северо-Западном крае в 1860-е гг. // Россия и Балтия. Т. 3. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. Вторая половина XVIII в. – XX в. М., 2004. С. 117–141.

² РГИА. Ф. 970. Оп. 1.

³ ОР РНБ. Ф. 377.

⁴ Корнилов И. П. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. СПб., 1902.

⁵ См.: Корнилов И. П. 1) Замечания о народных училищах министерства народного просвещения. СПб., 1862; 2) Памяти гр. М. Н. Муравьева: к истории Виленского учебного округа за 1863–1868 гг. СПб., 1898; 3) Русское дело в Северо-Западном крае: материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб., 1901.

Большинство статей и трудов Ивана Петровича начинались с введения читателя в исторический контекст. Для нашего героя важной поворотной точкой являлась деятельность императора Петра I, который, по его мнению, высоко оценивал роль общественных школ, видя в них «могучее средство для духовного просвещения своего народа на его исторических религиозных и бытовых началах»⁶. Приводимый И. П. Корниловым тезис, как и многие другие в его статьях, является спорным, однако это отдельная крупная тема для исследования. В любом случае он резко разделял XVIII и первую половину XIX вв., во многом противопоставлял их, говоря о подрыве основ патриотического, православного воспитания старой русской школы⁷.

Необходимо указать, что устройство школ в понимании Ивана Петровича было делом чрезвычайной важности. В данном случае имелись в виду все общественные школы: низшие, средние, высшие, открытые и закрытые, государственные и частные. Описание роли школы в его работах не представляло из себя нечто особенное. Он говорил о подготовке учащихся к жизни семейной и общественной, воспитании любви к Отечеству, укреплении религиозных и нравственных убеждений и т. п. К некоторым составляющим учебного процесса И. П. Корнилов был настроен враждебно. Так, например, он сетовал, что школа, особенно в XIX в., стала обращать внимание не на духовное воспитание, а на обогащение учеников знаниями, все силы бросая на учебные программы, экзамены, дисциплину. Категорично он относился к инородцам и т. д.⁸

С 1860-х гг. Иван Петрович, как и многие другие его современники, начал много писать на тему распространения грамотности среди населения Российской империи. Частично решение этого вопроса государственный деятель видел в создании особых народных училищ для тех слоев населения, которые были ограничены в своих средствах к существованию и зачастую использовали детей как рабочую силу уже в самом раннем возрасте. Однако он трезво рассуждал о больших расходах на постройку и содержание школ, которые к тому же было необходимо разместить по всей территории необъятной родины. По мнению Корнилова, самым верным и дешевым вариантом могло бы стать распространение «строго обдуманых и хорошо составленных»⁹ букварей. В пример

⁶ Корнилов И. П. Задачи русского просвещения... С. 2.

⁷ См.: РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 47, 49, 50.

⁸ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.

⁹ Корнилов И. П. Задачи русского просвещения... С. 284.

он приводил старообрядцев, говоря о том, что более широкое распространение среди них грамотности возможно благодаря домашнему образованию и множеству печатных и рукописных букварей, молитвенников, псалтирей и т. д.¹⁰

В более поздних работах Ивана Петровича все чаще проявлялись рассуждения о роли православия в воспитательном процессе. В его черновых очерках встречались сетования на распущенные нравы современников, которые «понятие о Боге и Его суде считают бреднями»¹¹. Корнилов не раз замечал, что «знания сами по себе не прибавляют ничего к духовной сущности человека. <...> Только христианская любовь способна возвысить человека над своекорыстием и себялюбием и направить его на служение ближним»¹². Немало он писал о воспитательном процессе в различных религиях, не раз отмечал и выделял «русских раскольников», у которых на порядок лучше устроено обучение молодых поколений, нежели чем у «русских православных»¹³.

В своих ранних трудах одним из недостатков системы народного образования И. П. Корнилов называл практически полное отсутствие женских бесплатных народных училищ. Отделения для учениц существовали в приходских училищах, но, как правило, там обучалось крайне небольшое количество девочек. Иван Петрович уверял, что если бы до середины XIX в. не пренебрегали обучением женщин в простых сословиях и сделали бы для девочек столько же, сколько было сделано для мальчиков, то в вопросе распространения грамотности было бы гораздо больше достижений. Не обходил он стороной и преимущества женщин в качестве учительниц, указывая, помимо прочего, что «в деле начального обучения женщины были бы весьма часто способнее, терпеливее, мягче, доступнее в общении с детьми»¹⁴.

Однако только перечисленными темами работы Ивана Петровича Корнилова не ограничиваются. Им немало было написано о положении приходских школ, подготовке педагогических кадров, недостатках полной централизации училищного управления, малоэффективности инспекции учебных округов, скромном финансировании Министерства

¹⁰ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–10.

¹¹ Там же. Д. 45. Л. 46.

¹² Там же. Л. 74 об.

¹³ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Д. 90. Л. 9–12.

народного просвещения и др. В том числе И. П. Корнилов проводил сравнение систем образования в разных странах¹⁵, рассуждал над вопросом о взаимосвязи просвещения и национальной идеи¹⁶.

В итоге стоит сказать, что, по нашему мнению, изучение документального наследия, оставленного И. П. Корниловым, будет способствовать более глубокому и детальному анализу народного образования в России в XIX в. Поскольку в его работах затрагивались самые разные аспекты и проблемы просвещения, политика власти, критика её действий, делались предложения и высказывались суждения по улучшению положения образования.

В то же время И. П. Корнилова необходимо рассматривать как одного из представителей русского политического консерватизма, который был свойственен чиновникам и общественным деятелям второй половины XIX – начала XX в. Примечательно, что Иван Петрович оставил после себя богатое и разнообразное¹⁷ литературное наследие, отраженное не только в многочисленных печатных изданиях, но и в архивных материалах.

¹⁵ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–9.

¹⁶ Там же. Д. 50

¹⁷ Далеко не ограничивающееся тематикой народного образования.

А. С. ШУМИЛОВА

Министерство императорского двора и институт поставщиков Двора его императорского величества и великокняжеских дворов Российской империи во второй половине XIX – начале XX века

Аннотация: В статье рассмотрен процесс формирования и развития практики дарования звания поставщиков Двора его императорского величества и великокняжеских дворов. Показано, как Министерство императорского двора, заняв важное место в процессе регламентации порядка дарования этого звания, разрабатывало нормы, рассматривая конкретные прошения предпринимателей, и принимало их за образец при дальнейшем рассмотрении схожих дел.

Ключевые слова: Министерство императорского двора, институт поставщиков Двора, канцелярия МИДв, государственный герб, В. Ф. Адлерберг.

Хотя отдельные случаи присвоения звания поставщиков Двора его императорского величества (е. и. в.) и великокняжеских дворов известны ещё в первой половине XIX в., регламентация порядка рассмотрения прошений предпринимателей и дарования им звания поставщиков начинается осуществляться со второй половины XIX в. и продолжается вплоть до конца столетия. С 1838 по 1888 гг., а также с 1898 по 1917 гг. процедура рассмотрения прошений предпринимателей находилась в ведении разных отделений канцелярии Министерства императорского двора (МИДв)¹.

До 1850–1860-х гг. не существовало объективных правил и постановлений на пожалование званий поставщиков, придворных фабрикантов, ювелиров: звания жаловались по всеподданнейшим докладам министра Императорского двора в ответ на прошения лиц, которые поставляли свои изделия к Высочайшему двору «в течение нескольких лет»².

Со второй половине XIX в. начинается процесс регламентации отдельных вопросов, сопряженных с дарованием звания поставщика, в частности правил изображения государственного герба. Государственный герб являлся неотъемлемым знаком, которым награждались

¹ В промежутке между этими двумя периодами вопросом пожалования звания поставщиков занимался Административный отдел Кабинета е. и. в.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 9. Д. 34. Л. 28–28 об.

поставщики. Принципиальных различий в изображении государственного герба между поставщиками и отличившимися на промышленных выставках фабрикантами, которых Министерство финансов также награждало правом изображать государственный герб³, на тот момент не существовало. Отличительной особенностью являлось только то, что в случае с поставщиками изображение герба всегда сопровождалось надписью «Поставщик Его Императорского Величества».

В 1856 г. правила начинают корректироваться. С этого года было принято за правило предоставлять изображение государственного герба на вывесках только поставщикам их императорских величеств государя императора и государынь императриц; для поставщиков великокняжеских дворов разрешалось иметь на вывеске вензель имени их императорских высочеств⁴. Это решение последовало после прошения гравера Исаксона именоваться гравером Двора его высочества великого князя Николая Николаевича с просьбой изображать на вывеске государственный герб. В итоге он получил разрешение именоваться гравером Двора его императорского высочества, но вместо государственного герба получил право изображать на вывеске вензель имени его императорского высочества⁵.

5 октября 1866 г. министр Императорского двора В. Ф. Адлерберг в ответ на прошение фабриканта Тепфера о даровании ему звания придворного поставщика приложил резолюцию: «Отныне впредь соблюдать, чтобы при пожаловании звания и герба поставщикам, ремесленникам и т. п., всегда было сказано, что сии привилегии жалуются только на время продолжения поставки и работы и с прекращением оных должны быть от них отняты»⁶. То есть если до этого времени звание поставщика оставалось за производителем даже после прекращения поставок (выполнения работ), то с 1866 г. поставщик автоматически терял право именоваться поставщиком после прекращения поставок. Эта мера была необходима также для отличия от государственного герба, который жаловался фабрикантам за успехи на промы-

³ Полный свод законов Российской империи: В 2 кн. СПб., 1911. Кн. 2 (Т. IX–XVI). Т. XI. Ч. 2. Устав о промышленности. Кн. 1. О промышленности фабричной и заводской. Стб. 2352. Ст. 245.

⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 34. Л. 18–18 об.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (254/1270). Д. 24. Л. 35–35 об.

шленных выставках и переходил по наследству ко всем владельцам заведения.

В 1866 г. на имя директора Придворной певческой капеллы была отправлена записка канцелярии МИДв, где разъяснялись ключевые правила, в случае соблюдения которых предприниматель мог рассчитывать на дарование звания поставщика Двора е. и. в. Звание поставщика и право изображать государственный герб предоставлялись лично человеку, а не фирме, и не могли быть переданы ни по наследству, ни постороннему лицу, даже если они брали на себя обязательства продолжить осуществлять поставки или выполнять работы к Высочайшему двору. Поставки должны были осуществляться непрерывно не менее 8–10 лет на значительные суммы⁷.

Звание поставщика Высочайшего двора иностранцам, проживающим за границей, жаловалось с высочайшего соизволения без строгого соблюдения выше указанных требований⁸. Можно предположить, что такой порядок был связан с тем, что иностранцы получали звание напрямую лично через высочайшее соизволение. Важную роль играли также маршруты поездок российских императоров по странам Европы и родственные связи российского императорского дома⁹.

Таким образом, к 1870-м гг. сформировался основной перечень требований к поставщикам, и процедура дарования звания стала более регламентированной: обязательным становилось требование непрерывно в течение 8–10 лет совершать поставки или исполнять работы, важен был не только сам факт поставок: они должны были быть успешными, исправными, по сравнительно малым ценам и на значительные суммы.

В 1884 г. правила дарования звания поставщика Высочайшего двора распространились и на поставщиков великокняжеских дворов¹⁰, однако следование им было менее строгим: обычно, если за предпринимателя ходатайствовали великий князь или великая княгиня, то прошение удовлетворялось, даже если соблюдались не все обозначенные требования.

⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 38 (411/1931). Д. 27 Л. 16–16 об.

⁸ Там же. Л. 17.

⁹ Зимин И. В., Соколов А. Р. Ювелирные сокровища Российского императорского двора. М., 2013. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 26.

Хотя звание поставщика не передавалось по наследству и предоставлялось лично предпринимателю, существовала практика подавать прошение на сохранение этого звания наследниками фирмы/мастерской. Обычно преемники ссылались на то, что принимали участие в деятельности фирмы до смерти поставщика, а также обращалось внимание на сохранение старого штата мастеров, производивших товары. В таком случае звание поставщика могло быть повторно даровано или же мог последовать отказ: решение зависело от конкретных обстоятельств конкретного дела.

Так, в августе 1875 г. Вильгельм Кюстнер, портной, наследник своего отца, получил отказ в ответ на свое ходатайство сохранить за ним звание поставщика Высочайшего двора¹¹. Тогда как Александру Эбергу, московскому купцу 2-й гильдии, удалось в декабре 1896 г. сохранить после своего отца звание придворного фабриканта роялей с правом изображать на вывеске государственный герб¹².

Несмотря на то, что, согласно требованиям, звание поставщика предоставлялось лично просителю, имели место случаи, когда звание поставщика Высочайшего двора предоставлялось акционерным обществам. В 1885 г. звание поставщика Высочайшего двора получило Российско-Баварское пивоваренное общество «Бавария», в 1894 г. аналогично звание было даровано Товариществу водочного завода Смирнова в Москве (однако здесь с оговоркой, пока во главе товарищества будет находиться П. А. Смирнов). В 1895 г. поставщиком Двора е. и. в. стало Общество спиртоочистительного и водочного завода «Келлер и Ко», и в том же году — Товарищество Спасо-Сетуньской мануфактуры ковровых изделий¹³.

В 1896 г. последовал указ разграничить тех, кто поставляет к Высочайшему двору товары и тех, кто занимается выполнением работ: последние не должны были более именоваться поставщиками, так как звание этого представлялось «не вполне отвечающим действительности»¹⁴. За выполнение работ при соблюдении всех необходимых требований с этого момента предполагалось награждать только правом иметь на вывеске изображение государственного герба с надписью «за работы по Двору Его Императорского Величества».

¹¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 37 (263/1280). Д. 15. Л. 73–76.

¹² Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2059. Л. 368.

¹³ Там же. Л. 372–372 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2009. Л. 6–6 об.

Однако, несмотря на высочайшее распоряжение, последующая практика показала, что различие между товарами и работами соблюдалось далеко не всегда. Так, Карлу Осиповичу Гвиди за мраморные и гранитные работы 24 апреля 1896 г. было даровано звание поставщика Высочайшего двора с правом изображать на вывеске государственный герб¹⁵. Аналогично звание поставщика Высочайшего двора 8 марта 1897 г. получил Николай Воронцов за проверку, заводку и исправление часов¹⁶. Фридрих Леопольд Эмильевич Гольштеге, личный почетный гражданин, выполнявший слесарно-водопроводные работы, 26 июля 1900 г. стал поставщиком е. и. в.¹⁷ В. В. Гюртлер, потомственный почетный гражданин, за цементно-бетонные работы 8 марта 1901 г. удостоился этого же звания¹⁸.

В 1900 г. законодательно было закреплено, что поставщикам Высочайшего двора предоставляется право изображать на вывесках и изделиях изображение малого государственного герба на малой государственной печати с прибавлением слов «поставщик Двора Его Императорского Величества» и указанием года пожалования¹⁹.

Реконструкция процесса формирования и развития процедуры дарования звания поставщиков показывает, что многие правила формировались путем прецедента: ответ на конкретное прошение принималось за образец и использовалось в дальнейшем при рассмотрении аналогичных дел. Некоторые поставщики получали звание в обход устоявшихся требований, становясь исключением из правил: дарование звания зависело от работы того ведомства, которое занималось поставщиками, прежде всего, Министерства императорского двора, самого министра, и, разумеется, монаршей воли.

¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2009. Л. 97–108, 110, 112, 114–118.

¹⁶ Там же. Д. 2237. Л. 75–78.

¹⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (473/2422). Д. 19. Л. 187, 265–277, 291–296.

¹⁸ Там же. Д. 16. Л. 19, 21, 85–107, 118–118 об., 122, 123.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб, 1902. Т. XX (1900 г.). № 19117.

Сведения об авторах

Ашихмин Андрей Витальевич — главный специалист отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива

Байков Тимофей Владимирович — ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации

Берсенева Владимир Вячеславович — главный специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива

Богданов Станислав Валентинович — заведующий архивохранилищем Российского государственного исторического архива

Богданова Татьяна Васильевна — заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива

Бондарь Лариса Дмитриевна — заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, кандидат исторических наук

Быков Андрей Юрьевич — профессор Сингапурской академии корпоративного менеджмента, доктор исторических наук

Василец Дмитрий Владимирович — ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива

Вилкова Маргарита Александровна — магистрант Оренбургского государственного университета

Гребенкин Алексей Николаевич — доцент Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, доктор исторических наук

Ефимов Андрей Александрович — научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, кандидат исторических наук

Жайбалиева Люция Турсунгалиевна — доцент Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук

Зарембо Наталья Геннадьевна — начальник отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук

Зиновьева Анна Павловна — ведущий специалист отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива

Карский Александр Александрович — независимый исследователь, биограф академика Е. Ф. Карского

Крылов Никита Сергеевич — главный специалист отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива

Миловидов Борис Павлович — главный специалист отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива

Муромцева Людмила Петровна — доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

Назарова Марина Геннадьевна — главный архивист сектора информационно-выставочной работы Государственного архива Владимирской области

Перхавко Валерий Борисович — ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, кандидат исторических наук

Ружицкая Ирина Владимировна — ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук

Сологуб Анна Петровна — аспирант Санкт-Петербургской духовной академии

Спичак Александра Владимировна — научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексных исследований социальных систем Нижневартковского государственного университета, кандидат исторических наук

Ульданова Галия Ильдусовна — главный специалист отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива

Шумилова Арина Сергеевна — ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива

Содержание

<i>С. В. Чернявский</i> Предисловие научного редактора.....	3
<i>А. В. Ашихмин</i> О корнях «просвещенного охранительства»: источники и историография идеологической модели С. С. Уварова	7
<i>Т. В. Байков</i> К вопросу о роли М. М. Сперанского в подготовке манифеста о вступлении на престол императора Николая I	18
<i>В. В. Берсенеv</i> Сперанский — либерал. Сперанский — крепостник (Опыт подавления крестьянского восстания в Пензенской губернии)	24
<i>С. В. Богданов</i> Законодательство эпохи правления Александра I и формирование нового облика Императорского двора	31
<i>Т. В. Богданова</i> Роль М. М. Сперанского в объединении Старой и Новой Финляндий (по документам РГИА)	38
<i>Л. Д. Бондарь, А. А. Карский</i> В атмосфере духовности — с ранних лет: семья академика Е. Ф. Карского (1861–1931)	49
<i>А. Ю. Быков</i> М. М. Сперанский и решение вопроса о границах территорий, населенных казаками	56

<i>Д. В. Василец</i> С. В. Рождественский и образование женского педагогического института (по материалам РГИА)	63
<i>А. Н. Гребенкин</i> Создание Охранной агентуры Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге и ее организационное развитие в 1880-е годы	68
<i>А. А. Ефимов</i> Благоустройство комплекса Феодоровского собора как пример взаимодействия общественной организации и Дворцового управления.....	75
<i>Л. Т. Жайбалиева, М. А. Вилкова</i> Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью	81
<i>Н. Г. Зарембо</i> Формулярные списки чиновников 90-х годов XVIII – первой четверти XIX века в фондах РГИА: основные направления и особенности выявления	87
<i>А. П. Зиновьева</i> На пути к фенномании: Александровский (Гельсингфорский) Императорский университет и финская ученая корпорация после присоединения Великого княжества Финляндского к России в первой половине XIX в.	96
<i>Н. С. Крылов</i> К вопросу об эволюции политических взглядов М. М. Сперанского	102
<i>Б. П. Миловидов</i> Проект манифеста о гражданах 1826 года и особенности рукописного наследия М. М. Сперанского	111
<i>Л. П. Муромцева</i> Роль С. А. Муромцева в становлении российского парламентаризма	118

<i>М. Г. Назарова</i> Владимирские страницы биографии М. М. Сперанского (1772–1839) в документах Государственного архива Владимирской области	124
<i>Л. П. Муромцева, В. Б. Перхавко</i> О начале распространения в России термина «крепостное право»	129
<i>И. В. Ружицкая</i> «Просвещенная бюрократия» и «конституционные начинания» в России (1800–1860-е годы)	136
<i>А. П. Сологуб</i> Светская деятельность выходцев из духовного сословия и духовные инициативы светских деятелей на рубеже XIX–XX веков в области музыкальной культуры (по материалам «Русской музыкальной газеты»)	143
<i>А. В. Спичак</i> Проблемы соответствия требованиям прошений о разводе во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Тобольской духовной консистории)	149
<i>Г. И. Ульданова</i> И. П. Корнилов на службе в Министерстве народного просвещения	155
<i>А. С. Шумилова</i> Министерство императорского двора и институт поставщиков Двора его императорского величества и великокняжеских дворов Российской империи во второй половине XIX – начале XX века	160
Сведения об авторах.....	165

Научное издание

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Карамзинские чтения

Выпуск 4

Составители *А. Б. Богомолов (отв. ред.), Н. В. Колосенкова*
Научный редактор *С. В. Чернявский (канд. ист. наук)*

Корректоры *Д. В. Василец, А. С. Шумилова*
Оригинал-макет *А. Б. Богомолов*

Подписано в печать 04.10.2022. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9.88.
Тираж 150 экз. Заказ №

РГИА, Санкт-Петербург, Заневский пр., д. 36
тел.: (812) 438-55-20, факс (812) 438-55-94
e-mail: fgurgia@mail.ru; rgia@rgia.su
сайт: <http://rgia.su> и <http://fgurgia.ru>

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87